

**ИСТОРИЯ
И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ**

SARATOV STATE UNIVERSITY

Institute of History and the International Relations

SEC «Regional cultural-historical heritage
and cross-cultural contacts»

HISTORY AND HISTORICAL MEMORY

The interuniversity collection of proceedings

Editor A.V. Gladishev

ISSUE 5

Saratov State University
2012

САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Институт истории и международных отношений

НОЦ «Региональное культурно-историческое наследие
и кросс-культурные связи»

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Межвузовский сборник научных трудов

Под редакцией А.В. Гладышева

ВЫПУСК 5

Саратовский государственный университет
2012

УДК 94(100)[15/19](082)
ББК 63.3(0)5я43
И90

История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / И90 под ред. А.В. Гладышева. – Саратов: Сарат. гос. ун-т, 2012. – Вып. 5. – 260 с.

В пятом выпуске межвузовского сборника научных трудов рассматриваются различные аспекты исследования исторической памяти на материале современной отечественной и зарубежной истории. В тематических разделах публикуются работы, охватывающие проблемы конструирования исторической памяти, механизмов властного контроля, категорий времени в университетской культуре, сохранения и использования культурного наследия, а также биографики. Публикуются письмо С.Н. Чернова к С.И. Архангельскому и автобиография профессора Саратовского университета А.А. Гераклитова.

Для специалистов-историков, политологов, философов, социологов, студентов и аспирантов, всех интересующихся актуальными проблемами исторической памяти.

Редакционная коллегия:

Д-р ист. наук, проф. *Т.А. Булыгина*, д-р ист. наук,
проф. *Е.А. Вишленкова*, д-р ист. наук, проф. *А.В. Гладышев*
(отв. редактор), канд. ист. наук, доц. *Д.Е. Луконин* (зам. отв.
редактора), канд. ист. наук, доц. *В.А. Соломонов* (отв. секретарь),
д-р полит. наук, проф. *Н.И. Шестов*, канд. ист. наук,
доц. *А.В. Баранов*, канд. ист. наук, доц. *В.В. Хасин*

Рецензент

Доктор исторических наук, профессор *А.Н. Донин*

УДК 94(100)[15/19](082)
ББК 63.3(0)5я43

ISSN 2218-5488

© Саратовский государственный
университет, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Степанов Ю.Г. (Саратов). «Любить университет в себе»: к 50-летию со дня рождения В.А. Соломонова 9

Историческая память: вопросы историографии и образовательных практик

Ланской Г.Н. (Москва). Методологические и концептуальные особенности советской историографии экономической истории России начала XX века 32

Шестов Н.И. (Саратов). «Историческая память» в структуре профессиональных компетенций политолога 43

История, власть и массовое сознание

Виноградов А.С. (Н.-Новгород). Ремесленная традиция и ремесленник: специфика познания мира человеком средневековья 55

Бикташева А.Н. (Москва). Губернатор как жертва конфронтации коронной власти, губернского дворянства и «локального» общества (первая половина XIX века) 71

Руднева Я.Б. (Казань). Студентка в Российской империи: протест, адаптация, интеграция 85

От политики забвения к политике памяти

Боленко К.Г. (Москва). Верховный уголовный суд в проектах реформ и законодательстве второй половины 1820-х – 1830-х годов 102

Карпачёв М.Д. (Воронеж). Дворянство Воронежской губернии об отмене крепостного права 118

Биографика

Гладышев А.В. (Саратов). «Le Spectateur Oriental», Александр Блакю и развитие прессы в Турции в 1820-е годы 143

Луконин Д.Е. (Саратов). Меценат и патрон: личная поддержка М.П. Беляевым русских композиторов 166

Митрофанов В.В. (Нижневартовск). Историки трагической судьбы: П.Г. Любомиров и П.Г. Васенко 185

Публикации

- Соломонов В.А.* (Саратов). Автобиография профессора Саратовского университета А.А. Гераклитова 202
- Кузнецов А.А.* (Н.-Новгород), *Соломонов В.А.* (Саратов). «Люблю Горький и его славное, замечательное студенчество, его институт и моих по нему товарищей» (Из эпистолярного наследия С.Н. Чернова) 221

Обзоры и рецензии

- Кочукова О.В.* (Саратов). Е.А. Вишленкова. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому» 241
- Кузнецов А.А.* (Н.-Новгород). В.В. Митрофанов:
I. С.Ф. Платонов и научно-краеведческие общества, архивные комиссии России; II. Роль С.Ф. Платонова в развитии российской историографии в конце XIX – первой трети XX вв.: связи с научно-историческими обществами центра и провинции 249
- Сведения об авторах 256
- Список аббревиатур и сокращений 258

CONTENTS

Stepanov Y.G. (Saratov). «To love university in itself»: to the 50th anniversary of the birth of V.A. Solomonov 9

Historical memory: issues of historiography and educational practices

Lanskoi G.N. (Moscow). Methodological and conceptual features soviet historiography of economical history of the beginning of twentieth century 32

Shestov N.I. (Saratov). «Historical memory» in a structure of professional abilities of political scientists 43

History, the power and mass consciousness

Vinogradov A.S. (Nizhni Novgorod). The craft tradition and craftsman: the specificity of cognition of the world by the medieval man 55

Biktasheva A.N. (Moscow). Governor as victim: clashes of provincial nobility, local society and central power in the first half of 19th-century 71

Rudneva Ya.B. (Kazan). Women-students in Russian imperia: protests, adaptation, integration 85

From the oblivion policy to the memory policy

Bolenko K.G. (Moscow). The supreme criminal court in the projects of reforms and the legal system of the second half of 1820-ies – 1830-ies 102

Karpachyov M.D. (Voronezh). The nobility of Voronezh Province about the abolition of serfdom 118

Biographical researches

Gladishev A.V. (Saratov). «Le Spectateur Oriental», Alexander Blacque and development of the press in Turkey in 1820-ies years 143

Lukonin D.E. (Saratov). Maecenas and patron Belaiev's individual grants to Russian composers 166

Mitrofanov V.V. (Nizhnevartovsk). Historians of tragic fate: P.G. Liubomirov and P.G. Vasenko 185

Publications

Solomonov V.A. (Saratov). The autobiography of the professor of Saratov University A.A. Geraklitov 202

Kuznetsov A.A. (Nizhni Novgorod), Solomonov V.A. (Saratov). «I love Gorky and its nice, remarkable students, its institute and mine on it of colleagues» (From S.N. Chernov's epistolary heritage)..... 221

Reviews

Kochukova O.V. (Saratov). E.V. Vishlenkova isual ethnology of the Russian Empire or «Not everyone is able to see the Russian» 241

Kuznetsov A.A. (Nizhni Novgorod). V.V. Mitropfanov: I. S.F. Platonov and communities scientifically-of regional studies, the archival commissions of Russia: the monography; II. S.F. Platonov's Role in development of the Russian historiography in the end of XIX – first third XX centuries: communications with scientifically-historical societies of the center and a province 249

Data on authors 256

The list of abbreviations and reductions 258

**«ЛЮБИТЬ УНИВЕРСИТЕТ В СЕБЕ...»:
К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В.А. СОЛОМОНОВА**

Ю.Г. Степанов

Саратовский государственный аграрный
университет им. Н.И. Вавилова,
кафедра истории, культурологии и политологии
E-mail: georgyi1964@yandex.ru

Статья посвящена научному творчеству саратовского историка В.А. Соломонова. Рассматриваются основные темы его исследовательской деятельности: становление и развитие университета в Саратове, формирование научных школ и направлений, биографии и достижения ученых СГУ.

Ключевые слова: В.А. Соломонов, университет, Саратов, наука, научные школы и направления, история, историческая наука, исторический факультет, профессура, преподавательский состав, университетский вопрос, биография, власть, общество.

**«TO LOVE UNIVERSITY IN ITSELF»:
TO THE 50TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF
V.A. SOLOMONOV**

Y.G. Stepanov

The article is devoted to scientific creativity of Saratov historian V.A. Solomonov. The article describes the basic themes of his research activity, formation and development of the University of Saratov, the formation of scientific schools and trends, biographies and achievements of scientists SSU.

Key words: V.A. Solomonov, University, Saratov, science, scientific schools and directions, history, history department, professors, teachers, university question, biography, government, society.

Владимир Анатольевич Соломонов родился 13 сентября 1962 г. в городе Балашове Саратовской области в рабочей семье. Будущий историк рос и воспитывался без отца. Единственным близким человеком, опекавшим его в те годы, была мама – Елена Петровна Соломонова (1.01.1925, Москва – 1.06.2003, Саратов). Несмотря на личные жизненные невзгоды (детдом, военное лихолетье, голод, бытовые неурядицы), она смогла привить сыну лучшие челове-

ские качества – доброту, отзывчивость, преданность и принципиальность. Все то, что впоследствии станет неотъемлемой отличительной чертой внутреннего мира ученого.

Детство и юность В.А. Соломонова прошли в местах далеких от исторически сложившихся центров образования и культуры. В 1980 г. он окончил школу-интернат № 7 в Ртищеве, железнодорожной станции Приволжской железной дороге, после чего был зачислен в штат ее же сотрудников на должность старшего пионерского вожака. Далее – служба в рядах Советской Армии. После демобилизации он в декабре 1983 г. поступил на подготовительное отделение Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. Мечта об университете и профессии историка стала реальностью. В сентябре 1984 г. В.А. Соломонов, успешно сдав выпускные экзамены на подготовительном отделении, был зачислен на 1 курс дневного отделения исторического факультета Саратовского университета.

«Когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда...». Это ироничное замечание великой Анны Ахматовой относится, конечно, не только к поэзии, но и к творческой деятельности во всех ее проявлениях, включая, разумеется, и науку историческую. Парадокс, но довольно часто серьезные научные темы и целые направления вырастают из простого хобби, привязанности к сюжету или проблеме, которые представляются иным маститым исследователям не достойным внимания «мелкотемьем».

Будучи студентом, Владимир Соломонов публиковал (часто в соавторстве со своим однокурсником и будущим депутатом Государственной Думы А.Г. Чернышовым) в университетской газете, местной прессе, брошюрах небольшие статьи из истории или о буднях своей *alma mater*. Казалось бы, эти заметки следовало воспринимать как пробу пера, своеобразный тренинг перед будущими серьезными работами. Возможно, что и сам Владимир Соломонов первоначально не придавал этим «опусам» большого значения. К счастью, рядом с ним оказался ученый и педагог, сумевший увидеть и понять, что из этого «сора» может вырасти серьезный научный труд. Речь идет об И.В. Порохе, встреча с которым оказалась знаком судьбы для героя настоящего очерка. Блестящий исследователь, организатор, мастер слова и кумир студенчества, Порох был еще и подлинным наставником молодежи, Учителем с большой буквы. Фронтвик, человек трагической судьбы, Игорь Васильевич и сам никогда не опускал рук, как бы не складывалась жизнь, и

умел поддерживать своих учеников в трудную минуту. А время становления В.А. Соломонова как исследователя (конец 1980-х – начало 1990-х гг.) – было весьма непростым.

На втором курсе Владимир Анатольевич под руководством И.В. Пороха приступил к изучению дореволюционной истории Саратовского университета, который до того времени оставался единственным из всех университетов императорской России не имевшим своей научной «биографии» (не считая, конечно, отдельных работ, в основном юбилейного характера). История университета в Саратове еще ждала своего исследователя. Им и стал Владимир Анатольевич Соломонов. Его первые печатные работы касались, главным образом, революционного студенчества, комсомольской организации и состояния университета в первые годы Советской власти. Впоследствии тема участия саратовского студенчества в общественно-политическом движении и революционных событиях нашла свое отражение в «Очерках истории Саратовского Поволжья». Один из разделов этого фундаментального издания был написан В.А. Соломоновым¹. И все же главная основная работа велась им в направлении трудоемкого поиска, систематизации и публикации первоисточников по истории создания и первых лет деятельности Саратовского университета.

Между тем, возникли тяжелые препятствия для осуществления замысла исследователя создать начальную историю одного из крупнейших национальных университетов. В.А. Соломонову пришлось начинать работу практически с нуля. Серьезных научных трудов по дореволюционной истории Саратовского университета не было, поэтому историк не мог опереться на изыскания своих предшественников. К тому же общая ситуация, сложившаяся в России конца прошлого столетия, отнюдь не способствовала продуктивному научному творчеству. Светлые надежды, связанные с перестройкой, быстро рассеялись.

Самостоятельную деятельность в профессии Владимир Анатольевич начал с 1989 г., когда, по окончании университета, стал работать на кафедре Отечественной истории и культуры Саратовского государственного технического университета, сначала в должности ассистента, а с октября 1994 г. – старшего преподавателя. С декабря 1994 г. по настоящее время он трудится на кафедре истории России Саратовского университета.

---

¹ См.: Соломонов В.А. Очерки истории Саратовского Поволжья. Саратов, 1999. Т. 2, ч. 2 (§ 3: Студенческие волнения в университете. С. 266–282.

Путь от перспективного выпускника университета до кандидата наук занял у Владимира Анатольевича десять лет. Это было десятилетие неустанной, кропотливой работы в десятках архивных и библиотечных фондах Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, переписки и личных контактов с коллегами по цеху, встреч с потомками профессоров-учредителей Саратовского университета. За эти годы историк не только «перелопатил» огромное количество архивных источников, но и собрал уникальную личную «Коллекцию документов по истории Саратовского университета». Так, незадолго до своей смерти в 1993 г. М.В. Зёрнова – дочь первого профессора физики и ректора (в 1918–1921 гг.) Саратовского университета В.Д. Зёрнова передала Владимиру Анатольевичу богатейший семейный архив. Такое безграничное доверие было не случайным. Одержимость в работе, увлеченность делом, открытость, искренность в суждениях о прошлом и настоящем, полное отсутствие в отношении к делу мелочного и расчетливого меркантилизма – эти качества Соломонова как профессионала и человека не могли не привлекать к нему многих и многих людей. В годы, когда иметь диплом кандидата или доктора наук стало модным, а заниматься настоящей наукой «невыгодно» и «непрестижно», когда бурлящей рекой потекли утвержденные ВАК'ом диссертации-однодневки, Владимир Соломонов сделал, пожалуй, свой главный личный выбор – он сохранил себя в профессии и профессию в себе.

11 марта 1998 г. в диссертационном Совете исторического факультета Саратовского университета состоялась защита его кандидатской диссертации на тему: «История Десятого университета императорской России (Саратовский университет, 1909–1917 гг.)». Защита прошла блестяще, соискатель был удостоен ученой степени кандидата исторических наук, 24 июня 1999 г. – утвержден в должности доцента кафедры истории России СГУ, а 20 декабря 2000 г. – в ученом звании доцента по той же кафедре.

Спустя год после защиты диссертации увидела свет монография В.А. Соломонова, посвященная истории открытия и становления Саратовского университета². Так, спустя 90 лет после основания, один из старейших вузов страны обрел первое *научное исследование* о начальном этапе своего университетского бытия.

---

² См.: Соломонов В.А. Императорский Николаевский Саратовский Университет: история открытия и становления (1909–1917) / Под общ. ред. И.В. Пороха. Саратов, 1999.

Диссертация и монография Владимира Анатольевича получили высокую оценку коллег-историков, специалистов по проблемам университетского образования в России. Кроме того, великолепно написанная, богато иллюстрированная и прекрасно изданная книга вызвала интерес у читающей публики далеко за пределами Саратовского края. Успеху её в немалой степени способствовал прекрасный русский язык, которым она написана. Как справедливо замечено рецензентом, книга В.А. Соломонова является «примером органичного соединения глубины анализа и живого, образного и талантливое изложения»³. В отличие от некоторых исследователей В.А. Соломонов стилю научного повествования придает огромное значение. Только истинный профессионал понимает, какого большого труда стоит писать ясно и доступно о сложных вещах и процессах. Гораздо проще выдать научное кособокоязычие за некий особый «только для избранных» язык описания. Однако чаще всего в подобных исследованиях новояз призван завуалировать явное отсутствие какой бы то ни было научной мысли.

Думается, главным научным достижением В.А. Соломонова и в диссертации, и в монографии является объемность исследования. Автор тщательно изучил как в контексте культурно-политической и общественной жизни России, начиная с середины XIX в., реализовалась идея создания университета в Саратове: от первых проектов до практического осуществления замысла.

Следует отметить, что Саратов, один из центров революционного движения, родина Н.Г. Чернышевского, место ссылки Н.И. Костомарова и других бунтарей находился на подозрении у власти. По этой причине идея открытия здесь университета далеко не сразу получила поддержку в верхах. Как показал Соломонов, еще в 1861 г. саратовский губернатор А.Д. Игнатъев, при поддержке местного общества, безуспешно ходатайствовал перед Министерством внутренних дел об открытии в городе университета в составе только двух факультетов и получил отказ.

Статус мятежного края Саратовская губерния «подтвердила» и в годы Первой российской революции 1905–1907 годов. В.А. Соломонов подчеркивает, что, когда в 1906 г. вопрос об основании университета в Саратове перешел в практическую стадию, кон-

---

³ Андреева Т.В. Рецензия на книгу В.А. Соломонова «Императорский Николаевский Саратовский университет: История открытия и становления (1909–1917) // Клио: Журнал для ученых. СПб, 2002. № 2(17). С. 233–236.

серваторы всех мастей выступали категорически против основания в провинциальном и неблагонадежном крае нового учебного центра.

С другой стороны, как доказал исследователь, идея создания университета в Саратове находила и сильную поддержку в Городской думе, образованном обществе, у просвещенных государственных деятелей, таких как член Государственного совета М.Н. Галкин-Враской, министр народного просвещения П.М. Кауфман и особенно бывший саратовский губернатор, а с 1906 г. председатель Совета министров П.А. Столыпин. Однако не только это стало причиной того, что правительство дало зеленый свет открытию в России нового университета. В.А. Соломонов впервые в отечественной историографии убедительно, опираясь на источники, показал, что еще одной из предпосылок поддержки в правительстве, главным образом в Министерстве народного просвещения, идеи создания десятого русского университета в России стал взрыв русофобии в Польше, что привело к массовому оттоку из Варшавского университета многих преподавателей и профессоров. Чтобы не потерять квалифицированные кадры, которых в дореволюционной России было не так уж и много, правительство оказалось вынуждено задуматься о предоставлении невольным «мигрантам» новых рабочих мест.

Указ об основании в России десятого русского университета был подписан императором Николаем II 10 июня 1909 г., а его торжественное открытие произошло 6 декабря того же года.

Некоторое время медицинский факультет оставался единственным в составе Саратовского университета. В.А. Соломонов тщательно изучил этапы борьбы саратовцев и ученого мира России за полноценный университет в городе на Волге. Борьба за будущее образования и науки в Саратове велась между консервативным большинством и просвещенным меньшинством. Первые видели в университете лишь «кузницу кадров», призванных «обслуживать» потребности государства и общества. Такого рода «прагматики» полагали, что опасно содействовать росту разночинской интеллигенции, и если «врачи еще нужны России», то «юристы, филологи, математики» не найдут себе достойного применения и пополнят ряды вольнодумцев.

Меньшинство же отставило идею подлинного университета, предназначение которого состоит в единстве разнообразия учебных дисциплин и научных направлений, в средоточии ума, таланта и духовности ученых и преподавателей, способных быть *magistrae vitae* для учащейся молодежи. К счастью, здравый смысл, доводы

меньшинства и политические события в стране способствовали формированию в Саратове полнокровного университета.

В соответствии с постановлением Временного правительства от 1 июля 1917 г. в Саратовском университете были открыты физико-математический, историко-филологический, а в начале 1918 г. и юридический факультеты. Университетское образование в Саратове стало тем, чем и должно быть: гармоничным сочетанием его естественнонаучной и гуманитарной составляющих.

Магистральной идеей всех работ саратовского историка является мысль, что Университет – это культурно-исторический феномен, уникальное явление в жизни европейской цивилизации. Невозможно изучать историю университетов только с точки зрения их структуры, функциональных и организационных особенностей. Университетские традиции как часть общечеловеческой и национальной истории разных стран – есть, прежде всего, продукт творческой деятельности интеллигенции в самом широком понимании этого слова. Именно поэтому в штудиях ученого «история в человеке» занимает столь важное место. Историк рассматривает историю становления и развития Саратовского университета в контексте изучения жизни и творчества его профессорско-преподавательского корпуса. Он дает не только общий анализ механизма формирования университета, но и портретные зарисовки людей, без которых он не мог бы существовать. Среди них: первый ректор и организатор университета в Саратове В.И. Разумовский, В.В. Вормс, А.Я. Гордягин, В.Д. Зёрнов, Б.И. Бируков, Н.Г. Стадницкий и другие крупные ученые, способствовавшие обретению самым молодым в российской империи университетом статуса крупного научного, образовательного и культурного центра страны.

Историю становления и развития саратовской *alma mater* В.А. Соломонов много лет последовательно и успешно воссоздает через реконструкцию биографий всех, кто в разное время своим умом и талантом создавал биографию Саратовского университета, явившегося когда-то «городу и миру» в составе одного факультета.

И все же главным объектом внимания В.А. Соломонова как исследователя остаются *люди науки*. Всего в различных справочниках и энциклопедических изданиях им опубликовано более ста биографических статей и очерков об ученых Саратова. Историк уточнил вплоть до мельчайших деталей обстоятельства их жизни, научной карьеры, а порой и трагической гибели. Написанные им разные по жанру и объему материалы – статьи, пособия к спец-

курсу, биографические справки – все вместе составляют коллективный портрет созвездия ученого мира Саратова. Эти материалы гораздо более чем пространные рассуждения и пафосные передовицы дают понимание того, как, когда и благодаря кому Саратов из захолустного и провинциального волжского городка, стал крупным индустриальным, научным и культурным центром не только Поволжья, но и всей страны.

Отличительной чертой саратовского исследователя была и остается неутомимость в работе, постоянный поиск новых источников, научных тем и сюжетов для воссоздания истории Саратовского университета. Владимир Анатольевич постоянно расширяет поле научного поиска, стремясь представить научному сообществу историю Саратовского университета во всем блеске его столетней биографии. В сфере его внимания остаются и в целом история Саратовского университета, и отдельные его структурные подразделения. В последние годы он предпринял целый ряд публикаций о непростой судьбе исторического факультета СГУ (ныне – Института истории и международных отношений).

Гуманитарное образование в нашей стране долгие годы было неуютно Советской власти. Став хозяевами жизни, большевики почти сразу ликвидировали «за ненадобностью» преподавание истории в университетах. И хотя в 1934 г. исторические факультеты были легализованы, историков по-прежнему подозревали в нелояльности к режиму, а историческая наука воспринималась как служанка идеологии. Сложные, зачастую трагические перипетии судеб саратовских историков раскрыты В.А. Соломоновым в целом ряде публикаций. Чрезвычайно любопытны и поучительны, например, воспоминания Р.А. Таубина, с 1934 г. возглавлявшего кафедру истории народов СССР, а в 1938–1939 гг. являвшегося деканом истфака СГУ⁴. Причем истинный контекст событий 1930-х гг. на историческом факультете Саратовского университета восстанавливают выверенные, подробные и предельно информативные комментарии В.А. Соломонова.

«Историк и власть» – сквозная тема в трудах саратовского историка. Автономия университетов, независимая позиция профес-

---

⁴ См.: «Истфак уверенно набирал силы»: (Воспоминания Р.А. Таубина о довоенной жизни исторического факультета Саратовского университета) / Вступ. статья, публ. и коммент. В.А. Соломонова // История и историческая память: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2010. Вып. 1. С. 239–260.

суры, самостоятельность студенчества раздражали российскую бюрократию во все времена. И все же советский период в жизни и судьбах нескольких поколений отечественных историков стоит особняком. Участь профессиональных историков нашей страны в XX в. была страшной. Одни приняли диктат идеологии как неизбежность, другие сражались, отстаивая личное достоинство, профессию и призвание от воинствующего невежества, бесцеремонности, хамства, злой воли правящих кругов и верных слуг «пролетарской идеологии» на местах. Не случайно, что одна из глав в коллективной монографии «Историк и власть: советские историки сталинской эпохи», написанная В.А. Соломоновым и посвященная замечательному историку П.Г. Любомирову, называется «Историк страдающий»⁵.

В последние годы В.А. Соломоновым совместно с коллегами были подготовлены к печати и изданы материалы, касающиеся профессиональной и научной деятельности саратовских историков второй половины XX столетия. Особо стоит отметить публикации о И.В. Порохе⁶ и издание мемуаров В.А. Ермолаева⁷.

Сохранению исторической памяти содействует и еще одно направление в профессиональной деятельности В.А. Соломонова: издание эпистолярного наследия ученых. Пожалуй, ни дневники, ни воспоминания, зачастую тщательно отрефлексированные и отредактированные, не передают того духа эпохи, что улавливается в письмах. Тем более что люди прошлого умели и любили их писать, сумев сохранить и передать нам ускользающий порой от внимания исследователей колорит времени. Саратовским историком в разное время были опубликованы замечательные образцы эпистолярного творчества В.Д. Зёрнова, С.Н. Чернова, П.Г. Любомирова, Н.К. Пиксанова... Важно, что в переписке деятелей русской науки откровенно говорится о событиях и судьбах их современников, о состоянии науки в стране, даются точные и меткие характеристики действий власти. Издан-

---

⁵ См.: *Галямичев А.Н., Гладышев А.В., Гордон А.В., Луконин Д.Е., Соломонов В.А., Чудинов А.В.* Историк и власть: советские историки сталинской эпохи». Саратов, 2006 (Гл. 6. «Историк – страдающий: П.Г. Любомиров». С. 251–277).

⁶ См.: *Соломонов В.А., Кочукова О.В.* Игорь Васильевич Порох – Человек, Ученый, Педагог // Изв. Саратов. ун-та: Нов. сер. 2009. Т. 9. Сер. История. Международные отношения.

⁷ См.: *Ермолаев В.А.* «Без гнева и пристрастия»: Записки историка / Подгот. текста Т.В. Широковой, вступ. ст., коммент., указ. имён В.Н. Парфёнова и В.А. Соломонова. Саратов, 2009.

ные и тщательно прокомментированные В.А. Соломоновым письма отечественных ученых – бесценный исторический источник.

К числу первостепенных научных достижений ученого относятся еще две публикации: издание «Записок русского интеллигента» В.Д. Зёрнова и написанная в соавторстве с Т.В. Андреевой монография о С.Н. Чернове.

Первая публикация «Записок...» была предпринята еще в первой половине 1990-х гг., но полное научное издание их осуществлено лишь в 2005 году⁸.

Сложность работы историка с мемуарным наследием Зёрнова состояла в необычности самого жанра, в котором написаны его воспоминания. Это не мемуары в обычном понимании, а именно фрагментированные записки, созданные автором незадолго до своей кончины в 1946 году. Подобный тип источника представляет немалые сложности для окончательной подготовки к печати. В.А. Соломонов не просто восстановил полный текст «Записок», исправив неточности и погрешности автора, но и снабдил книгу подробным научным комментарием, представляющим собой отдельный вид высококлассной профессиональной работы историка, не менее интересный, чем сам текст мемуаров. Важно помнить, что Зёрнов не стремился воссоздать в полном объеме историю времени, в котором он жил и работал. Суть книги его воспоминаний отражена в самом названии. Это действительно «Записки русского интеллигента», написанные несколько отстраненно, иронично и умно. А вот общественно-политический, культурный и бытовой фон жизни Зёрнова тщательно, вплоть до мельчайших деталей восстановил комментатор. В.А. Соломонов понял и сумел передать читателю суть личности мемуариста, оставшегося Человеком и Гражданином в лапах «века-волкодава». Такая работа удаётся немногим исследователям. Большое впечатление оставляет иллюстративный ряд, собранный Соломоновым. Глядя на старые фотографии Зёрнова и его соотечественников, на их по-настоящему интеллигентные лица, преисполненные мысли, достоинства и высокого духа, поневоле задумаешься о том, что же мы потеряли в бурном XX столетии!

Особенность изданных саратовским историком «Записок» В.Д. Зёрнова состоит в том, что здесь авторский текст, иллюстрации и комментарии составляют единое художественно-литературное и исторически достоверное пространство. Безусловно, публикатор

---

⁸ См.: Зёрнов В.Д. Записки русского интеллигента / Публ., вст. статья, коммент. и указ. имён В.А. Соломонова; Под ред. А.Е. Иванова. М., 2005.

проявил высочайший уровень профессиональной культуры, сумев бережно сохранить и оставить для потомства воспоминания, об авторе которого, не задумываясь можно повторить сказанное в иную эпоху и по иному поводу: «Вот, опыт! Вот, Человек!».

Не менее интересной, значимой и неожиданно актуальной получилась книга об историке С.Н. Чернове, яркой и незаурядной личности⁹. Нельзя сказать, что до появления данной монографии о жизни и творчестве этого ученого не писали вовсе. Однако полноценной научной биографии Чернова как историка, преподавателя, человека разносторонних научных интересов до работы В.А. Соломонова и Т.В. Андреевой все же не было.

Её авторы на большом круге источников, архивных и опубликованных, изучили научное творчество яркого представителя петербургской школы историков, профессора Саратовского университета (1917–1928), показав широту и глубину его интересов: история русской науки и техники, краеведение, источниковедение. Но, безусловно, главным направлением в научной деятельности С.Н. Чернова являлась история освободительного движения в России XIX в., а именно – декабристоведение. В.А. Соломоновым и Т.В. Андреевой убедительно показано достойное место ученого в отечественной историографии. Как исследователь он отличался тщательной работой с источниками, отстаивал первенство живого исторического факта над удушающими социологическими схемами. Из монографии становятся очевидными истоки его интереса к написанию своеобразных историко-психологических этюдов о героях своих научных штудий.

В советской «марксистской» концепции истории человек исчез, «растворился» в потоке исторического детерминизма, становился винтиком в огромной и бездушной машине слепого исторического прогресса. Во множестве работ современных Чернову историков русские революционеры представляли на удивление неразличимыми, типичными представителями «своего направления». Такой казенный, бездушный подход к истории был для С.Н. Чернова неприемлем. Для него важнейшим всегда оставалось живое и творческое начало в людях, исторических деятелях, русских революционерах. П.И. Пестель, Н.Г. Чернышевский, все, о ком он писал, предстают как личности со своими достоинствами и

---

⁹ См.: Андреева Т.В., Соломонов В.А. Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов. 1887–1941 / Отв. ред. А.Н. Цамутали. Саратов, 2006 (Серия “Монографии”, вып. 9).

недостатками, убеждениями, страстями и заблуждениями. Понятен становится и своеобразный, необычный для своего времени язык работ Чернова. Ведь казенным академическим языком советской исторической науки той эпохи было совершенно невозможно описать живого человека, с его мыслями и поступками. К слову, Чернов, человек эмоциональный и живой, очень спокойно относился к критике собственных работ, всегда готов был признать доводы оппонента, если тот мог убедительно доказать свою правоту.

Не менее ясно и образно, чем профессиональные достоинства Чернова-историка, в исследовании Соломонова и Андреевой показаны и нравственные основы поведения Чернова как личности. Человек в высшей степени интеллигентный и порядочный, он отвергал любые формы соглашательства с набравшей силу душегубской властью, всякое участие в идеологических ритуалах. Усвоенный им с юности нравственный императив не допускал пляски на костях своих коллег, да и просто любого человека, из соображений карьеры или страха перед властями. Этому правила Чернов твердо придерживался в жизни, в своем отношении к людям. Так, например, ученый категорически отказался участвовать в травле А.Д. Скалдина, Б.Д. Грекова, М.Н. Покровского. Того же он требовал и от других.

В значительной мере это объясняет и суть саратовского конфликта 1928 г., в результате которого Чернов был вынужден уволиться из Саратовского университета. Более всего, его возмутило недостойное поведение тех, с кем он долгое время дружил и кому безмерно доверял. Персонально, его возмущение касалось известного саратовского ученого-археолога и общественного деятеля профессора Саратовского университета П.С. Рыкова. Последнее откровение, основанное на безукоризненных архивных источниках, вызвало по просшествии трех лет после выхода книги в свет откровенное неудовольствие внучек Рыкова.

В опубликованном ими в 2009 г. в столичном журнале «Университетская книга» отзыве на монографию, в частности утверждается, что её авторы «заняли позицию произвольного и предвзятого комментирования (курсив мой. – Ю.С.) писем С.Н. Чернова, не допускающую иных толкований, ставя под сомнение нравственную репутацию П.С. Рыкова»¹⁰. По-человечески позиция Н.С. Растокиной и Л.С. Павловой понятна и объяснима. Однако вряд ли оправданы обвинения исследователей в «предвзятости комментирования». Авторы

---

¹⁰ Растокина (Рыкова) Н.С., Павлова (Рыкова) Л.С. Предвзятые комментарии // Университетская книга. 2009. № 1 (146). С. 60.

книги твердо стоят на почве факта: высказывания Чернова ими не придуманы, а взяты из текста его письма к А.А. Гераклитову, о чем и пишут сами авторы отзыва¹¹. Следовательно, нравственную репутацию Рыкова «ставят под сомнение» не авторы книги, а С.Н. Чернов как непосредственный участник описываемых событий. Н.С. Ростокина и Л.С. Павлова оправдывают позицию своего прославленного предка страхом перед нарастающими репрессиями в стране. Но из этого вывода логично следует, что его позиция в отношении Чернова не была кристально честной, на что и указали авторы монографии.

Глубинную суть эмоциональной реакции С.Н. Чернова предельно ясно и точно охарактеризовал С.В. Яров – это «негодование по поводу нарушения святых для него (С.Н. Чернова. – Ю. С.) традиций науки, <...> культа дружбы, основанной на общих этических целях»¹². Право на подобный идеализм Сергей Николаевич Чернов заслужил всей своей жизнью.

В заключение хочется пожелать юбиляру удачи, выдержки и успехов в Ремесле Историка. Владимир Анатольевич Соломонов достиг возраста профессиональной и человеческой зрелости. От имени его многочисленных коллег и друзей выражаю уверенность, что истинный историограф Саратовского университета еще долгие годы будет радовать нас новыми и новыми творческими свершениями. Так держать!

---

¹¹ См.: Ростокина (Рыкова) Н.С., Павлова (Рыкова) Л.С. Указ. соч. С. 61.

¹² Яров С.В. Т.В. Андреева, В.А. Соломонов. Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов. 1887–1941 // ВИ. М., 2008. № 5. С. 174.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ НАУЧНЫХ ТРУДОВ В.А СОЛОМОНОВА

1985

1. Фестиваль – праздник в моей судьбе: (Участие саратовской молодежи в фестивальном движении). Материалы в помощь комсомольскому лектору и пропагандисту. Саратов, 1985. – 41 с. (В соавторстве с А.Г. Чернышовым).

1988

2. Цель – университет // Годы и люди: [Сб.]. Саратов, 1988. Вып. 3. С. 216–233, 236–237 (В соавторстве с А.Г. Чернышовым).

1989

3. Созвучие интегралов и сонат // Годы и люди: [Сб.]. Саратов, 1989. Вып. 4. С. 175–192 (В соавторстве с А.Г. Чернышовым).

4. Создание и первые годы деятельности комсомольской организации Саратовского университета // Саратовский комсомол: Страницы истории. Саратов, 1989. С. 20–38.

1991

5. Они были первыми // Четыре века. Сб. статей, посвященный 400-летию Саратова. Саратов, 1991. С. 154–175 (В соавторстве с А.Г. Чернышовым).

6. Революционное студенческое движение в Саратове 1910–1917 годов. Саратов, 1991. – 64 с.

7. Саратовский университет в первые годы Советской власти // Вопросы отечественной и всеобщей истории. Саратов, 1991. С. 63–70.

1992

8. Революционная деятельность киевского студенчества в Саратове в годы первой мировой войны // Глазами молодых историков: Материалы науч. конф. молодых ученых Саратова. Саратов, 1992. С. 45–50.

1993

9. К вопросу о созыве и проведении в Москве 20–21 апреля 1899 г. Всероссийского студенческого съезда // История. Общество. Личность: Науч. конф. историков г. Саратова 27 февр. 1993 г. Тезисы докладов и выступлений. Саратов, 1993. С. 35–47.

10. К вопросу о влиянии Н.Г. Чернышевского на студенческую молодежь // Проблемы философии, истории, культуры: Межвуз. науч. сб. Саратов, 1993. С. 53–62.

11. Жизнь и судьба архитектора // Культура русских и немцев в Поволжском регионе: (Результаты комплексного междисциплинарного гуманитарного исследования). Вып. 1: История, теория, культура. Саратов, 1993. С. 113–123.

12. «Я никогда не стремился к наградам и званиям...». (Материалы к биографии профессора В.В. Вормса) // Там же. С. 123–141.

13. Владимир Дмитриевич Зёрнов и его воспоминания // Волга. 1993. № 7. С. 116–119.

14. Зёрнов В.Д. Записки русского интеллигента. (Публ. и коммент.) // Волга. 1993. № 7. С. 116–148; № 8. С. 123–144; № 9. С. 114–130; № 10. С. 97–120; № 11. С. 137–150.

1994

15. Зёрнов В.Д. Записки русского интеллигента // Волга. 1994. № 2. С. 112–139; № 3–4. С. 117–132; № 5–6. С. 115–132; № 7. С. 127–154.

16. Об участии московского студенчества в первой Всероссийской студенческой забастовке 1899 г. // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1994. № 2. С. 26–31.

17. То же // История России: Диалог российских и американских историков. Материалы рос.-амер. науч. конф. Саратов, 1994. С. 148–155.

1995

18. Воспоминания В.Д. Зёрнова как источник по истории становления Саратовского университета // Российская провинция XVIII–XX вв.: Реалии культурной жизни. Пенза, 1995. С. 140–141.

19. «Празднику был придан всесоюзный и политический размах» (проф. С.И. Спасокукоцкий о праздновании 25-летия Саратовского университета и медицинского института) // Отечественные архивы. 1995. № 6. С. 80–84.

1996

20. Саратовский университет по воспоминаниям В.Д. Зёрнова // Российская провинция XVIII–XX веков: Реалии культурной жизни: Материалы III Всерос. науч. конф. В 2 кн. Пенза, 1996. Кн. 2. С. 148–157.

1998

21. История Десятого университета Императорской России (Саратовский университет, 1909–1917 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1998. – 17 с.

22. Саратовский университет и реакционная политика министра народного просвещения Л.А. Кассо // Интеллигенция России в истории XX века: неоконченные споры. К 90-летию сборника «Вехи». Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 1998. С. 250–252.

23. Ради «образования человечества»: К истории становления университета в Саратове // Изв. вузов «Прикладная нелинейная динамика». Саратов, 1998. Т. 6. № 5. С. 103–111.

1999

24. *Рец.*: М.Д. Карпачёв. Воронежский университет: Начало пути. Воронеж, 1998. –112 с. // Историографический сборник: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1999. Вып. 18. С. 226–233.

25. «Праздник русской высшей науки» (К 90-летию Саратовского университета) // Российские университеты в XVIII–XX веках: Сб. науч. статей. Воронеж, 1999. Вып. 4. С. 81–100.

26. Профессора – учредители Саратовского университета: Пособие к спецкурсу. Саратов, 1999. – 48 с.

27. Саратовский университет как культурный центр Нижнего Поволжья // Изв. вузов «Прикладная нелинейная динамика». Саратов, 1999. Т. 7. № 1. С. 101–110.

28. Письма профессора В.Д. Зёрнова периода открытия и становления Саратовского университета (1909–1914) // Изв. вузов «Прикладная нелинейная динамика». Саратов, 1999. Т. 7. № 2–3. С. 157–175; № 6. С. 121–141.

29. К истории возникновения Научной библиотеки Саратовского государственного университета // Историк и историография: Материалы науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения Л.А. Дербова. Саратов, 1999. С. 207–212.

30. Очерки истории Саратовского Поволжья. Саратов, 1999. Т. 2. Ч. 2 (§ 3: Студенческие волнения в университете. С. 266–282; Указатель имен. С. 421–430).

31. Императорский Николаевский Саратовский Университет: история открытия и становления (1909–1917) / Под общ. ред. И.В. Пороха. Саратов, 1999. – 224 с.: ил.

32–34. Немцы России: энциклопедия: т. 1: А–И. М., 1999: Альтерготт В.Ф. (С. 47–48); Вернер А.Р. (С. 346); Вормс В.В. (С. 406).

2000

35. Первопроходцы университетской науки. Коллективный портрет первых профессоров и студентов Саратовского университета: Пособие к спецкурсу. Саратов, 2000. – 72 с.

36. Саратовский университет в годы первой мировой войны // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сб. науч. трудов. Саратов, 2000. Вып. 4. С. 155–161.

37–69. Профессора и доктора наук Саратовской области. 1909–1999: Биобиблиогр. справочник: В 8 т. Т. 1. 1909–1917. Саратов, 2000: Арапов А.Б. (С. 15–16); Арнольдов В.А. (С. 17–21); Бируков Б.И. (С. 21–25); Боголюбов В.Л. (С. 27–28); Богомолец А.А. (С. 29–33); Быстренин И.Н. (С. 39–43); Вербицкий Ф.В. (С. 44–45); Вертоградов С.П. (С. 46–48); Вормс В.В. (С. 48–53); Гордягин А.Я. (С. 53–60); Гранстрем Э.А. (С. 60–62); Заболотнов П.П. (С. 62–64, в соавт. с А.М. Антоновым); Зёрнов В.Д. (С. 68–73); Какушкин Н.М. (С. 73–79); Кириков Н.Н. (С. 79–84); Копылов Н.В. (С. 92–93); Крылов Д.О. (С. 94–96); Левковский А.М. (С. 97–102); Левшин А.М. (С. 102–103); Миротворцев С.Р. (С. 107–113); Преображенский А.Ф. (С. 116–121); Разумовский В.И. (С. 121–130); Светухин М.И. (С. 134–139); Скворцов В.А. (С. 140–142); Скворцов В.И. (С. 142–146, в соавт. с Ю.М. Миленькой); Слобцов Б.И. (С. 148–151); Спасокукоцкий С.И. (С. 152–156); Стадницкий Н.Г. (С. 157–163); Терebinский В.И. (С. 163–164); Холлманн Р.Ф. (С. 165–167); Цытович М.Ф. (С. 168–172); Чуевский И.А. (С. 176–181); Юдин К.А. (С. 183–185).

2001

70. История кафедры // <http://www.sgu.ru/users/project>
71. «Мы жили с киевлянами очень дружно» (О пребывании киевских высших учебных заведений в Саратове в годы первой мировой войны) // Цивилизация на пороге тысячелетия: Сб. науч. ст. Балашов, 2001. Вып. 2. Т. 1. С. 67–71.

2002

72. Жизнь, достойная подражания // Пропагандист великого наследия. Сб. науч. тр. Саратов, 2002. Вып. 3. С. 130–139.
73. «Он любил жизнь во всех её проявлениях...»: В.И. Разумовский и его воспоминания о Саратовском университете // Известия Саратовского университета. Новая серия. Саратов, 2002. Т. 2. Вып. 1. С. 10–35.
74. Разумовский В.И. Строительство медицинского факультета Саратовского университета (Подгот. публикации и коммент.) // Там же. С. 10–35.
75. Первая годовщина со дня открытия Саратовского университета // Там же. С. 36–42.
76. «Жизнь есть наивысшая красота...» // Здоровый стиль. Саратов, 2002. Июнь. С. 10–11.
77. «Я готов отдать жизнь науке» // Там же. Август. С. 16.
78. Учёный, педагог, поэт: (О жизненном пути профессора И.Н. Быстрина) // Там же. Сентябрь. С. 10–11.
- 79–115. Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). Саратов, 2002: Альтергот В.Ф. (С. 580); Арапов А.Б. (С. 618); Арнольдов В.А. (С. 618–619); Бакулев А.Н. (С. 619); Бируков Б.И. (С. 582); Боголюбов В.Л. (С. 619); Богомолец А.А. (С. 619); Богуславский С.А. (С. 582–583); Буссе И.А. (С. 583); Быстрин И.Н. (С. 619–620); Вербицкий Ф.В. (С. 620); Вертоградов С.П. (С. 620); Вормс В.В. (С. 620); Гордягин А.Я. (С. 586); Гранстрем Э.А. (С. 620); Заболотнов П.П. (С. 620); Зёрнов В.Д. (С. 589); Какушкин Н.М. (С. 621); Кириков Н.Н. (С. 621–622); Копылов Н.В. (С. 622); Крылов Д.О. (С. 622); Левковский А.М. (С. 622); Любомиров П.Г. (С. 593); Миротворцев С.Р. (С. 622–623); Преображенский А.Ф. (С. 597); Разумовский В.И. (С. 623); Светухин М.И. (С. 623); Скворцов В.И. (С. 624); Слопцов Б.И. (С. 624); Спасокукоцкий С.И. (С. 624–625); Стадницкий Н.Г. (С. 625); Теребинский В.И. (С. 625); Цытович М.Ф. (С. 625–626); Челинцев В.В. (С. 604); Чуевский И.А. (С. 626); Юдин К.А. (С. 626); Янишевский Д.Е. (С. 606).
116. «Отношение П.Г. [Любомирова] к университету было чрезвычайно бережным и любовным» (С.Н. Чернов о саратовском периоде жизни П.Г. Любомирова) // Саратовский краеведческий сборник: Научные труды и публикации / Под ред. проф. В.Н. Данилова. Саратов, 2002. С. 172–188.
117. Из истории кафедры истории России Саратовского университета // Историографический сборник: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2002. Вып. 20. С. 78–99.
118. Профессор русской истории Павел Григорьевич Любомиров (саратовские страницы биографии) // Материалы VIII чтений памяти профессора Николая Петровича Соколова: Тезисы докладов. Нижний Новгород, 2002. С. 195–201.

2003

119. Из фотоархива профессора В.И. Калинина // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Саратов, 2003. Т. 3. Вып. 1 [Коммент.]. С. 38–39.
120. «Поводом к арестам явилась нервозность ЧК...»: (Письма В.Д. Зёрнова жене Е.В. Зёрновой. Март – май 1921 года) // Русская наука в биографических очерках. СПб., 2003. С. 429–456.

2004

121. История России (вторая половина XIX – начало XX века): Учеб.-метод. пособие для студ. ист. фак. Саратов, 2004. – 88 с. (В соавторстве с А.В. Воронежцевым).
122. **Ред.:** Николаевская Россия: власть и общество: Материалы круглого стола, посвященного 80-летию со дня рождения И.В. Пороха. Саратов, 2004. – 300 с.: ил. (**чл. редкол.**)
123. Неординарный профессор (1953-й: из писем к И.В. Пороху) // Николаевская Россия: власть и общество: Материалы круглого стола, посвященного 80-летию со дня рождения И.В. Пороха. Саратов: Изд-во Сарат. унта, 2004. С. 6–66 (В соавторстве с А.В. Воронихиным).
124. Учитель и друг (Памяти Игоря Васильевича Пороха) // Там же. С. 99–115.
125. «Имя П. Н., его записка открывали передо мною любые лаборатории» (к истории взаимоотношений П.Н. Лебедева и В.Д. Зёрнова) // Вопросы истории естествознания и техники. М., 2004. № 4. С. 131–162.
126. Немцы России: энциклопедия: т. 2: К–О. М., 2004: Кларрот К.А. (С. 98–99).

2005

127. Документы личного происхождения как исторический источник: (На примере личного архива профессора В.Д. Зёрнова) // Вестник архивиста. 2005. Июль-август. № 4 (88). С. 194–207.
128. *Зёрнов В.Д.* Записки русского интеллигента / Публ., вст. статья, коммент. и указ. имён В.А. Соломонова; Под ред. А.Е. Иванова. М., 2005. – 403 с., ил.
129. Первопроходцы университетской науки. Коллективный портрет первых профессоров и студентов Саратовского университета: Учебное пособие. – 2-е изд., испр. и доп. Саратов, 2005. – 88 с.
130. Саратовцы – академики и члены-корреспонденты Российской академии наук: Библиографические очерки / Авт.-сост. А.И. Аврус, И.В. Саунин, В.А. Соломонов; Прил., указ. имен Т.А. Шишкина. Саратов: Изд-во «Сателлит», 2005. – 366 с.: ил. (В соавторстве с А.И. Аврусом и И.В. Сауниным).
131. Профессор православного богословия Императорского Николаевского университета Алексей Феофистович Преображенский (1875–1920) // Материалы Всероссийской конференции, посвящённой 450-летию Казанской епархии «Православие в поликонфессиональном обществе». Казань, 2005 (<http://kds.eparhia.ru/bibliot/konferencia/cerkovnaiaistoria/solomonov/>).

2006

132. **Ред.:** Историческое сознание и власть в зеркале России XX века. Научные доклады / Под ред. А.В. Гладышева и Б.Б. Дубенцова. СПб., 2006. – 256 с. (Серия “Научные доклады”, вып. 6) **(чл. редкол.)**

133. «Устранение собственных научных сил – факт непостижимо беспримерный в жизни просвещения!»: (Министр Л.А. Кассо и судьбы российских университетов) // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков: Сб. статей в честь Алексея Николаевича Цамутали. СПб., 2006. С. 117–127.

134. Историк и власть: советские историки сталинской эпохи. – Саратов, 2006. – 282 с. (Серия “Монографии”, вып. 11) (В соавторстве с А.Н. Галямичевым, А.В. Гладышевым, А.В. Гордоном, Д.Е. Лукониным и А.В. Чудиновым).

135. Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов. 1887–1941 / Отв. ред. А.Н. Цамутали. – Саратов, 2006. – 376 с.: ил. (Серия “Монографии”, вып. 9) (В соавторстве с Т.В. Андреевой).

2007

136. Василий Иванович Разумовский: Хирург. Ученый. Педагог / Под ред. П.В. Глыбочко. – Саратов, 2007. – 260 с.: ил. (В соавторстве с Г.А. Блувштейном, В.И. Кацем и В.И. Масловым).

137. «Патриарх русской хирургии»: (К 150-летию со дня рождения профессора В.И. Разумовского) // Саратовский научно-медицинский журнал. Саратов. 2007. № 2 (16). Апрель-июнь. С. 7–12 (В соавторстве с П.В. Глыбочко, Г.А. Блувштейном и В.И. Кацем).

138. Зёрнов Дмитрий Владимирович (1907–1971): (К 100-летию со дня рождения) // Радиотехника и электроника. М., 2007. Т. 52. № 5. С. 637–638.

139. Врачебно-санитарная и научно-организаторская деятельность В.И. Разумовского на Кавказе // Саратовский краеведческий сборник: Научные труды и публикации / Под ред. проф. В.Н. Данилова. Саратов, 2007. Вып. 3. С. 193–207.

140. Из переписки П.Г. Любомирова и С.Ф. Платонова: (К истории взаимоотношений ученика и учителя) // Там же. С. 208–212 (В соавторстве с Н.П. Кузнецовой).

141. Высшее профессиональное образование Саратовской области // Энциклопедия саратовского просвещения: образование, культура, спорт. Саратовская губерния. Кн. 1. Саратов, 2007. С. 10–15.

142. Исторический факультет Саратовского государственного университета: время, события, люди // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. 2007. Т. 7. Сер. История. Международные отношения, вып. 2. С. 5–27.

143. «В изучении источника он выступает мастером большого калибра» (С.Н. Чернов о научной деятельности А.А. Гераклитова) // Археология Восточно-Европейской степи: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. В.А. Лопатина. Саратов, 2007. Вып. 5. С. 262–279.

144. Кафедра истории нового времени Саратовского государственного университета: трудный путь становления // Новая и новейшая история:

Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. В.С. Мирзеханова. Саратов, 2007. Вып. 22. С. 4–28 (В соавторстве с А.В. Гладышевым).

2008

145. 1928 год в судьбе профессора Сергея Николаевича Чернова: (к истории одного университетского конфликта) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. 2008. Т. 8. Сер. История. Международные отношения, вып. 1. С. 63–68.

146. С.Ф. Платонов и саратовское научное сообщество: (Из эпистолярного наследия ученого) // Историографический сборник: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2008. Вып. 23. С. 54–71 (В соавторстве с Т.А. Шишкиной).

147. Врачебно-санитарная и научно-организаторская деятельность В.И. Разумовского на Кавказе // Деятели русской науки XIX–XX веков. СПб., 2008. Вып. 4. С. 89–100.

148. Письма С.Н. Чернова С.Ф. Платонову. 1915–1922 гг. / Вст. статья, публ. и коммент. Т.В. Андреевой и В.А. Соломонова // Там же. С. 529–576 (В соавторстве с Т.В. Андреевой).

2009

149. У истоков исторического образования в Саратове: Учебное пособие. Саратов, 2009 – 52 с.

150. Доклад Е.П. Подъяпольской на траурном заседании ученого совета ГИМ'а, посвященном памяти профессора П.Г. Любомирова / Публ., вступ. статья и коммент. // Новейшая история Отечества XX–XXI вв.: Сб. науч. тр. Саратов, 2009. Вып. 3. С. 23–37.

151. Игорь Васильевич Порох – Человек, Ученый, Педагог // Изв. Сарат. ун-та: Нов. сер. 2009. Т. 9. Сер. История. Международные отношения. (Отд. оттиск. Саратов, 2009 – 52 с.; ил.) (В соавторстве с О.В. Кочуковой).

152. *Ермолаев В.А.* «Без гнева и пристрастия»: Записки историка / Подгот. текста Т.В. Широковой, вступ. ст., коммент., указ. имён В.Н. Парфёнова и В.А. Соломонова. Саратов, 2009. – 564 с.: ил. (Серия мемуаров «О времени и о себе») (В соавторстве с В.Н. Парфёновым и Т.В. Широковой).

153–155. Историки России XX века: Биобиблиографический словарь / Авт.-сост. А.А. Чернобаев; под. ред. В.А. Динеса. СПб., 2009. Т. 3: Дополнительный: Баллод Франц Владимирович (С. 19); Гераклитов Александр Александрович (С. 54–55); Гладышев Андрей Владимирович (С. 56).

2010

156. История России. Часть 3 (вторая половина XIX – начало XX века): Учеб.-метод. пособие для студ. спец. «История». Саратов, 2010. – 80 с. (В соавторстве с О.Ю. Абакумовым и А.В. Воронежцевым).

157. **Ред.:** История и историческая память: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов, 2010. Вып. 1. – 280 с.: ил. (**чл. редкол.**)

158. «Истфак уверенно набирал силы»: (Воспоминания Р.А. Таубина о довоенной жизни исторического факультета Саратовского университета) // История и историческая память: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2010. Вып. 1. С. 239–243.

159. Таубин Р.А. К истории истфака Саратовского университета имени Н.Г. Чернышевского / Публ. и коммент. В.А. Соломонова // Там же. С. 244–260.

160. Автобиография И.И. Вейцковского / Коммент. В.А. Соломонова // Там же. С. 231–238 (В соавторстве с А.А. Сеницыным).

161. Последний труд историка: (Неопубликованная книга Г.Д. Бурдея о профессоре Саратовского университета А.М. Панкратовой) / Подгот. текста, вступ. статья и коммент. В.А. Соломонова // Историографический сборник: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2010. Вып. 24. С. 141–160.

162. **Ред.:** История и историческая память: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов, 2010. Вып. 2. – 272 с. **(чл. редкол.)**

163. Письма Н.К. Пиксанова С.Ф. Платонову 1908–1927 годов / Вступ. статья, публ. и коммент. В.А. Соломонова // История и историческая память: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2010. Вып. 2. С. 235–260.

2011

164. Документальное наследие В.А. Ермолаева в фондах Государственного архива Саратовской области / Вступ. ст., публ. и коммент. В.А. Соломонова и Т.В. Широковой // Средневековый город: Межвуз. науч. сб. Саратов, 2011. Вып. 21. С. 25–45 (В соавторстве с Т.В. Широковой).

165. **Ред.:** История и историческая память: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов, 2011. Вып. 3. – 280 с. **(чл. редкол.)**

166. Никонов С.А. Пётр Лаврович Лавров. Русская эмиграция в Париже в 1892–1897 гг. (отрывок из воспоминаний) / Публ. и коммент. В.А. Соломонова и Е.Е. Фёдорова // История и историческая память: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2011. Вып. 3. С. 228–262 (В соавторстве с Е.Е. Фёдоровым).

167–249. Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). Изд. 2-е, перераб. Саратов, 2011: Алексеев П.И. (С. 400); Алмазова Н.В. (С. 400); Андреев Л.Н. (С. 401); Арапов А.Б. (С. 401); Арнольдов В.А. (С. 401–402); Архангельский С.Х. (402); Бакулев А.Н. (С. 402); Баллод Ф.В. (С. 402); Бируков Б.И. (С. 403); Боголюбов В.Л. (С. 404); Богомолец А.А. (С. 404); Богуславский С.А. (С. 404); Буссе И.А. (С. 405); Бутенко В.А. (С. 405); Быстренин И.Н. (С. 405); Вербичский Ф.В. (С. 406); Веретенников В.И. (С. 406); Вертоградов С.П. (С. 406); Вормс В.В. (С. 406); Галлер П.К. (С. 407); Гераклитов А.А. (С. 407); Гордягин А.Я. (С. 407); Гранстрем Э.А. (С. 407–408); Гросс Е.Ф. (408); Дурново Н.Н. (С. 409–410); Елецкий А.Г. (С. 410); Заболотнов П.П. (С. 410); Заленский В.Р. (С. 411); Зёрнов В.Д. (С. 411); Какушкин Н.М. (С. 412); Каценбоген С.З. (С. 413); Келлер Б.А. (С. 414); Кириков Н.Н. (С. 414); Коновалов К.А. (С. 415); Копылов Н.В. (С. 415); Котов Ю.А. (С. 415–416); Краузе Н.И. (С. 416); Крогиус А.А. (С. 416); Крылов Д.О. (С. 416); Кузнецов П.С. (С. 416–417); Кузьмин С.И. (С. 417); Кутанин М.П. (С. 417); Кушев Н.Е. (С. 417); Кушева Е.Н. (С. 417); Левковский А.М. (С. 418); Любомиров П.Г. (С. 419); Максимов Н.А. (С. 419); Маннс Г.Ю. (С. 419); Марков В.Н. (С. 419–420); Мейер Ф.А. (С. 420); Миротворцев С.Р. (С. 421); Моногенов С.А. (С. 421–422); Навашин С.Г. (С. 422); Ничипорович А.А. (С. 423); Обухов А.М. (С. 423); Осокин Н.Е. (С. 423); Павлов В.А. (С. 423); Панкратова А.М. (С. 424); Перетц В.Н. (С. 424); Петровский И.Г. (С. 424–425); Познанский Н.Ф. (С. 425); Преображенский А.Ф. (С. 425); Разумовский В.И. (С. 426); Румянцев В.В. (С. 427); Рыбников А.А. (С. 427); Ряза-

нов Д.Б. (С. 427); Светухин М.И. (С. 428); Скворцов В.А. (С. 429); Скворцов В.И. (С. 429); Словоцов Б.И. (С. 430); Спасокукоцкий С.И. (С. 431); Стадницкий Н.Г. (С. 431); Терebinский В.И. (С. 432); Фасмер М.Р. (С. 433); Федотов Г.П. (С. 434); Холлман Р.Ф. (С. 434); Цицин Н.В. (С. 435); Цытович М.Ф. (С. 435); Челинцев В.В. (С. 435); Чуевский И.А. (С. 436); Юдин К.А. (С. 438); Юшков С.В. (С. 438); Янишевский Д.Е. (С. 439).

250. Письма к М.В. Нечкиной И.В. Пороха / Публ. В.Г. Бухерта, коммент. и вступ. статья В.А. Соломонова // «История в человеке» – академик М.В. Нечкина: Документальная монография / отв ред. Рудницкая Е.Л., Мироненко С.В. М., 2011. С. 674–688 (В соавторстве с В.Г. Бухертом).

251. Письма М.М. Смиринa к В.А. Ермолаеву (1952–1973 гг.): из архива В.А. Ермолаева / вступит. ст., подготовка к публикации и коммент. В.А. Соломонова и Т.В. Широковой // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени / Ин-т всеобщ. истории РАН. М.: Наука, 2011. Вып. 72 (3–4). С. 280–304 (В соавторстве с Т.В. Широковой).

252. **Ред.:** История и историческая память: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов, 2011. Вып. 4. – 280 с. (**чл. редкол.**)

253. «Чувствую себя очень неопытным в делах литературных...» (Письма П.Г. Любомирова С.Ф. Платонову 1912–1929 гг.) / Вступ. статья, публ. и коммент. В.А. Соломонова // История и историческая память: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2011. Вып. 4. С. 235–260.

2012

254. История: Учебно-методическое пособие для студентов негуманитарных профилей подготовки. Саратов, 2011. – 64 с. (В соавторстве с М.В. Зайцевым).

255. Из воспоминаний В.П. Поповой «Динамитные мастерские 1906–1907 гг. и провокатор Азеф»: Столыпин и Николай Николаевич // «Всемилоостивейше повелено быть саратовским губернатором...» (к 150-летию П.А. Столыпина). Саратов, 2012. С. 147–151; 251–252.

256. Из воспоминаний М.Ф. Волкова «История учреждения Саратовского университета и Саратовская городская дума. 1906–1909 гг.» // Там же. С. 152–163; 252–253 (В соавторстве с М.В. Зайцевым и В.В. Критским).

257. Из воспоминаний В.Д. Зёрнова «Записки русского интеллигента»: Часть шестая. Приём в университете высоких гостей // Там же. С. 163–165; 253.

ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ НА ПЕЧАТНЫЕ ТРУДЫ В.А. СОЛОМОНОВА

1. *Трубецков Д.И.* (Саратов). Старейший, но нестареющий... // Соломонов В.А. Императорский Николаевский Саратовский Университет: история открытия и становления (1909–1917) / Под общ. ред. И.В. Пороха. Саратов: Изд-во «Соотечественник», 1999. С. 6–9.

2. *Андреева Т.В.* (Санкт-Петербург). Рецензия на книгу В.А. Соломонова «Императорский Николаевский Саратовский университет: История открытия и становления (1909–1917) // Клио: Журнал для ученых. СПб., 2002. № 2(17). С. 233–236.

3. *Хартанович М.Ф.* (Санкт-Петербург). Рецензия на библиографический справочник «Профессора и доктора наук Саратовской области. 1909–1999 гг.». Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000 // Клио: Журнал для ученых. СПб., 2002. № 2(17). С. 238.

4. *Трубецков Д.И.* (Саратов). К выходу книги В.Д. Зёрнова «Записки русского интеллигента» // Изв. вузов «Прикладная нелинейная динамика». Саратов, 2005. Т. 13, № 4. С. 121–122.

5. *Цамутали А.Н.* (Санкт-Петербург). Первое монографическое исследование о жизни и трудах С.Н. Чернова // Андреева Т.В., Соломонов В.А. Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов. 1887–1941 / Отв. ред. А.Н. Цамутали. Саратов, 2006. С. 9–10.

6. *Белозеров П.* (Москва). Коротко о книгах [Саратовцы – академики и члены-корреспонденты Российской академии наук: Библиографические очерки] // Вопросы истории естествознания и техники. 2007. № 2. С. 197–198.

7. *Райхцаум А.Л.* (Москва). [Отзыв на книгу А.И. Авруса, И.В. Саунина, В.А. Соломонова «Саратовцы – академики и члены-корреспонденты Российской академии наук»] // Отечественные архивы. 2007. № 3. С. 130.

8. *Аврус А.И.* (Саратов). В.Д. Зёрнов. Записки русского интеллигента (Публ., вступ. статья, коммент. и указ. имен В.А. Соломонова; Под ред. А.Е. Иванова. М.: «Индрик», 2005. 400 с., ил.) // Историографический сборник: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2007. Вып. 22. С. 201–205.

9. *Яров С.В.* (Санкт-Петербург). Т.В. Андреева, В.А. Соломонов. Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов. 1887–1941 // Вопросы истории. М., 2008. № 5. С. 174–175.

10. *Корзухина А.М.* (Москва). Зёрнов В.Д. Записки русского интеллигента / Публикация, вступительная статья, комментарии и указатель имен В.А. Соломонова; ред. А.Е. Иванов. М.: «Индрик», 2005. 400 с. // Вопросы истории естествознания и техники. М., 2008. № 2. С. 166–169.

11. *Растокина Н.С., Павлова Л.С.* (Саратов). Предвзятые комментарии // Университетская книга. М., 2009. № 1 (146). С. 60–61.

12. *Негуляева Т.М.* (Саратов). Ермолаев В.А. «Без гнева и пристрастия»: Записки историка / Подгот. текста Т.В. Широковой, вступ. ст., коммент., указ, имён В.Н. Парфёнова и В.А. Соломонова. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2009. – 564 с. // Средневековый город: Межвуз. науч. сб. Саратов: Наука, 2011. Вып. 21. С. 80–83.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК

УДК 338(47)(09):303.446.4(47+57)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Г.Н. Ланской

Историко-архивный институт РГГУ,
кафедра истории России новейшего времени
E-mail: gri_lanskoi@list.ru

Статья посвящена особенностям изучения экономической истории России начала XX в. советскими историками. В качестве методологических особенностей анализируются научные и идеологические факторы работы ученых. В качестве концептуальных особенностей рассматриваются основные теоретические положения, характеризовавшие результаты историографического творчества при анализе событий и процессов экономической истории России начала XX века.

Ключевые слова: историография, экономическая история, Россия начала XX века, концепция, методология.

METHODOLOGICAL AND CONCEPTUAL FEATURES OF SOVIET HISTORIOGRAPHY OF ECONOMICAL HISTORY OF THE BEGINNING OF TWENTIETH CENTURY

G.N. Lanskoï

The article is devoted to main features of etude of economical history of Russia of beginning of twentieth century by the soviet historians. In the terms of methodological features in the article there is the analysis of scientific and ideological factors of scientific work. The main theoretical approachs, which characterised the results of historiographical work in the analysis of events and processes of economical history of Rissia of beginning of twentieth century, are studied in the article as the conceptual features.

Key words: historiography, economical history, Russia at the beginning of twentieth century, conception, methodology.

При формировании представлений о корпусе историографических источников в его состав целесообразно включать не только исследования ученых, содержащие значимые концепту-

альные представления или существенно дополняющие их, но также документы, отражающие влияние социальных институтов (в особенности, государства) на развитие исторической науки, и материалы по обсуждению развивающихся исторических знаний представителями научного сообщества. Именно эти компоненты формируют состав объекта нашего исследования – историографии экономической истории России начала XX века.

Отношение к советской историографической традиции, проявлявшейся в исследовании самых различных – в том числе экономических – аспектов развития России, изменялось параллельно с переоценкой той канвы событий, которая была начата и обусловлена октябрьской революцией 1917 года. В частности, ее наиболее очевидная переоценка произошла в период 1990–2000-х годов.

На наш взгляд, это было вызвано целым комплексом причин.

Во-первых, стал формироваться теоретический подход, выделяющий в качестве отдельного предмета изучения интеллектуальную историю. С одной стороны, он, конечно, помогает «очеловечивать» прошлое; с другой – он отличается очевидной метафизичностью, опираясь на сумму предположений, и поэтому способен уводить от объективного гуманитарного знания о достаточно важных аспектах истории человечества. Во-вторых, многим исследователям в силу различных причин хотелось отстраниться от прошлого, от той духовной среды, в которой складывался начальный этап их творчества. Для этого нужно было сделать эту среду однородным для оценки интеллектуальным явлением. В-третьих, создатели новой российской историографической традиции естественно стремились к определению своей духовной идентичности в условиях новой политической системы, которая, по крайней мере, в первой половине 1990-х гг. развивалась в русле ярко выраженного, демонстративно проявлявшегося антикоммунизма.

Один из этих строителей, в то время ректор РГГУ Ю.Н. Афанасьев в одной из своих концептуальных статей подчеркивал: «Сегодня не менее важно показать, что советская историческая наука – как и наука в целом! – была органической составной частью советской общественно-политической системы. Именно это обстоятельство, будучи наиболее существенным, предопределило как многие внутренние процессы историографии, так и специфику

взаимоотношений между историографией и другими государственными и общественными институтами»¹.

Развивая данную мысль, Ю.Н. Афанасьев в этой же статье констатировал тот факт, что «за десятилетия всестороннего, по существу тотального, воздействия партии на историческую науку в ходе «партийного руководства» сформировался вполне определенный тип историка, научившегося воспринимать это руководство как нечто естественное и само собой разумеющееся. Более того, сложился тип активного историка-партийца, жаждущего данного руководства и чувствовавшего себя крайне дискомфортно без него»².

В рамках интенсивной критики советской историографии, как интеллектуального явления, и отречения от ее традиций, которые, конечно, не всегда располагали к свободному творчеству, одним из наиболее основательных критических аргументов была ограниченность проблематики исследований, детерминированность их концептуальных построений факторами развития производственных отношений и нарастания классовой борьбы. Даже авторы, выражавшие нейтральное отношение к марксистской методологии истории, отмечали отрицательное сковывающее воздействие этой интеллектуально односторонней системы концептуальных представлений на историографическую традицию. В качестве средства, сковавшего мыслительную деятельность историков и догматизировавшего их историографическое мировоззрение, данные авторы в соответствии с традициями, определенными еще XX съездом КПСС, обозначали «Историю ВКП(б). Краткий курс».

В качестве одного из сторонников данного восприятия событий развития советской историографии выступил член-корреспондент РАН А.Н. Сахаров. Он, в частности, писал: «В XX веке, особенно во второй его половине, многофакторный подход к истории, нередко в весьма утрированной форме, с упором на великое множество порой случайных и преходящих факторов развития человеческого общества, разрабатывался из в зарубежной, в первую очередь западной (французской и американской) историографии, хотя применительно к истории России там в основном сохранялась классическая схема, разработанная С.М. Соловьевым и В.О. Ключевским. В нашей стране перерыв в этой, безусловно, научно оправданной линии наступил на исходе 30-х гг. в связи с форми-

---

¹ Афанасьев Ю.Н. Феномен советской историографии // Советская историография. М., 1996. С. 11.

² Там же. С. 23–24.

рованием идеологии сталинизма, доведшей до невежественного абсурда многие разумные положения К. Маркса и Ф. Энгельса, и с выходом в свет «Краткого курса истории ВКП(б)»³.

Отрицательный характер влияния И.В. Сталина и некоторых его соратников, проявлявших интерес к особенностям русского исторического процесса, на развитие научных исследований признавался во второй половине 1990-х и в начале 2000-х гг. практически всеми специалистами. Эта оценочная линия, по нашему убеждению, была столь акцентированной не только потому, что идеология сталинизма была чужеродна понятию свободы исследовательского мышления, но и в связи с желанием многих ученых представить общественному вниманию свое творчество начавшимся как бы с чистого листа, а свои выводы – свободными от прежних догматических установок. В тех случаях, когда речь шла просто о методологическом смещении оценочных характеристик с положительных на отрицательные в восприятии советской историографии, такие попытки производили впечатление искусственности. У читателей, знакомых с обстоятельствами развития прежней, до-постсоветской исторической науки они способны были вызвать подозрение в своей обусловленности стремлением социализироваться, выжить и в новой интеллектуальной среде.

Поэтому, на наш взгляд, наиболее глубоким с точки зрения оценки советской историографии является тот исследовательский подход, который рассматривает ее как источник развития определенного метода мышления, зародившегося в сознании профессионального сообщества историков и защищавшегося ими в качестве относительно удобной среды научного обитания.

Менее плодотворным и производящим искусственное впечатление выглядит стремление объяснить складывавшийся выбор тематики исследований, способ ведения дискуссий, отношение к процессу источниковедческой критики факторами административного и идеологического воздействия партийных и государственных институтов. Во-первых, при акцентировании данной причины возникавших творческих проблем сами деятели исторической науки выглядели людьми с машинально работающим сознанием, что не представляется по отношению к ним комплиментарной характеристикой. Во-вторых, очевидно, что любое, даже самое архаическое, общество всегда находится во взаимо-

---

³ См.: *Сахаров А.Н.* Россия: Народ, Правители. Цивилизация. М., 2006. С. 29–30.

действию с социальными институтами: более того, оно формирует их сущность, механизм функционирования и источники их авторитетности. Важно учитывать и то обстоятельство, что без движения «снизу», без благодарственных или наоборот критических импульсов со стороны общественного сознания не может сформироваться ни одна политическая идеология.

Противоположные характеристики этой связи, основанные на признании авторитарного, идущего от воли правящей элиты способа происхождения социальных норм поведения и мышления, выглядят с точки зрения современных знаний антинаучными и нуждаются в преодолении. Наиболее близко к такому, психологически непростому преодолению подошли, по нашему мнению, в своих фундаментальных исследованиях А.М. Дубровский и Б.Н. Миронов.

Точка зрения, высказанная А.М. Дубровским, еще не до конца свободна от укоренившегося в период отречения от пагубного воздействия «культы личности» И.В. Сталина этатистского подхода к пониманию факторов развития интеллектуальной истории, но она выдвигает наиболее адекватную интерпретацию советской историографии именно как своеобразного метода мышления. Обосновывая концептуальные черты своего исследования, А.М. Дубровский пишет: «В исторической науке аналогами социалистического реализма были методы материалистического, классового подхода, формационного анализа, теория развития и смены общественно-экономических формаций, которой обосновывалась неизбежная победа коммунизма во всемирном масштабе. Из всего разнообразия существовавших в исторической науке направлений в конце XIX – начале XX века. Власть выбрала и превратила марксистское в единственное, имевшее право на жизнь и на то, чтобы считаться подлинно научным направлением. Историческая наука была сделана орудием идеологической борьбы в противостоянии с наукой буржуазной, с немарксистскими идеологиями, понимаемыми обычно как антимарксистские и антинаучные»⁴.

Представляется, что единственно историчной является та объяснительная модель, которая рассматривает исследовательское творчество как процесс целенаправленной, осознанной деятельности человека, наделенного личностными культурными свойствами и делающего на их основании выбор в пользу тех или

---

⁴ Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2003. С. 10.

иных духовных приоритетов. Напротив, довольно странным выглядит сочетание представлений о том, что, с одной стороны, исторический (в частности, историографический) источник есть «реализованный продукт человеческой психики», а, с другой стороны, что советские историки формировали иногда недостоверные и часто односторонние теоретические конструкции по причине авторитарности государства и давления на их сознание политической идеологии.

Вероятно, именно это противоречие имел в виду Б.Н. Миронов, когда формировал достаточно полный и точный, на наш взгляд, перечень интеллектуальных недостатков или, говоря мягче, проблем советской историографии.

Он определил их состав следующим образом: «Советские историки справедливо критиковались и критикуются за такие недостатки в их подходе к изучению прошлого, как: 1) экономизм, который отдает приоритет экономическому фактору в ущерб другим и часто приводит к редукции многостороннего, многомерного социального объекта к одному, экономическому аспекту; 2) априоризм, под влиянием которого факты подгоняются под заданные теорией схемы; 3) презентизм, который приводит к навязыванию людям прошлого мотиваций и представлений современных людей; 4) материализм, вынуждающий историка недооценивать в общественной жизни значение идей, например, представлений об обществе, государстве и человеке, которых придерживались различные социальные группы, роли личности и других субъективных факторов истории; 5) объективизм, в соответствии с которым теоретические конструкции рассматриваются как объективная реальность, например, сконструированный исследователем класс считается реальным, объективно существующим классом, а социальные группы определяются по численности, членам, границам в ущерб отношениям внутри и между группами, при этом игнорируются групповые представления и самоидентификация; 6) универсализм, который приводит к недооценке значения национальных, культурных, религиозных особенностей в развитии отдельных стран; 7) идеологизация и политизация исторической науки»⁵.

---

⁵ *Миронов Б.Н.* Социальная история России. XVIII – начало XX в.: Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 тт. СПб., 1999. С. 14.

Разумеется, эти особенности не всегда встречались одновременно и в совокупности и их не вполне корректно присваивать любым научным исследованиям, создававшимся советскими учеными. Вместе с тем задача, связанная с определением объяснительной и доказательной базы этих исследований, с выработкой методики ее объективного анализа, представляется чрезвычайно актуальной, тем более, если речь идет о таком обусловленном многими внешними социально-институциональными факторами культурном явлении, как советская историография.

На наш взгляд, в прошлом и настоящем развитии исторической науки наличие и соотношение данных особенностей зависело от того, на какой объект направлялась мысль историка, какая сфера общественного развития и организации социальных связей оказывалась в пространстве его интеллектуального творчества. На наш взгляд, в качестве такого, обладающего в России после октябрьской революции 1917 г. ярко выраженной спецификой объекта осмысления выступала экономическая история. Не умаляя значение других сфер общественного развития и организации социальных связей, нужно отметить, что пристальное внимание именно к этой предметной области было наиболее типичным для советской исторической науки.

Во-первых, творчество отечественных исследователей российской истории опиралось в 1920–1980 гг. на принципы диалектического и исторического материализма, вычерчивавшие временно-пространственную шкалу оценки индивидуального и коллективного поведения людей по существу в любой конкретной исторической ситуации. Во-вторых, аксиоматический характер имело представление об экономической сущности базиса общественного развития и о том, что все остальные аспекты исторического развития – политический, духовный и т.д. – имеют только надстроечное значение и формируют дополнительные знания по отношению к главной информации о состоянии производительных сил и производственных отношений. В-третьих, на развитие советской историографии решающее, детерминирующее воздействие оказывал формационный подход. В соответствии с этим подходом движение любого общества обозначалось как движение от одного уровня социально-экономического развития к следующему – как правило, более высокому.

Надо подчеркнуть, что линейная схема хозяйственной трансформации, сформированная в рамках марксистской методологии,

была воспринята и взята на вооружение не только советскими учеными, но и многими зарубежными исследователями, которые использовали ее при создании теории «модернизации», отличительной чертой которой являлся, главным образом, универсализм в определении факторов исторического развития. Таким образом, экономическое развитие России представляло собой один из центральных объектов, на осмысление которого было нацелено историографическое творчество многих авторов в XX веке.

Первым из исследователей истории советской исторической науки к этому выводу пришел К.Н. Тарновский. Он обозначил социально-экономическую историю России конца XIX – начала XX в., определявшуюся в качестве части истории России периода империализма, как «комплексную проблему, включающую в себя, во-первых, историю монополистического капитализма и соответственно крупнокапиталистической промышленности, транспорта и банковского дела, во-вторых, аграрную проблематику, наконец, в-третьих, историю мелкого и среднекапиталистического производства»⁶.

Эта историографическая проблема имела не только собственно научное, но и идеологическое значение. Ее освоение происходило на базе привлекаемых исторических источников, обращение к которым началось еще в период функционирования возглавлявшегося М.Н. Покровским семинара в Институте красной профессуры и происходило в контексте идеологических особенностей развития революции и оформления ее социалистических достижений. Интерпретация сведений, извлекавшихся из этих источников, базировалась на необходимости проиллюстрировать действенность марксистской методологической концепции исторического процесса применительно к российской действительности начала XX в. и на доказательстве правильности учения В.И. Ленина о неизбежности построения социалистического общества после устранения всех черт капиталистической системы общественно-экономических отношений.

Многие исследователи, специализировавшиеся на изучении экономического развития России конца XIX – начала XX в., отмечали, что период исследования данной проблематики имел целостное содержание и хронологическую динамику в течение почти сорока лет – с 1917 по 1956 год. Данная точка зрения была особенно распространена во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг.

---

⁶ Тарновский К.Н. Социально-экономическая история России. Начало XX в. Советская историография середины 50-х – начала 60-х годов. М., 1990. С. 8.

не только потому, что она акцентировала заслуги политического руководства СССР в области относительной по отношению к современности демократизации идеологической жизни страны, но и в той связи, что современники этого периода сами ощущали расширение собственных творческих возможностей после ревизии теоретических взглядов И.В. Сталина.

Вот как эти условия описал К.Н. Тарновский: «Во-первых, к середине 1950-х годов выросли кадры исследователей, занимавшихся проблемами аграрной истории империалистической России, с весьма значительным «заделом» проработанного материала, знанием источников и соответствующими навыками ведения научного исследования <...>. Во-вторых, к этому же времени наметилась смена проблематики исследований по аграрному вопросу в России начала XX века. Начиная со второй половины 1950-х гг. обозначилось стремление исследователей не к комплексному и преимущественно региональному, а расчлененному изучению вопросов, но зато в более широких территориальных и хронологических рамках <...>. От выяснения специфики аграрных отношений в пределах губернии (зоны, района) исследователи пришли к установлению общих черт аграрной эволюции страны в начале XX в. на базе тематически ограниченного, но общероссийского по своему характеру материала»⁷.

Таким образом, при очевидной внутренней динамике, прослеженной в ряде специальных исследований⁸, период в развитии советской исторической мысли, начавшийся после Октябрьской революции 1917 г. и завершившийся решениями XX съезда КПСС, принятием постановления ЦК КПСС «О культуре личности И.В. Сталина и его последствиях» от 30 июня 1956 г. и последовавшими за этим организационными изменениями в развитии научных исследований, рассматривался как целостное интеллектуальное явление. Таким он предстает и в настоящее время именно в силу историчности такой периодизации, ее соответствия реальному восприятию современников событий эпохи, имеющей литературно-художественное обозначение периода «оттепели».

В отношении любого, обусловленного совокупностью объективных и субъективных причин процесса важно выбрать некото-

---

⁷ Тарновский К.Н. Указ. соч. С. 92-93.

⁸ См., напр.: Волков Л.В., Муравьев В.А. Историография истории СССР в период завершения социалистического строительства в СССР (середина 1930-х – конец 1950-х годов). М., 1982.

рую точку отсчета для его восприятия, своего рода методологическую платформу. Конечно, при таком выборе очень легко остановиться на каком-либо авторитетном мнении и дальше по существу использовать его в качестве основания для интерпретации любых исторических фактов. Надо подчеркнуть, что такой подход обычно отрицательно сказывается и на развитии историографического творчества, и через какое-то время на объяснительной репутации подобного времени. Именно такой результат наметился в отношении сталинского учения о полукOLONIALном типе российской экономике в начале XX в. и ленинского учения о протекании в России этого же периода двух социальных войн. Ревизия этих концептуальных представлений повлекла за собой в 1990-е гг. обвинение их сторонников в догматизме.

Отметим, что данная тенденция вообще является закономерной для развития исторического знания, что отмечали еще в 1980-х гг. исследователи развития ленинской концепции в отечественной историографии, воспринимавшие возвращение от различных теоретических заблуждений к методологическим положениям В.И. Ленина как путь к получению объективного знания об экономическом развитии России в начале XX века. В частности, этой позиции придерживались О.В. Волобуев и В.А. Муравьев.

В своем исследовании они отмечали, что «оценка России начала XX в. как страны империалистической позволяла историкам возвратиться к упущенной историографией 20-х гг. ленинской мысли о перемещении революционного движения в Россию»⁹. Эта тенденция рассматривалась как отражение поступательного развития отечественной науки, направленного на получение объективных знаний и уточнение характеристик наиболее важных в плане концептуального восприятия исторических явлений. В качестве конкретного примера данных интеллектуальных поисков О.В. Волобуев и В.А. Муравьев привели дискуссию по вопросу о самодостаточности российской экономической системы накануне первой мировой войны. Приход исследователей к правильному пониманию фактического материала и высказываний В.И. Ленина по данной проблеме они оценивали в исключительно положительном ключе, отмечая, что в конце 1920 – начале 1930-х гг. «оценка социально-экономического уровня России конца XIX – начала XX в., как страны промышленного капитализма, сменялась пред-

---

⁹ Волобуев О.В., Муравьев В.А. Ленинская концепция революции 1905–1907 гг. в России и советская историография. М., 1982. С. 141.

ставлением о самостоятельном, обусловленном внутренними закономерностями вступлении ее в стадию империализма»¹⁰.

Таким образом, на всем протяжении развития советской историографии экономической истории России начала XX в. обращение к теоретическим представлениям и конкретным оценкам, содержащимся в работах В.И. Ленина, рассматривалось как путь, приближающий любого исследователя к получению достоверных знаний. В особенности это было характерно для восприятия тех работ, которые были посвящены формированию предпосылок и определению задач Октябрьской революции.

На концептуальном уровне изучение экономической истории России начала XX в. по крайней мере в трудах советских историографов происходило в той системе координат, которая была задана представлениями о закономерном происхождении и положительном значении Октябрьской революции в России, а также о прогрессивном характере социалистического строительства, которое стремились осуществлять руководители большевистского государства.

В современной – постсоветской – историографической традиции сохраняется признание ведущей роли социальных и экономических факторов в формировании предпосылок революционных событий 1917 г. в России. Цивилизационный подход, выдвигающий на передний план источников исторического процесса культурно-антропологический фактор, в любом случае не может поколебать эту причинно-следственную конструкцию, потому что главным проявлением культуры всегда остается имеющая под собой материалистические основания человеческая деятельность.

---

¹⁰ Волобуев О.В., Муравьев В.А. Указ. соч. С. 139.

«ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ» В СТРУКТУРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПОЛИТОЛОГА

Н.И. Шестов

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: nikshestov@mail.ru

В публикации анализируются основные противоречия в подходах к формированию общекультурных и профессиональных компетенций студентов-политологов в процессе приобретения ими исторических знаний комплекса исторических знаний, заложенные в государственных образовательных стандартах последнего поколения.

Ключевые слова: политологическое образование, профессиональные компетенции, общекультурные компетенции, историческое знание, историческая память.

«HISTORICAL MEMORY» IN A STRUCTURE OF PROFESSIONAL ABILITIES OF POLITICAL SCIENTISTS

N.I. Shestov

This article examines focal controversies of approaches to the general cultural and professional students abilities' formation in a process of gaining historic knowledge demanded by the last generation of the State educational standarts.

Key words: political science education, professional abilities, general cultural abilities, historical knowledge, historical memory.

Сегодня заметно усиливается прагматическая ориентация образовательного процесса в вузе. На это, направлен, помимо прочего, компетентностный подход. Его разумность возражений не вызывает, но некоторые принципиальные моменты, относящиеся к профессиональной и общекультурной подготовке студентов-политологов, нуждаются в дополнительной проработке. Особенно в части тех компетенций, формирование которых связано с освоением студентом материалов по отечественной и всемирной истории. Вряд ли у кого возникнет сомнение в принципиальной необходимости для профессионального российского политолога знать историю своей страны и тех стран, которые сегодня включены в мировой политический процесс. Практическая

сторона вопроса состоит в том, каким итоговым качеством должно обладать это знание, чтобы из стен вуза выходил не только грамотный специалист, но и компетентный гражданин. Должно ли это быть знание, ограниченное традиционными рамками курсов по отечественной и зарубежной истории, или же состоявшимся практическим результатом освоения студентом-политологом основных образовательных программ бакалавриата и магистратуры следует считать такое качество знаний о прошлом, которое характеризуется понятием «историческая память»? Вопрос не в том, чтобы очередной раз переписать программы курсов бакалавриата и магистратуры, затрагивающие вопросы истории политической мысли и политической истории различных стран. Просто нужно более четкое приведение формулировок этих компетенций в соответствие с той ролью, которая, как можно это понять, была им отведена составителями государственного стандарта в структуре образовательного процесса: ролью структурного элемента в идеологии образовательного процесса.

Компетенции, заложенные в госстандартах последнего поколения и претендующие на инновационность подхода к качеству исторического знания, которым будет обладать студент-политолог по итогам освоения образовательных программ, само это качество исторического знания определяют специфически. Правильнее было бы сказать, что, например, в госстандарте для магистратуры они его вовсе не определяют. Это можно понять так, что для магистра не является принципиально важным, соответствуют ли его способности понимать «связь времен» потребностям общества в актуализации такой связи.

«Исторические» компетенции бакалавров-политологов сформулированы так, что трудно однозначно понять, идет ли речь о количественных, или качественных характеристиках познаний студентов в истории. Бакалавр должен обладать: «...готовностью уважительно и бережно относиться к историческому наследию и культурным традициям, толерантно воспринимать социальные и культурные различия (ОК-4); способностью понимать движущие силы и закономерности исторического процесса, роль насилия и ненасилия в истории, место человека в историческом процессе, политической организации общества (ОК-5)». В плане профессиональных компетенций от бакалавра требуется знание: «...политической истории России и зарубежных стран (знание основных этапов и характеристик политической истории России и зарубежных стран, особенно-

стей исторических традиций в политическом развитии, владение навыками политического анализа исторического прошлого (ПК-5); истории политических учений (знание основных учений и концепций мировой и отечественной политической мысли, умение работать с оригинальными научными текстами и содержащимися в них смысловыми конструкциями) (ПК-6)».

Таким образом, судя по общекультурным компетенциям (как они описаны в госстандарте), бакалавр должен дать исчерпывающие ответы на вопросы, над которыми мировая научная мысль бьется уже не одно столетие. Ученые, какую бы идеологическую и методологическую позицию они не занимали, до сих пор не понимают движущие силы и закономерности исторического процесса настолько, чтобы договориться между собой по основным принципиальным позициям. Решить, например, чем «цивилизационный» анализ исторического процесса лучше или хуже «формационного», олицетворяет ли нынешнее состояние человечества «конец истории», или это только ее истинное «начало». Нет того уровня понимания законов развития больших социально-политических систем, чтобы элементарно объяснить гражданам и элитам, что они должны делать по этим самым законам, чтобы не лишиться свои политические системы светлого будущего. Но от позавчерашнего школьника это требуется на полном серьезе. То же самое можно сказать о проблеме места человека в историческом процессе, которую, в соответствии с государственным стандартом, разом должен решить бакалавр.

Что касается политической организации общества, то не каждый остепененный политолог, способный сходу перечислить признаки государства, так же легко, не вступая в противоречие с данными археологии, этнографии, культурологи, экономической науки, ответит на простой вопрос: как и откуда возникло государство? Остается непонятным и то, почему исторически компетентный бакалавр должен обязательно понимать роль насилия и ненасилия в истории, и лишь по мере сил, как можно предположить, он должен понимать роль, например, научных и религиозных знаний, этических представлений, политических интересов и политических конфликтов в той же самой истории? «Теория насилия», одним из разработчиков которой еще в XIX столетии был известный германский философ Е. Дюринг, уже тогда существенно проигрывала другим историософским подходам в своем методологическом потенциале. Более полутора столетий тому назад было понятно, что у понятий «насилие» и «ненасилие» нет

четко очерченных смысловых границ. По желанию исследователя «насилие» можно усмотреть во всем, даже в образовательном процессе и в процедурах социализации личности, в моральных нормах и религиозных предписаниях. И, одновременно, образцом «ненасильственности» при желании можно представить колониальные захваты прежних времен и современные силовые акции по «насаждению демократии» в странах «третьего мира»: официально всегда в этих случаях (а официальная точка зрения отражается в источниках) речь идет о защите гуманитарных ценностей, «основ цивилизации и порядка», о приобщении «мирных граждан», страдающих от политического и военного насилия своих элит, к либеральным плодам прогресса. Все это подавалось и подается в источниках, которые уже стали или завтра станут историческими, как свободный и ненасильственный выбор «народов» самих колонизованных или демократизированных стран в пользу прогресса. Для бакалавра, осваивающего историю в ракурсе насилия и ненасилия, выбор в пользу того или иного понимания сущности данных категорий будет определяться не столько уровнем профессионализма, сколько уровнем его идеологической ангажированности.

Знание основных этапов и характеристик политической истории России и зарубежных стран, особенностей исторических традиций их развития, как это прописано в профессиональных компетенциях, требует от бакалавра за отведенные ему четыре учебных года разобраться в проблематике научных периодизаций историй разных стран. Притом, что отечественные историки до сих пор не сошлись во мнении, был ли в нашей истории «период феодализма», был ли «капиталистический период», не говоря уже о «периоде социализма» и «постсоветском» периоде. Бакалавр же должен разобраться в периодизациях, основанных на разных философских концепциях исторического процесса, и на разном понимании смысла, который мы вкладываем в понятия «эпоха», «период», «этап» «традиция», «новация», «модернизация», «прогресс» и «регресс». По большому счету, он должен приобрести то свойство специалиста, которое можно условно назвать «чувством исторического времени».

Владение навыками политического анализа исторического прошлого подразумевает, как минимум, способность бакалавра определиться с предметом и методом анализа (если под анализом подразумевать не конкретный метод, а совокупность логических процедур). Иначе говоря, судя по госстандарту, бакалавру необ-

ходимо понимать аналитические преимущества и недостатки разных известных науке методологий, чтобы определиться в своем выборе. Он должен, чтобы продемонстрировать свои аналитические навыки, быть в курсе ключевых для современной политической науки теоретических и прикладных проблем, из ряда которых он мог бы выбрать те, которые станут предметом его исследовательского внимания. Но способность проявить такой навык не всегда обнаруживается даже у соискателей кандидатских и докторских степеней. Если же имеется в виду, что бакалавр должен усвоить только ту версию философии истории, только те характеристики исторических традиций и те оценки опыта зарубежных стран, о которых ему сообщит конкретный преподаватель, а под навыками политического анализа исторического прошлого подразумевается опыт написания двадцатистраничного реферата по курсу истории России, то естественен вопрос: какое отношение это имеет к инновационной стратегии образовательного процесса?

Заметим: содействовать новому качеству преподавания должно уменьшение количества лекционных занятий, где студентом традиционно приобрелись фундаментальные теоретические знания, где он вводился в круг основных проблем своей научной дисциплины, при одновременном увеличении доли самостоятельной работы студентов и практических занятий, готовится к которым, студент тоже должен самостоятельно. Остается лишь догадываться, где взять в России таких студентов, которые своим умом, не ознакомившись с комментариями компетентных специалистов, посредством элементарных манипуляций с электронными ресурсами информации, за четыре года дойдут до понимания движущих сил и закономерностей исторического процесса, места человека в истории, и приобретут навыки политического анализа исторического прошлого. Притом, что преподаватель выступает преимущественно в роли формального организатора учебного процесса. Для студента такая способность – «дар» поистине уникальный. Реально же имеет смысл рассчитывать только на то, что в ходе самостоятельной работы бакалавром просто будет несколько увеличен школьный запас фактических сведений по истории, который, в лучшем случае, на практических занятиях будет несколько систематизирован для последующей сдачи студентом соответствующего экзамена или для заполнения теста. В самом лучшем случае, наряду с цифрами, именами и датами, в этот количественно приросший интеллектуальный багаж войдут и некоторые знания по

методологии и философии исторических исследований. Но навыки установления методологической связи между фактами истории самостоятельно выработать бакалавр практически не в состоянии, а магистр задумываться над такими связями государственные стандарты не обязывают.

По сути, если рассматривать формулировки компетенций как обозначение идеологии образовательного процесса, они подразумевают, что некое новое качество исторического знания у бакалавра политологии может возникнуть вследствие простого количественного добавления им знаний о прошлом к тому небольшому набору сведений, которыми его наделила средняя школа. Возможно, в соответствии с законами диалектики, новое качество знания, действительно, могло бы у бакалавра-политолога возникнуть из мало помалу прирастающей «кучки» фактических знаний. Но тут немалым препятствием на пути реализации законов диалектики становится сама традиция построения исторического образования студентов – не историков. У самих преподавателей существует разброс мнений относительно того, какое количество сведений о прошлом своей страны и других стран нужно студенту. В отличие от средних школ, современные вузы имеют достаточно широкие возможности для определения объемов исторических знаний, включаемых в программы различных учебных курсов. Здесь, обычно, сталкиваются два диаметрально противоположных подхода. Довольно распространено мнение, что формирующемуся политологу достаточно помнить о прошлом в количественном измерении не более того, что содействует усвоению им наследия политической мысли. То есть, преимущественно, это даты жизни великих мыслителей и отдельные события, имеющие прямое или косвенное отношение к институционализации политической науки в России и за рубежом. Выглядит это вполне логично, если учесть, что курс истории политической мысли является базовым и его освоение представляет собой самостоятельную профессиональную компетенцию (ПК-6), а исторический компонент в других базовых политологических курсах относительно невелик и его, в общем плане, обеспечивает ознакомительный курс по политической истории России (иногда еще и европейских стран). Формулировка этой компетенции (ПК-6) не предусматривает, что студент должен быть способен критически оценивать экстраполяцию на российскую современность тех достижений зарубежной и отечественной политической мысли прошлых веков, о которых ему сообщают в соответствующем учебном курсе. Возникает естественный вопрос о прак-

тической необходимости для профессионального становления политолога даже этого небольшого количественного накопления исторических знаний, даже в этом, достаточно узком, сегменте исторического процесса, который связан с историей политической мысли.

Не менее распространено убеждение, и оно согласуется с общим патриотическим настроением сегодняшней российской политики, что «истинный» политолог-профессионал обязан помнить о прошлом своей страны и сопредельных стран как можно больше и желательно в деталях. Образно говоря, политолог с вузовским образованием должен обладать способностью, подобно известному киногерою, «вспомнить все». Эта позиция находит отклик в рядах политологов, имеющих базовое историческое образование. Тех, кто осознает самостоятельную ценность исторического факта безотносительно к тому, как мы к этому факту относимся и видим ли в данный момент возможность опереться на него в решении политических задач. Этот подход побуждает преподавателей разными правдами и неправдами увеличивать в учебных курсах перечень обязательных к запоминанию студентами дат, цифр, имен и событий. Естественен вопрос: не избыточно ли такое количественное накопление знаний о фактической стороне истории, что оно дает для профессионального становления политолога? В аргументации выбора в пользу того, что из дат и событий, имен и определений студенту-политологу нужно запомнить в обязательном порядке, а что нет, очень трудно встать на объективную почву. Трудно с объективных позиций доказать, например, что современному бакалавру-политологу важно знать и помнить спасителей Московского государства в период Смуты Дмитрия Михайловича Пожарского и Косьму Минича Сухорука, и не так важно знать о существовании спасителя Московского княжества в период Большой Феодальной войны Федора Васильевича Басенка.

Замечательно, что госстандарты последнего поколения ориентируют бакалавров-политологов на освоение теории исторического процесса. Но количественный подход к подлежащей усвоению исторической информации создает определенный произвол и затрудняет формирование соответствующих компетенций. Почему, например, при обучении политологов надо делать акцент на теориях, объясняющих особенности государственной политики, а не на теориях, объясняющих особенности участия общества в политике; ведь, в реальности, в политике действуют два ключевых субъекта? Это практическая проблема для современной отечественной политологии. Часто

можно наблюдать, как обычное плохое знание социальной истории побуждает современных политологов к не самому продуктивному мифотворчеству. Например, на тему неких «исконных свойств» русского государства, русской политики, русской культуры и менталитета русского общества, мешающих его полноценному участию в современной политике. Из рассуждений политологов выходит, что за полторы тысячи лет российской истории ничего, собственно, в земле нашей не менялось. То есть, российской истории, как таковой, просто не было. Нет, соответственно, того великого и разнообразного прошлого, которое могло бы быть предметом гражданской гордости и профессионального интереса для специалиста-политолога. Порой за этим стоит принципиальное непонимание людьми, пишущими об «исконных» законах российской политической жизни, того, для чего вообще нужны политологу знания о прошлом, и что им с этими знаниями делать. Если у формирующегося специалиста нет понимания того, что делать с накопленными знаниями, как бы ни был велик или мал их количественный объем, то это свидетельствует о его некомпетентности. Закономерно, заметим, что в той части компетенций, которые касаются прикладных аспектов профессиональной и общекультурной подготовки политологов-бакалавров и политологов-магистров, их составителями акцент сделан на тех навыках и способностях, применимость которых на практике будущими специалистами абсолютно очевидна.

Против приведенных критических соображений можно возразить, что речь ведь идет об идеологии, об общей направленности образовательных усилий вузовского сообщества. Но, на наш взгляд, тем более актуальна потребность в том, чтобы цель усилий была уточнена, а сами усилия не были растрчены впустую.

Возможно, усилению и уточнению идеологической направленности «исторических» компетенций бакалавров и делу появления соответствующих компетенций на следующем образовательном уровне, у магистров, могла бы поспособствовать переориентация общего подхода с количественных на качественные ориентиры. В роли такого качественного ориентира, возможно, могла бы выступить задача наделения студента-политолога «исторической памятью» с последующим предоставлением ему возможности расширить границы этой базовой компетенции (профессиональной и общекультурной одновременно) в период обучения в магистратуре. Одним из возможных вариантов формулировки подобной компетенции может быть такой: «Квалифицированный политолог должен обладать «ис-

торической памятью», то есть, способностью анализировать современные политические процессы в ретроспективе и соотносить этот анализ с прогнозированием их перспективы. Он должен обладать навыками совершенствования своей «исторической памяти», то есть, приведения ее качества в соответствие с современным уровнем научного знания об историческом опыте и исторических тенденциях социально-политического развития, и в соответствие с изменениями общественного запроса на историческое знание как современный ресурс развития».

Возникают два вопроса. Почему компетенция должна быть сориентирована именно на «историческую память» как качественное состояние сознания политолога, а не на что-то другое, на космополитическое восприятие связей прошлого настоящего и будущего, например, что, формально, выглядело бы логичным в свете современных тенденций глобализации? Как может выглядеть эта переориентация с количественного на качественный результат на практике и как соблюсти при таком подходе принцип уровневого образования?

Понятие «историческая память» часто используется в политическом и политологическом дискурсах, но не всегда к месту. Историки в этом отношении проявляют больше корректности, когда используют данное понятие для характеристики состояний массового сознания, способности общества посредством своих политических и неполитических институтов актуализировать знание о своем прошлом и прошлом других обществ в качестве ресурса своей внутренней и внешней политики, ресурса культурного и экономического развития (что особенно заметно в истории культурных и хозяйственных практик русского крестьянства, например), а, нередко, и геополитического участия. В последние полтора столетия в большинстве так называемых «цивилизованных стран», включая и Россию, такие состояния массового сознания доминировали и, во многом, они определяли логику политических и политико-культурных процессов. «Историческая память» и сегодня (в своем специфически актуализированном политической повседневностью и идеологическими ориентирами на будущее) виде, в формате «политической памяти», является значимым фактором политического процесса. Особенно для социально-политических систем с очень богатой и противоречивой историей, или, напротив, историей слишком бедной реальными противоречиями и реальным опытом и потому удобной для конструирования новых фактов, новых смыслов, новых

законов исторического развития, новых национальных идентичностей. Всю политику, в которой ресурс «исторической памяти» выполняет системообразующую функцию, современные исследователи, порой, именуют «политикой памяти».

Понятие «историческая память», таким образом, выступает в качестве синтетической характеристики смысла, цели и динамики политического процесса в его прошлых и нынешних состояниях, в известном смысле, и в качестве характеристики потенциала его развития в будущем. Это понятие характеризует способность общества понять логику своего политического и, вообще, культурного существования. Логично было бы предположить, что если мы при помощи образовательных программ пытаемся сформировать определенного качества профессиональный и, вообще, культурный инструментарий будущего профессионального политолога, то его способность адекватно воспринимать окружающие политические реалии должна каким-то образом быть соотнесена со свойством современных обществ обладать «исторической памятью» и использовать ее как ресурс развития. Иначе говоря, каким-то образом должен быть соотнесен исследовательский инструментарий политолога (качество его профессионального и гражданского сознания, в первую очередь) со свойствами предмета его будущих исследовательских усилий, на который этот инструментарий будет впоследствии обращен. Для адекватного понимания политических процессов в обществах, обладающих устойчивой «исторической памятью» как ресурсом прогресса, современный политолог должен сам быть носителем «исторической памяти», что является предпосылкой его способности к профессиональному и гражданскому совершенствованию. Это позволяет рассматривать предложенную выше формулировку «исторической» компетенции политолога в качестве общей для политологов-бакалавров и политологов-магистров, объединяющей оба эти уровня на одном идеологическом основании.

Логика образовательного процесса требует, тем не менее, выдерживать и принцип спецификации компетенций по его уровням. Вторая часть предложенной формулировки базовой компетенции открывает возможность для достаточно четкой спецификации. Эта спецификация может быть прописана в госстандартах политологов-бакалавров и политологов-магистров в виде соответствующих комментариев к базовой компетенции. Навыки совершенствования «исторической памяти» у политологов-бакалавров и политологов-магистров можно дифференцировать, имея в виду, что «историческая память», как

состояние индивидуального или коллективного сознания, формируется в порядке наделения знаний ее носителей о фактической стороне исторического процесса новыми, часто альтернативными смыслами. «Историческая память» во всех своих измерениях прирастает в режиме создания новых и актуализации старых интерпретаций фактов прошлого. По этой причине она не совсем уж индифферентна к достижениям исторической и политической наук, которые по разным каналам поставляют массовому сознанию фактический (а, отчасти, и теоретический) материал, для его собственной интерпретационной работы, осуществляемой в форме продуцирования социального мифотворчества, идеологического творчества, элементарных фобий. В свете этого навыки развития политологом, гуманитарием вообще, своей «исторической памяти» это, прежде всего, навыки интерпретирования постоянно увеличивающегося объема фактических знаний о прошлом обществ и государств, знаний об истории самой науки, об истории ее теоретических поисков. Это навыки нахождения в системе профессионального и гражданского мировоззрения (по признаку смысла) места всему, что узнано о прошлом и что не может быть отброшено специалистом по соображениям профессиональной этики и гражданской ответственности. Это навыки перехода с одного уровня осознания, выражаясь словами Карла Ясперса, «смысла и назначения истории» на другой уровень.

Возможно, идеология образовательного процесса могла бы основываться на принципе, согласно которому в осознании прошлого первичными и наиболее практически значимыми для политики являются те интерпретации прошлого, которые вырабатывают сами общество и элиты по ходу своего взаимодействия, и которые позволяют им удерживать политический процесс в организованном русле. Это, образно говоря, «профанный» уровень интерпретаций прошлого, на который сориентирована политическая повседневность. Если принять такой подход, то логичным было бы, чтобы бакалавр формировался, прежде всего, как специалист, компетентный в тех интерпретациях прошлого, которыми оперируют современные ключевые субъекты политики, и которые позволяют ему видеть мир реальной политики глазами того общества и той элиты, членом которых он является. Бакалавр формируется как профессионал, способный к социальной деятельности в структуре институтов гражданского общества и правового государства. Магистр же, на следующем образовательном этапе, формируется как специалист, способный расширить свои

способности оперирования первичными, социальными интерпретациями за счет новейших достижений науки, то, есть, обладающий способностью оценить сущность политических процессов со стороны. Магистр формируется именно как ученый-политический аналитик, способный к опредмечиванию политической реальности и к операциям с научными методологиями.

Вышеприведенные предложения не требуют глубокой структурной реорганизации существующих учебных планов и программ. Это иная, возможно более точная, формулировка той задачи, решением которой вузовское сообщество сегодня уже занято. Это более четкое понимание того, каков может быть тот идеальный результат от реализации этих программ, к которому могут и должны стремиться студенты и преподаватели, и который на идеологическом уровне может быть понятен обществу и элитам и одобрительно ими воспринят.

В целом, в организации учебного процесса было больше практического смысла, если бы формирующийся профессиональный политолог имел возможность сначала посмотреть на общество, частью которого он как гражданин является, изнутри, его, общества, собственными «глазами», прежде, чем он станет смотреть на это общество извне, как на предмет политических манипуляций, модернизаций, трансформаций. Это вопрос общей стратегии уровневого образования. Это еще и вопрос оптимизации технологии политического воспитания будущего профессионала. Сейчас ситуация такова, что прежде чем студент-политолог научится смотреть на мир политики глазами таких же, как он, граждан, современные образовательные программы бакалавриата уже вооружают его предельно мощным и универсальным аналитическим оружием политических теорий. Неизбежна иллюзия, что при их помощи он способен решить любые политические проблемы собственного общества и государства и других социально-политических систем, что он уже полностью состоялся в качестве политического аналитика и менеджера. Такого, «вооруженного» по последнему слову науки и привыкшего к позиции стороннего наблюдателя за общественно-политическими процессами, профессионала-политолога, когда он возьмется за политические операции, очень трудно будет убедить не резать «по живому».

ИСТОРИЯ, ВЛАСТЬ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

УДК 904(47)

РЕМЕСЛЕННАЯ ТРАДИЦИЯ И РЕМЕСЛЕННИК: СПЕЦИФИКА ПОЗНАНИЯ МИРА ЧЕЛОВЕКОМ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

А.С. Виноградов

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского,
кафедра истории России и краеведения досоветского периода
E-mail: vinogradov-87@yandex.ru

В настоящее время постоянный рост археологических данных заставляет по-новому взглянуть на некоторые остатки материальной культуры древних народов как на бесписьменные тексты, что особенно актуально для областей исторического знания, скудно освещенных письменными источниками. Для разработки методики чтения этих «бесписьменных текстов» необходимо провести ревизию наших представлений о способах познания мира человеком средневековья.

Ключевые слова: Волжская Булгария, Древняя Русь, ремесло, археологическая традиция, архетип народной культуры.

THE CRAFT TRADITION AND CRAFTSMAN: THE SPECIFICITY OF COGNITION OF THE WORLD BY THE MEDIEVAL MAN

A.S. Vinogradov

In the modern time constant increase of archeological data makes us to look any remnant of material culture of ancient peoples in a new fashion as any «unwritten texts». It is especially important for sphere of historical knowledge scanty lighted by written sources. For creation the methodic of reading this «unwritten texts» it is necessary to make a revision of our idea about methods of cognition of the world by medieval people.

Key words: Volga Bulgaria, Ancient Russia, the craft, archeological traditions, the archetype of people's culture.

Последние десятилетия явили нам небывалый подъем двух направлений в исторической науке в целом и в медиевистике в частности: изучение ментальностей и исследование народной

культуры¹. В то же время подобные изыскания почти невозможны для областей исторического знания, скудно освещенного письменными источниками. Это касается не только прошлого древнерусского государства, но и целого ряда соседних с ним народов, внесших свой вклад в общий исторический процесс, но оказавшихся в буквальном смысле этого слова «за бортом истории». Притом к таким народам можно отнести не только многочисленные угро-финские племена, которые не имели своей письменности и находились на периферии Древней Руси, но и целый ряд развитых государственных образований, которые в результате катастрофической гибели не смогли оставить после себя богатого письменного наследия.

Наиболее ярким примером здесь может служить государство волжских болгар, существовавшее в X–XIII вв. в Волго-Камском междуречье. Это крупное раннегосударственное образование оказало сильное влияние на Древнюю Русь. Географическое положение обоих регионов на путях транзитной торговли способствовало тесным династическим и культурным связям и сравнительно интенсивному обмену населением. В то же время волжские болгары были известны не только в Поволжском регионе или Средней Азии. Они поддерживали контакты в том числе и с восточными странами. Есть сообщения арабских источников об ученых болгарях. Лучшие сорта кожи арабы называли «болгары» по имени народа, славившегося их выделкой. Даже для такого государства, как Багдадский халифат, болгары были субъектом политических отношений².

Но волжское государство дважды пережило катастрофу, почти полностью уничтожившую историческую память о нем. Между древними болгарями и населением, живущим сейчас на их территории, имеется большой культурный разрыв. Булгарское государство было завоевано монголами, а потом Волго-Камский регион вошел в состав Московского государства. Это привело не только к гибели болгарской культуры и людей, ассоциировавших себя с болгарями и стремящихся сохранить историческую память

---

¹ См.: Харитонович Д.Э. В единоборстве с василиском: опыт историко-культурной интерпретации средневековых ремесленных традиций // Одиссей. Человек в истории. Исследования по социальной истории и истории культуры. М., 1989. С. 89.

² В 922 г. в Волжскую Булгарию прибывает посол багдадского халифа Ахмед ибн Фадлан.

о них, но и к частичной утрате местных болгарских топонимов. Мы не имеем ни одного оригинального письменного источника исследуемого народа. До нас не дошло ни одного произведения болгарских авторов, хотя мы имеем сообщения об их существовании³. От их языка осталось только несколько десятков слов⁴.

Вместе с тем, мы не можем сказать, что наше знание о болгарях скудно. Наоборот, оно настолько огромно, что сейчас один исследователь уже не может охватить все сферы жизни этого народа. В 2006 году в свет вышел второй том «Истории Татар», где прошлое, культура и быт волжских болгар были кратко описаны коллективом ученых более чем на пятистах страницах. Более того, наше знание об этом народе постоянно увеличивается, но этот прирост происходит только за счет получения новых археологических данных. Мы знаем все больше об этнографическом и материальном разнообразии их мира. Мы получаем все больше сведений о том, чем они болели, что они ели, чем они работали. Но археология – это не «история с лопатой», а точная наука, изучающая методами статистики, стратиграфии и типологии материальную культуру человека. И уже потом историк или археолог, который выступает в данном случае как историк, интерпретирует данные археологии для исторического исследования, то есть изучения прошедшей социальной реальности. Наши возможности судить о том, что любили люди того времени, о чем они думали, очень ограничены. История как таковая заменяется набором фактов из области материальной культуры.

Из сложившейся ситуации в настоящее время можно предложить следующий выход. Если мы испытываем дефицит письменных источников, круг текстов можно попробовать расширить, взглянув на некоторые материальные остатки болгарской культуры как на своего рода текст, содержащий в себе информацию, обращение человека к кому-либо: к высшим силам или своим соплеменникам. М.М. Бахтин утверждал, что физическое действие человека должно быть рассмотрено как поступок. Этот поступок есть потенциальный текст, который может быть понят только в контексте своего времени⁵. В этом качестве может быть рассмот-

---

³ См.: Булгары // Энциклопедический словарь / Ред. И.Е. Андреевский. СПб, 1891. Т. IV. С. 896.

⁴ См.: Баскаков Н.А. Тюркские языки. М., 2006. С. 108–109.

⁵ См.: Бахтин М.М. Проблемы текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках: Опыт филологического анализа // Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 286.

рен способ погребения, постройки жилищ, украшения вещей и посуды, то есть все, что содержит набор неких символов. Конечно, нельзя рассматривать, например, как некое послание откованный в технике трехслойного пакета нож. Изготавливая его, ремесленник ни к кому не обращался. Но предпочтение этого ремесленника или его покупателей к тому или иному способу изготовления этой вещи, который не может быть однозначно объяснен с рациональной точки зрения, есть культурная традиция. За этим способом изготовления, частотой его применения и местом употребления стоит система представлений, которые можно попытаться описать, изучая этот набор средневековых технологий.

Создание подобных методик чтения «бесписьменных текстов» представляется задачей очень трудоемкой. Чтобы ее выполнить, нам необходимо очень четко разграничить технологические универсалии, присущие средневековому ремеслу, и технологические традиции, уникальные для каждого времени и народа и несущие определенную смысловую нагрузку. Для того чтобы приступить к выполнению этой задачи, необходимо сделать ревизию наших представлений о способах познания окружающего мира средневековым мастером, потому что логика его действий и языка, в том числе языка символического, нашедшего отражение в материальной культуре, напрямую зависит от его инструментов познания.

Во-первых, таким инструментом был *сам мастер*, или, вернее, его тело. Скажем сразу, что этот «инструмент» не был предназначен природой для обеспечения потребностей ремесленного труда. Например, специфика работы кузнеца и металлурга требовала от него определения химического состава и качества применяемых материалов и определения высоких температур с точностью до десятков градусов. При получении железа посредством сыродутного процесса надо было выдерживать очень узкие температурные «ворота» – около 100 градусов по Цельсию. При этом температура в сыродутном горне колебалась в среднем в пределах 1200–1500 градусов. Если она не достигала какой-то критической отметки, железо восстанавливалось из руды не в полном объеме, и работа оканчивалась неудачей. Если температура поднималась выше, железо растворялось в шлаке. При сварке железа и стали, которая была необходима для получения качественного инструмента с твердым острым лезвием и мягкой удароустойчивой основой, эти требования были еще жестче.

В этих условиях средневековый мастер сам был и «измерительным прибором», и «лекалом». Определение длины, расстояний, веса, трудозатрат – все осуществлялось в сравнении с человеческим телом. Для выполнения химических и температурных измерений ремесленник использовал свое зрение, слух и вкус. Он ориентировался по цветам каления нагретого металла, по гулу, идущему из горна, по вкусу извлекаемой им из земли руды. Обучение кузнеца – это не столько передача каких-то производственных знаний, сколько процесс обучения использованию своих органов чувств «не по назначению». В привычном смысле этого слова это даже не учеба. Человека нельзя настроить, как пианино или скрипку. Он «настраивается» сам. Эта «настройка» приходит вместе с опытом работы и представляет собой мастерство. И именно это мастерство, то есть опыт работы и способность заставить свое тело служить должным образом в заданных условиях, и обладало для средневекового ремесленника главной ценностью. Поэтому мастер учился годами и всю свою жизнь с раннего возраста.

Во-вторых, кроме опыта и мастерства, ремесленнику надо было обладать и определенной *интуицией*, буквально способностью предугадать результат труда в условиях отсутствия стандартного сырья и стандартных материалов. Каждый раз условия работы несколько изменялись. Менялась влажность руды и угля в зависимости от их подготовки или влажности атмосферного воздуха. Менялись со временем в результате прокала физические свойства сыродутного горна. Кричное железо могло иметь различный химический состав и разное количество шлаковых включений. Все эти обстоятельства давали непредсказуемый результат.

Даже у современных исследователей, несмотря на большой объем теоретических знаний, специальное оборудование, избыток времени и ресурсов, повторить сыродутный процесс получения железа по средневековому образцу оказалось весьма трудной задачей. Неудача постигла Б.А. Колчина и Ю.А. Круга, работавших с репликой древнерусской домницы, которая была сделана преимущественно на основе археологических данных о металлургии Новгорода Великого, Старой Рязани и Булгара. Эксперименты проходили в 1961 г. (17 плавок) и в 1962 г. (7 плавок). За образец были взяты приемы работы якутских металлургов XIX века. Выяснилось, что для используемого сырья оптимальной была температура около 1100 градусов по Цельсию. При ее повышении или понижении восстановленное железо опять растворялось в

шлаке. Несвоевременный выпуск шлака также приводил к растворению в нем железа. К сожалению, до конца, то есть до получения прокованной крицы, эксперимент довести не удалось. Вероятно, был нарушен температурный режим или подобраны не в той пропорции флюсы⁶. Интересна попытка реконструкции сыродутного процесса, проведенная в 2006 г. исследователями из Рыбинска. Им удалось получить железо, но только при увеличении температуры относительно температуры в древнерусском горне. В качестве катализатора-флюса при плавке использовали кости в соотношении к руде один к одному. В ходе всех экспериментов допускались отступления от исторической действительности. Так, например, исследователи для нагнетания воздуха вместо мехов применяли электродвигатель. Современные неудачные экспериментальные попытки моделирования сыродутного процесса наглядно показали, что наших теоретических знаний недостаточно. Можно представить, какой сложной была эта задача для средневекового металлурга, который работал в буквальном смысле этого слова на ощупь, полагаясь только на свои органы чувств, опыт и удачу.

Таким образом, мы должны признать, что опыта и некой сверхприродной интуиции средневековому ремесленнику было недостаточно для работы. Никакой опыт не мог полностью нивелировать изменчивость условий труда, и даже самая удивительная интуиция, если мы не верим в чудо, не могла быть надежной помощницей. Если бы средневековый мастер опирался в своей работе только на интуицию, древнее ремесло было бы лишено какой-то естественной возможности прогресса и развивалось бы только посредством волшебных озарений отдельных людей. Широкие и направленные эксперименты были маловероятны. Во-первых, эксперимент – это риск неудачи, а неудача – это потеря дорогостоящих материалов и времени. Согласно расчетам Б.А. Колчина, который оперировал данными о русской кустарной промышленности XIX в., в Древней Руси на изготовление куска железа весом 5 кг в среднем могло уходить до 5 человеко-дней⁷. Во-вторых, возможности кооперации ремесленников для таких экспериментов и обмена опытом были очень ограничены.

---

⁶ См.: Колчин Б.А., Круг О.Ю. Физическое моделирование сыродутного процесса производства железа // Археология и естественные науки. М., 1965.

⁷ См.: Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. Домонгольский период // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1953. № 32. С. 205.

Средневековое общество корпоративно сверху донизу⁸. Любое вновь полученное знание становилось достижением корпорации, то есть семьи, рода, клана.

Поэтому средневековому мастеру, в отличие от современного индустриального рабочего, для работы требовалась еще *фантазия и вера* как инструменты познания мира. Надо было обладать богатым воображением, чтобы связать воедино в какую-то функционирующую систему представлений отдельные эмпирические факты действительности. И надо было обладать большой уверенностью в получении необходимого результата, чтобы, пользуясь такими смутными указаниями, руководствоваться в работе.

Всё это связано с тем, что сознание средневекового человека вообще и средневекового ремесленника в частности было мифологичным. Настоящий, живой миф, – это никоим образом не собрание рассказов: его не рассказывают, в нем живут, воспроизводя его в действии, то есть в обряде, в ритмической магии танца и пения и вообще во всяком общезначимом человеческом акте⁹. Подобное восприятие действительности нельзя ни в коем случае считать ущербным. В тех условиях, на том уровне развития общества и познавательных инструментов оно давало впечатляющие результаты и становилось эффективным орудием познания. Недостаток теоретической информации человеческое мышление должно было восполнить, чтобы создать для себя целостную картину мира и построить, пусть и в фантастической для нас форме, систему причинно-следственных связей. С одной стороны, созданная человеком «фантазия» опиралась на весь его практический опыт, и пусть интуитивно, в сказочной форме, но повторяла реальные отношения явлений; с другой стороны, она менялась вместе с изменениями жизни. Эти мысленные конструкты задавали определенный ход поисков и экспериментов. Но главное, что они давали человеку, – это психологическая уверенность в возможности достижения желаемого результата, а подобная уверенность есть одно из необходимых оснований для любой работы.

Что такое мифологическое сознание? В широком смысле – это неразделенность самого предмета и образа этого предмета в сознании человека. Благодаря этому между предметом и образом возникают устойчивые причинно-следственные связи. На практике сис-

---

⁸ См.: Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.

⁹ См.: Аверинцев С.С. Античность // Идеи эстетического воспитания: Антология. М., 1973. Т. 1. С. 117.

тему подобных отношений можно проиллюстрировать отрывком, посвященным закалке стали, из карело-финского эпоса «Калевала»:

«И кователь Ильмаринен
Сам об этом поразмыслил
Положил золы немного,
Чуть-чуть щелоку прибавил
В жидкость для закалки стали»

Составив технически верный быстродействующий охладитель стали, Ильмаринен считал, что

«эта смесь не обратится
В жидкость для закалки стали».

Чтобы в этой жидкости сталь закалилась, стала твердой, острой с «могуществом ужасным», злой дух Хаси

«приносит змей шипенье,
Черный яд ехидны злобной
И сокрытый яд лягушки
В жидкость для закалки стали»¹⁰.

Этот пример показывает, как способность стального оружия причинять вред человеку в мифологическом сознании широко соотносится по аналогии с подобной способностью реальных или выдуманных ядов. Отсюда делается вывод, о необходимости для легендарного кузнеца использовать в качестве сырья и эти вещества.

Но ни в коем случае нельзя сводить всю специфику средневекового сознания только к суевериям или невежеству древних людей. Мир в представлении человека того времени не был так разделен и структурирован, как его понимаем мы. Средневековая культура была очень цельной. Под цельностью в данном случае не имеется в виду социальная или культурная однородность. Цельность заключается в том, что средневековую культуру вряд ли вообще можно членить так, как мы привыкли это делать с современной. Речь идет здесь не только о трудности выделения из единого тела культуры таких интеллектуальных сфер, как теология, этика или экономиче-

---

¹⁰ Колчин Б.А. Железообрабатывающие ремесло Новгорода Великого (Производство. Технология) // Материалы и исследования по археологии СССР. Тр. Новгород. археологич. экспедиции. М., 1959. Т. II. № 65. С. 284.

ская мысль, но и о единстве производственного, этического и эстетического начал в ремесленной деятельности¹¹.

Более того, мы не можем разделить чудесное и рациональное в повседневной жизни людей того времени. Как такового этого разделения не существовало. Сама жизнь была чудом, дарованной высшей силой, которая постоянно и неотступно пребывала в мире. Так же как вино и хлеб на алтаре превращались в плоть и кровь господню, превращались в острую сталь ржавая земля и уголь. Для архаичного сознания всякое ремесло есть колдовство. Любой ремесленник был хоть скромным, но легитимным собратом мага, и любой колдун был в большей или меньшей степени ремесленником. Оба знают слово, оба проникли в секреты, неведомые профанам¹². Не случайно слова «кузнец» и «козни» близки в русском языке по происхождению. Кузнецы нередко выступали как знахари, что прослеживается по этнографическим и даже археологическим материалам. Знание каких-то технологических операций было совершенно недостаточным. Надо было знать «слово», позволяющее добиться чуда или обладать особой силой, дарованной от рождения или приобретенной.

Волшебность ремесел, связанная с обработкой металла, прослеживается в культуре многих народов. Мастера Абхазии еще в XIX в. приносили жертву кузнечному богу Шашв¹³. В Пскове рядом с плавильными печами VIII в., были обнаружены жертвенники с большим количеством обожженных костей¹⁴. Вместе с христианством, заменившим язычество, на Русь пришли божественные кузнецы, покровители кузнечного ремесла и кузнецов – Кузьма и Демьян. Много поверий и обрядов было связано с инструментом ремесленника. Тор, глава скандинавского пантеона богов, вооружен боевым молотом, оружием не самым удобным и эффективным, но наделенным сокрушительной магической силой.

---

¹¹ См.: Харитонович Д.Э. В единоборстве с василиском: опыт историко-культурной интерпретации средневековых ремесленных традиций // Одиссей. Человек в истории. Исследования по социальной истории и истории культуры. М., 1989. С. 78.

¹² Там же. С. 89.

¹³ См.: Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси... С. 183.

¹⁴ См.: Тараканова С.А. Новые материалы по археологии Пскова // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры. М., 1959. № 33–50.

Человек средневековья познавал мир не индивидуально, а посредством некоторых коллективных установок и норм. Когда мы говорим о действительности какого-то события с его точки зрения, то, по-видимому, имеем в виду нечто иное, нежели реальное явление. Для того чтобы дать оценку своему индивидуальному знанию, практическому или духовному, этому человеку было необходимо соотнести его с традицией, т.е. осознать и пережить собственный опыт в категориях коллективного сознания. Случившееся обладало подлинностью, если могло быть подведено под соответствующую модель, идентифицировано с чем-то, выходящим за пределы индивидуального. Познание сущности явлений в этой системе сознания, очевидно, состояло, прежде всего, в узнавании в них определенных архетипов¹⁵.

Приняв концепцию познания мира с помощью системы культурных архетипов, мы можем выделить в качестве архетипа и производственный секрет. Все связанные с ним операции представлялись средневековому мастеру как неразрывная система, где каждый элемент был необходим для ее успешного функционирования и где изъятие или добавление чего-то нового ставило удачу дела под сомнение.

Попробуем обосновать это утверждение на конкретном примере. Одним из интереснейших трактатов, посвященных ремеслу, который дошел до нашего времени, по праву можно назвать сочинение Теофила Пресвитера «*De diversis artibus*» («О различных искусствах»), написанное в конце XI – начале XII века. Предполагается, что автором его был ювелир и ремесленник-металлург Рогер из Хельмарсхаузена, принявший в монашестве имя Теофила. Трактат этот посвящен весьма широкому кругу вопросов: изготовлению красок, приготовлению сплавов, обработке драгоценных камней, литью колоколов и т.д. В этом сочинении интерес для нас представляет подробный рецепт выращивания василисков и возможного использования полученного от них сырья. Автор, приведший этот рецепт, был, без сомнения, одним из образованнейших людей своего времени. Будучи ремесленником-практиком, он, уже приняв сан, мог познакомиться и с античной литературой, так или иначе посвященной ремеслу. Мы не можем усомниться в его здравом уме. И должны констатировать тот факт, что существование василисков является для него настолько очевидной исти-

---

¹⁵ Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. М. 1981. С. 156.

ной, что он приводит практические рецепты их выращивания. Да, сам автор никогда не видел этих существ. Возможно, он пробовал свои рекомендации на практике, и у него не получилось. Но все это нисколько не поколебало его уверенности, потому что вера в существование василисков есть одна из частей того культурного архетипа, народной культуры, о которых мы говорили выше, и приведенные им рецепты как алгоритм действий и обрядов им соответствуют.

Нерасчлененность и взаимосвязь мира в понимании средневекового человека вела не только к появлению сказочных, фантастических рецептов, но и своеобразной неразработанной (с нашей точки зрения) производственной терминологии. Не было никакого смысла придумывать специфические термины для какого-то явления, которое, по мнению современников, имело тесные связи и тождество с другим явлением действительности. Вполне возможно, что, читая древние рецепты, мы не понимаем всего смысла, заложенного в текстах. Так, трактат хорезмийского ученого-энциклопедиста X в. Бируни, посвященный кузнечному делу и минералогии, легко оперирует такими терминами, как «женское железо», «мужское железо» и «вода»¹⁶. Характерно, что используемому ремесленниками сырью приписывается в зависимости от проявляемых им свойств женское или мужское начало, а огненно-горячий шлак, чугун или сталь (из контекста нам не совсем понятно, что именно, но абсолютно понятно для Бируни и его современников) названы водой на основании только свойства их текучести.

В качестве единого культурного архетипа мы должны рассматривать не только производственный секрет, но и сам изготовленный мастером предмет. Для человека средневековья, как для ремесленника, так и для покупателя его изделий, материал, из которого был изготовлен какой-то предмет, процесс изготовления и сам инструмент были неразрывно связаны. И качество инструмента воплощалось не только и не столько в его эксплуатационных свойствах, сколько в выполнении определенных требований при его изготовлении. Но производством и покупкой бытие вещи не прекращалось. Качества предмета и человека начинали связываться между собой. Связь человека с природой бы-

---

¹⁶ Глава «О железе» минералогического трактата Бируни / Публ. А.М. Белецкого // Краткие сообщения института истории материальной культуры. 1950. Вып. 33. С. 149.

ла неотъемлемой чертой его сознания, а вещи воплощали в себе качества их обладателей¹⁷.

В качестве примера подобных связей можно привести сообщение Ахмеда ибн Фадлана, багдадского посла, посетившего Волжскую Булгарию в начале X в. н.э. В своих записках он упомянул о том, что болгары казнят каждого, кто мочится, не сложив с себя оружия¹⁸. В данном случае, вероятно, в представлении людей того времени имеется связь между человеческой уриной, силой и славой оружия и рода. Моча как слабый щелочной раствор являлась хорошим охладителем стали при ее резкой термической обработке и одновременно в мифологическом сознании была аналогом крови. Обратившись к этнографическим свидетельствам и средневековым трактатам, посвященных алхимии и ремеслу, мы найдем множество рекомендаций по получению и использованию этого сырья.

Наше представление о средневековом мышлении как о мышлении посредством системы культурных архетипов заставляет взглянуть на проблему прогресса социально-экономических отношений и средневекового ремесла с несколько другой точки зрения. Вряд ли для средневекового ремесленника существовало понятие технологии и рентабельности производства в привычном для нас смысле этого слова. Мы можем наблюдать, что кузнецы соседних археологических культур в одной и той же категории изделий применяют более ранние и примитивные технологии одновременно с более продуктивными и сложными. Так, например, в X–XIV вв. наварные схемы изготовления ножей почти отсутствовали в ремесле поволжских финно-угров¹⁹. Это нельзя объяснить тем, что одни ремесленники обладали необходимыми техническими знаниями, а другие нет. Незнающие не выдержали бы конкуренции или попробовали бы добиться результата другим способом. С территории болгарского городища Муромский городок изучен серп, лезвие которого было присоединено к железной основе не кузнечной сваркой, а заклепками. Кузнец хорошо осознавал преимущества соединения острой, но хрупкой режущей части из стали с мягким, но эластичным железным основанием. Не справившись со

---

¹⁷ См.: Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.

¹⁸ См.: Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Пер. и коммент. под ред. И.Ю. Крачковского. М.; Л., 1939. С. 35.

¹⁹ См.: Завьялов В.И. Железообработка у фино-угров Приуралья // Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М., 1997. С. 244–245.

сваркой, он добился необходимого результата иначе, соединив обе части инструмента заклепками²⁰.

Рассматривая эволюцию материальной культуры только с археологической точки зрения в отрыве от ее понимания как части народной культуры, мы неизбежно столкнемся с кажущейся иррациональностью ее развития. Оно отказывается быть линейным. Иногда традиции, явно архаичные для своего времени и общества, проявляют редкостную «живучесть». Примером может служить сохранение в X–XIII вв. у волжских болгар и населения северо-востока Древней Руси ряда ремесленных приемов, исчезнувших в Поволжском регионе к началу второго тысячелетия н.э. Наиболее ярко это проявляется в использовании сыродутных горнов полусферической формы и кузнечного приема цементации уже готовых кузнечных изделий.

Операция науглероживания (цементации) заключалась в следующем. Ремесленник помещал сделанные им железные инструменты вместе с любой органикой в плотно закрытый сосуд-муфель, который часами нагревал в горне. При температуре около 900 градусов по Цельсию в бескислородной среде углерод из органических остатков проникал в железо, образуя сталь. Для получения хотя бы тонкого слоя толщиной 1 мм требовалось до 12 часов такого «прогрева». Затраты времени и материалов были очень значительными, но острый режущий край быстро стачивался. Исследователь металлургии Древней Руси Б.А. Колчин относил эту технологическую схему к архаичным приемам кузнечного ремесла. Он полагал, что с началом второго тысячелетия нашей эры и становлением средневековых государств и вместе с ними сравнительно обширных рынков эти приемы работы на территории Восточной Европы вытесняются разнообразными способами кузнечной сварки железа и стали и почти исчезают как непродуктивные. Тем не менее, технология цементации становится одним из наиболее распространенных приемов работы у болгарских кузнецов в X–XIV веках. Более того, влияние болгар, вероятно, определило ее появление в ремесле северо-восточных областей Древней Руси, хотя для древнерусских кузнецов использование цементации готового изделия является очень редким приемом.

Вместе с тем мы не можем упрекнуть болгарских мастеров в том, что они были отсталыми кузнецами. Арабский путешествен-

---

²⁰ См.: Толмачев М.М. Техника металлического производства Волжской Булгарии в X–XIII веках по данным металлографии // Естественные науки и археологии в изучении древних производств. М., 1982. С. 56–59.

ник XI в. Ал-Гарнати оставил интересное сообщение об их искусстве: «И привозят люди мечи из стран ислама, которые делаются в Зенджане, и Абхаре, и Тебризе, и Исфагане, в виде клинков, не прикладывая рукоять и без украшений, одно только железо, каким оно выходит из огня. И закаляют эти мечи крепкой закалкой, так что если подвесить меч за нитку и ударить ногтем, или чем-нибудь железным или деревянным, то будет долго слышен звон»²¹. Перу Ал-Гарнати принадлежат два сочинения о его путешествиях. Это книга «Ясное изложение некоторых чудес Магриба» и ее переработанный вариант «Подарок умам и выборки диковинок». Интересно, что рассказ о чудесах болгарской закалки мечей присутствует в обеих книгах этого искушенного путешественника, побывавшего в разных странах от Испании и Египта до Волжской Булгарии, Руси и Византии.

Полусферические сыродутные горны в VI–VIII вв. были широко распространены у славян и представителей именьковской культуры. К началу II-го тысячелетия н.э. эти теплотехнические сооружения и приемы работы, связанные с ними, выходят из употребления. Вероятно, это объясняется их низкой продуктивностью. Приземистые сыродутные печи небольшого объема не позволяли получить большую железную заготовку. К тому же они, скорее всего, работали без выпуска шлака, что отрицательно сказывалось на качестве получаемого продукта. Но эти горны и приемы работы с ними получили широкое распространение у волжских болгар в X–XIII вв. и «задержались» еще на два столетия у жителей северо-восточных областей Древней Руси, которые поддерживали с ними тесные торговые и культурные связи. В то время, когда во всем Поволжском регионе металлургическое ремесло перешло на качественно новый этап, болгары по каким-то причинам остались на его предыдущей стадии. Сложилась парадоксальная ситуация, когда соседние с ними зависимые от них угро-финские племена, стоящие на более низком уровне общественного развития, использовали более продуктивные и совершенные приемы ремесленной работы.

Мы не можем предположить, что болгарские металлурги не испытывали потребности в качественном железе и стали. Исследователи отмечают сильную засоренность шлаковыми включениями многих изделий, полученных с болгарских поселений. Ес-

---

²¹ Путешествие Абу Хамида Ал-Гарнати в восточную и центральную Европу (1131–1153) / Публ. О.Г. Большакова, А.Л. Монгайт. М., 1971, С. 33.

ли верить Ал-Гарнати, потребность в качественном железе была так велика, что заготовки для мечей везли с территории современного Ирана. По результатам изучения археологических материалов города Болгара было сделано предположение, что болгарские металлурги могли привозить из областей Южного Урала никельсодержащие руды как своего рода легирующую добавку, увеличивавшую продуктивность сыродутного процесса.

Складывается впечатление, что новое, появившееся в кузнечном ремесле и металлургии, как будто натолкнулось в сознании людей на какую-то преграду. Иные, более прогрессивные способы работы, не вписывавшиеся в культурную традицию, не соответствующие архетипам народной культуры, были проигнорированы, несмотря на острую потребность общества в более продуктивных приемах ремесла. Поднять производительность пытались, но не отказываясь от традиции, например, экспортом заготовок для высококачественных изделий (Ал-Гарнати пишет о мечах) или даже привозом легирующих руд. Все это могло быть доставлено только сухопутным путем, что было очень трудоемким и затратным делом. Сложно представить, чтобы центральная власть в средневековом раннефеодальном государстве была настолько сильной, чтобы вмешаться так бессмысленно в хозяйственную жизнь общества. Этот отказ был всеобщим и добровольным. Перенимать новые приемы работы отказывались не только и не столько сами ремесленники. Их покупатели продолжали упорно приобретать сделанные ими изделия. Возможно, они были более дорогими, чем импортные, и менее качественными, но они были сделаны соответствующим образом, и именно это играло решающую роль. Нам сложно детально проследить эволюцию болгарской металлургии, но археологические раскопки показывают, что в XIV в. после завоевания Болгарии монголами она настолько изменилась, что ее преемственность домонгольскому времени маловероятна. В результате нашествия были полностью разорены крупнейшие ремесленные центры, но утрата прежней традиции вызвана скорее не массовой гибелью мастеров, а тем коллапсом, который произошел в сознании людей в результате произошедшей катастрофы.

Таким образом, ремесленная традиция, то есть набор определенных приемов работы, тесно связана с культурными представлениями, которые мы не всегда можем описать, но часто можем утверждать об их несомненном наличии. В структурированном и корпоративном средневековом обществе не было инструментов

свободного распространения знаний. Трактаты и сочинения, которые поражают глубиной своей мысли и набором практических знаний, были достоянием небольшого числа интеллектуалов. Эти своды технических знаний не становились руководством для средневековых мастеров, а только давали пищу для размышлений немногим философам и алхимикам. Народная культура того времени была устной. Знания, которые получал мастер, были накоплены в течение многих поколений. Перенимая это знание, он не имел представления о его долгой и кропотливой эволюции. Оно сакрализировалось и было для него как будто застывшим, данным уже в готовом виде некими высшими силами в незапамятные времена, то есть превращалось в миф. Мифологическое сознание, связывающее воедино предмет и образ предмета, предполагает мышление системой культурных архетипов. Для человека того времени это был единственный способ познания мира. Все, что не могло быть вписано в рамки этих архетипов, просто игнорировалось. С одной стороны, это позволяло создать целостную картину мира, с другой – иногда становилось препятствием для линейного развития технического прогресса.

**ГУБЕРНАТОР КАК ЖЕРТВА
КОНФРОНТАЦИИ КОРОННОЙ ВЛАСТИ,
ГУБЕРНСКОГО ДВОРЯНСТВА И «ЛОКАЛЬНОГО» ОБЩЕСТВА
(ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)**

А.Н. Бикташева

Национальный исследовательский университет –
Высшая школа экономики,
кафедра политической истории
E-mail: biktashi@mail.ru

В статье анализируются специфика взаимоотношений, сложившихся между казанскими губернаторами и представителями корпоративных дворянских учреждений – губернских собраний. Вскрываются причины прямой конфронтации и ее последствия.

Ключевые слова: Казанская губерния, губернатор, дворянское собрание, предводитель дворянского собрания.

**GOVERNOR AS VICTIM: CLASHES OF PROVINCIAL
NOBILITY, LOCAL SOCIETY AND CENTRAL POWER
IN THE FIRST HALF OF 19TH-CENTURY**

A.N. Biktasheva

In the article the specificity of mutual relation between the Kazan governors and representatives of the corporate establishment (province nobility assembly) is analyzed. The reasons of a straight confrontation and its consequence are revealed.

Key words: Kazan province, province nobility assembly, the leader of nobility assembly.

Начало XIX в. – время адаптации заимствованной из Западной Европы министерской системы управления на русской почве. Когда в жестком противостоянии местного дворянства и верховной власти определялся социальный статус губернатора, ресурсы его власти и доступные ему рычаги управления регионом. В статье рассматривается история этого противостояния на архивных материалах Казанской губернии, отличающейся особо острым конфликтом губернаторов с предводителями дворянства. Основу источникового комплекса составили письменные доносы, посту-

пившие из Казани в Сенат, а также материалы, проведенных по ним сенаторских ревизий. Они дополнены законодательством, определяющим полномочия губернаторов, а также делопроизводственной документацией, зафиксировавшей механизм отставки начальников Казанской губернии.

Специфика исследуемых источников порождена их статусом в политической культуре России первой половины XIX века. В начале столетия донос был не просто уведомлением государственных органов о нарушениях или противозаконных действиях («отражением социальной и политической реальности»), но и формой участия обывателей в управлении империей. В отличие от Павловского времени данная практика общения верховной власти и подданных носила не индивидуальный характер («царь и ходатай»), а была встроена в министерскую систему управления, внутри которой Сенат приобретал статус института административной юстиции.

На жизни губерний это отразилось в проведении регулярных сенаторских ревизий. Сохранившиеся материалы таких проверок первой четверти XIX в. свидетельствуют, что империя была пронизана диалогами власти с обществом и властей разного уровня друг с другом. Участниками обсуждения административных проблем становились император, олицетворявший «верховную власть»; центральные органы, отождествлявшиеся с «мнением» Сената и Комитета министров; сенатские ревизоры, служащие министерств. В помещичьих губерниях, где власть делилась на коронную и корпоративную, в этот диалог вступали губернаторы, губернские предводители дворянства, а также частные и должностные лица, обращавшиеся с доносами и жалобами в вышестоящие инстанции и непосредственно к «Высочайшему имени». Результаты усвоения этого канала связи между обществом и органами государственного управления в значительной мере способствовали адаптации правительственных намерений к обстоятельствам и реалиям отдельного региона.

Вместе с тем, анализ материалов сенаторских ревизий по Казанской губернии, а также число уволенных по их результатам губернаторов, убеждают в том, что ресурсы власти, которой они были наделены, не позволяли им преодолеть давление противников и самостоятельно разрешить административные кризисные явления. В конфронтации губернатора и предводителя дворянства, губернской администрации и корпоративных органов управ-

ления столичные ревизоры неизменно принимали сторону местной элиты. В правление Николая I ситуация изменилась кардинальным образом. В этот период поставщиком информации для верховной власти стал корпус жандармских офицеров, высвечивающий локальные ситуации в специальных донесениях. Верховная власть перестала быть восприимчивой к «частным» голосам, в том числе и к общественным оппонентам губернатора. Начальник губернии стал рассматриваться как объект покровительства и защиты официального Петербурга. Изменение способов контроля за административным аппаратом и политических установок верховной власти связано не только с личностью императора и его персональными тактиками властвования, но и опытом наблюдения, изучения и разрешения губернских конфликтов.

В одной только Казанской губернии они вспыхивали один за другим, порождая кризисы власти. В 1801 г. на имя императора пришел донос за подписью подпоручика А. Унгебаура на казанскую полицию, которая для получения признаний, якобы применяла жестокие пытки. Для выяснения обстоятельств дела в Казань был направлен флигель-адъютант царя, подполковник барон П.Р. Альбедиль. По результатам его расследований военный и гражданский губернаторы П.П. Пущин и А.И. Муханов были освобождены от должности – первый «за превышение власти», второй за «бездействие»¹. В 1803 г. по результатам ревизии сенатора И.Б. Пестеля был уволен и осужден «за допущенные беспорядки и злоупотребления» губернатор Н.И. Кацарев. Сенаторская ревизия была вызвана доносами вице-губернатора Н.И. Ивановского и поручика Якова Исакова², к делу прилагались жалобы отдельных дворян, полицмейстера Низякова, советника губернского правления Гернера, рапорты губернского прокурора А.Н. Овцына. После смерти в 1814 г. компромиссного губернатора Б.А. Мансурова в Казани вновь началась административная перетасовка. Один за другим были лишены губернаторской должности: Ф.П. Гурьев, И.А. Толстой и П.А. Нилов. Этот кризис губернского управления был порождён проведением очередной всеобъемлющей сенаторской ревизией 1819–1820 гг. по доносу ка-

---

¹ РГИА. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 755 «О суждении бывших в Казани губернаторов военного – Пущина и гражданского – Муханова <...> за бесчеловечные подсудимым пытки».

² Там же. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 379 «О беспорядках и злоупотреблениях по Казанской губернии».

занского губернского предводителя дворянства³. Каждый раз увольнение присланного из Петербурга губернатора оказывалось результатом его конфликта с местной дворянской «партией». Соединение в единый нарратив доносов, следственных дел, делопроизводственной документации и материалов ревизий позволило восстановить обстоятельства увольнения губернаторов и осмыслить характер отношений верховной власти, местных элит и общества в исследуемый период.

Особенно жестким противостояние представителей коронной власти и казанского дворянства было с 1814 г. до середины 1830-х годов. За этот период сменились шесть губернаторов, трое из которых были уволены с отдачей под суд. Официально П.Ф. Гурьев был осужден «по подозрению во взятке», И.А. Толстой «за злоупотребления властью», П.А. Нилов «за превышение власти». При этом в материалах каждого отставленного губернатора письменно зафиксирована ключевая для моего исследования причина, сделавшая их жертвой – «личные неудовольствия не только между частными лицами, но и между облечёнными званием службы, чему служат доказательством прения по выборам дворянским». Факт противостояния губернского предводителя дворянства Г.Н. Киселёва любому присланному из Петербурга ставленнику фиксировали не только ревизоры. О нем официально сообщил в служебном рапорте казанский губернский прокурор, доктор юридических прав Г.И. Солнцев⁴. Рапорт этот был написан в 1830 г. по настоянию Николая I. Прокурор пояснял, что на период правления каждого осужденного губернатора приходились очередные дворянские выборы, «по коим некоторые дворяне, на службу избираемые начальниками губернии по разным случаям не были утверждаемы, а вместо оных определяемы губернским правлением коронные чиновники»⁵. По мнению губернского прокурора, в этом заключалась причина обстоятельств паралича власти в Казанской губернии.

Итак, первый конфликт произошёл между губернным предводителем дворянства надворным советником Григорием Никифоровичем Киселёвым и вице-губернатором Федором Петровичем Гурьевым, исполнявшим обязанности гражданского губернатора. Гурьев имел все основания для получения должности казанского губерна-

---

³ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 185. Л. 114–115.

⁴ ГАРФ. Ф. 109, 1 эксп., 1831 г. Д. 529. Л. 50–54.

⁵ Там же.

тора. Он был молод, энергичен, состоятелен, мог претендовать на поддержку высокопоставленных и влиятельных родственников в столице. Вероятнее всего, среди местного дворянства появились свои выдвигенцы на этот пост. Во всяком случае, логика последующих событий убеждает в правомерности этого предположения. Отечественная война 1812 г. вернула в родовые не разоренные французами поместья многих столичных обитателей. Среди таковых оказался и бывший астраханский губернатор князь Дмитрий Васильевич Тенишев. В этот период он активно искал возможности возобновления статской службы. Кончина Б.А. Мансурова в 1814 г. предоставляла такую возможность, но не только ему: интересы Тенишева совпадали с интересами вице-губернатора.

На посту исполняющего обязанности казанского губернатора Ф.П. Гурьев начал активно бороться с застойными проявлениями местной администрации. Особое внимание он уделял части полицейской, так как перемещения по казанским дорогам стали небезопасными. Печальную статистику убийств и грабежей купцов и простых обывателей постоянно пополняла московская дорога при выезде из Казани в Свияжск⁶. Земская полиция не справлялась с потоком преступлений. Гурьев решил лично возглавить борьбу с криминалом на этом участке Казанского уезда. Когда в восемнадцати верстах от Казани было обнаружено пять трупов, создали специальную комиссию, которая пристально следила за событиями в селе Ягодном у порохового завода, что в трёх верстах от города. Предполагалось, что именно здесь находятся подозреваемые убийцы. Каждую ночь губернатор объезжал учреждённые им пикеты, и через 15 дней преступники были пойманы. Тем самым, глава губернии укорял в недобросовестности чиновников земского суда и исправника: ведь «если он будет деятелен и беспристрастен в изысканиях, то уезд, вверенный ему, будет всегда спокоен»⁷. Безусловно, это касалось всей губернии. Порядок в уездах во многом зависел от выборного кадрового состава земских начальников. Решить проблему без участия дворянства губернатор не мог, поэтому изменение положения дел в уездах зависело от слаженности организации дворянских выборов по замещению этих уездных должностей.

Ф.П. Гурьев на дворянских выборах со свойственной ему прямоотой продемонстрировал независимость и самостоятель-

---

⁶ НА РТ. Ф. 168. Оп. 1. Д. 275. Л. 1-2.

⁷ Там же. Д. 32. Л. 3.

ность суждений. В соответствии с указом 4 февраля 1803 г. по Казанской губернии баллотировались 14 представителей дворянского сословия на «общую по государству службу», а утверждены были губернатором только семеро из них. Руководствуясь законным правом, он не утвердил наиболее одиозные кандидатуры на должности исправников и чиновников земских судов. Это послужило поводом для жалоб губернского предводителя дворянства Киселёва «о не утверждении губернским начальством избранных на следующее трёхлетие чиновников», направленных в Сенат и другие ведомства⁸. Сенат потребовал «надлежащего объяснения» от губернатора, «дворянству учинить равномерно же замечание», поскольку действительно были допущены к баллотированию лица, не имевшие по закону на то право.

Приведём объяснения Ф.П. Гурьева, данные обер-прокурору Сената графу Салтыкову. «Милостивый государь! Все старания мои и усердие было показать в дворянском собрании на нынешнее трёхлетие мою беспристрастность, и, не уклоняясь ни мало от законов и Высочайшего Учреждения, я совершил его. Казалось бы, дворянскому собранию оставалось только чувствовать удовольствие, видя, что достойные люди утверждены, и никак не принимать в оскорбление, если на кого моё утверждение не могло быть. Не я их не утверждал; но законы не дали им права быть утвержденными. <...> Имея строгое предписание от господина министра внутренних дел сего года от января за № 72, мною полученное, о недопущении к выборам невнесённых в Дворянскую родословную книгу, которое в копии от меня было препровождено Дворянскому собранию <...>. Господина губернского предводителя убеждал, чтобы в исправлении земских судов выбор был на людей совершенно опытных по службе, и не замеченных никак в пороках. В десятилетнее правление покойного губернатора Мансурова, сколько было грабежей и убийств, но открыто очень мало. Послабление исправников давало защиту виновным и от того всякое почти убийство предавалось суду и воле Божьей. В моих замечаниях, представленных при донесении Правительствующему сенату изволите усмотреть, имел ли я право согласиться на утверждение дворянством избранных, замеченных по суду в послаблении и попусшении к виновным по следствиям оказавшихся в пьянстве, буйстве, лихоимстве и дерзостных поступках.

---

⁸ РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 5. Л. 1-24; НА РТ. Ф. 168. Оп. 1. Д. 32. Л. 1-59.

Какой пример для вверенного ему уезда, и может ли под начальством такового, быть спокоен разноплеменной народ, населяющий уезды отдаленных губерний? Основываясь на сем рассуждении, я семерых не мог согласиться утвердить, в том числе уездного судью Палицына, которого нетрезвая жизнь и предосудительные поступки также отклонили меня на его утверждение»⁹. Должностное письмо завершалось просьбой: «При слушании дела в Правительствующем Сенате, если Вы изволите меня найти совершенно правым, то поставьте на вид циркулярно губерниям мою справедливость, и чтобы Дворянское собрание при своих отступлениях от правил, дворянству в Высочайшем Учреждении изложенных, не могло и впредь делать свои несправедливые жалобы на Начальника Губернии и укорять его в оскорблении той деятельности, которую он удостоен, управляя Высочайшим соизволением вверенною ему Губернию». В заключение он выражал сожаление, что «лучшее Дворянство» при выборах не присутствовало. К ним он относил тайного советника Федора Федоровича Желтухина, генерал-майора Энгельгардта и Николая Михайловича Пушкина. По его убеждению, они отговорили бы губернского предводителя надворного советника Киселёва от подачи жалобы. К сожалению, Сенат и министерства никак не отреагировали на этот тревожный сигнал о создавшемся в Казани «двоевластии».

Суть конфликта заключалась в стремлении начальника губернии на обозначившиеся вакансии назначать чиновников от правительства, а это воспринималось дворянством как ущемление их корпоративных прав. Думается, Гурьев намеренно стремился заполнить вакансии коронными чиновниками, чтобы осуществить прорыв в организации «тишины и порядка» в губернии, пока часть казанского дворянства находилась в ополчении и не вернулась с театра военных действий. Так или иначе, своими посягательствами в выборные дела дворян он себя им противопоставил. Все эти активные действия можно объяснить желанием утвердиться на посту казанского гражданского губернатора, исполняя свой долг перед государем. Но Сенат принял сторону предводителя дворянства. 5 августа 1815 г. было вынесено строгое замечание казанскому вице-губернатору «за нанесение губернскому предводителю неудовольствия по выборам», что

---

⁹ НА РТ. Ф. 168. Оп. 2. Д. 52. Л. 1-2.

значительно усилило оппозиционные настроения местного дворянства, стимулируя дальнейшее развитие противоборства.

Вероятно, подобный случай сенатской опеки в обход полномочий Министерства внутренних дел не был единственным. Реакция правительства проявилась в новом узаконении «о выговорах и замечаниях губернаторам», появившемся в 1816 г. в защиту начальников губернии¹⁰. Отныне выговоры должны были происходить «единственно от лиц министров и за их подписанием, известная каждый раз о сем Комитет министров для сведения. А министру юстиции доводить равным образом до сведения Комитета, когда подобные замечания или выговоры будут деланы от Правительствующего Сената». Сила этого указа уже не могла восстановить репутацию Гурьева. К тому времени он находился под судом по обвинению казанского помещика Мосолова во взятках. В сенатском архиве его дело получило характерное название – «О ложном обвинении титулярным советником Мосоловым казанского вице-губернатора Гурьева во взятках»¹¹. Этот случай демонстрирует применение технологии избавления от нежелательного претендента на губернаторское кресло путем обвинения его во взяточничестве. Казань ожидали нового губернатора.

Таковым стал граф Илья Андреевич Толстой (1757–1820) бывший флотский гардемарин, вышедший в отставку в чине бригадира Преображенского полка более двадцати лет тому назад. Женат он был на княжне Пелагее Николаевне Горчаковой, получив при этом к своим трем еще девять имений за женой и три винокуренных завода. Столичная знать хорошо знала графа, он был одним из старшин Английского клуба, служившего главным центром общественной жизни старой дворянской Москвы¹². О дедушке по линии отца Лев Николаевич Толстой имел своё представление: «Дед мой был, как я его понимал, человек ограниченный, очень мягкий, веселый и не только щедрый, но бестолково-мотоватый, а главное – доверчивый. В имении его Белевского уезда Полянах, – не Ясной Поляне, но Полянах, – шло долго не перестающее пиршество, театры, балы, обеды, катанья, которые, в особенности при склонности деда играть по большой в ломбер и вист, не умея играть, и при готовности давать всем, кто

---

¹⁰ ПСЗ-1. № 26493.

¹¹ НА РГ. Ф. 168. Оп. 2. Д. 46. Л. 1–49.

¹² См.: Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 год. М., 1954. С. 18.

просил, и займы, и без отдачи, а главное, затеваемыми аферами, откупам, кончилось тем, что большое имение его жены все было так запутано в долгах, что жить было нечем»¹³. Так Илья Андреевич прожил все и вынужден был через влиятельных родственников вновь хлопотать о службе. В 58 лет, не имея должного опыта, он становится казанским гражданским губернатором. Его губернаторство началось страшным пожаром, поглотившим большую часть города, что не предвещало хорошего начала, да и положение дел в губернии оказалось непростым. Во время предыдущего правления обострились внутренние противоречия в чиновничьей среде. «Сообразуясь с духом господина казанского губернского предводителя Киселева раздраженным личными с господином гражданским губернатором неудовольствиями...»,¹⁴ Толстой сразу оказался в центре конфликта с местным дворянством. Многих раздражал его образ жизни, да и мотив его назначения казался очевидным. Вдохновителем и организатором оппозиционных настроений стал князь Дмитрий Васильевич Тенишев (1766–1829 гг.). Со слов В.И. Панаева это был очень умный, богатый, дельный человек, имевший столичные связи и влиятельные знакомства¹⁵. Его отец был известным казанским губернатором, сам он после 14-летней службы в гвардейском Преображенском полку начал статскую службу в качестве казанского вице-губернатора. Затем становится астраханским губернатором, но был уволен и отдан под суд «за упущения по случаю эпидемии». Через два года Сенат нашел его невинным¹⁶, но этот горестный урок несправедливой отставки оставил в нем недобрые воспоминания. Если учесть его богатейший административный опыт, затаенную обиду, конкурентное неприятие Толстого, то вполне можно предположить о его претензии на казанское губернаторство.

Начиная с 1817 г., губернский предводитель Киселёв постоянно отписывал жалобы в Сенат, министру юстиции о прениях относительно отдельных кандидатов по дворянским выборам, о нарушениях указа о выборах 1803 года. Открытый конфликт между губернатором и предводителем дворянства произошел, по видимому, на очередных дворянских выборах в марте 1818 года.

---

¹³ Гусев Н.Н. Указ соч. С. 20.

¹⁴ НАРТ. Ф. 168. Оп. 1. Д. 633. Л. 2.

¹⁵ См.: Воспоминания В.И. Панаева // ВЕ. 1867. Т. 4. С. 114.

¹⁶ Архив Государственного Совета. Т. 3. Царствование императора Александра I (1801–1810). СПб., 1878. С.124–128.

Об этом имеется ряд свидетельств: «у господина казанского губернского предводителя Киселева произошли с бывшим казанским гражданским губернатором неудовольствия, и от первого, то есть – предводителя, сделан донос якобы о возникших по губернии злоупотреблениях от местного начальства»¹⁷; «господин Киселев, будучи во вражде с господином губернатором, употреблял все способы нанести всем служащим под его начальством прискорбие или самое несчастье»¹⁸. Однако обращение Киселёва в Сенат уже не приносили былого эффекта (как в случае с Гурьевом), поэтому был написан донос на имя графа А.А. Аракчеева, возглавлявшему Собственную Его Императорского Величества Канцелярию.

На заседании Комитета министров 8 июля 1819 г. граф А.А. Аракчеев зачитал донесение казанского губернского предводителя о злоупотреблениях местного начальства в уездах Казанской губернии по дорожному сбору. По мнению Киселева «только личное исследование доверенной особы может ясно открыть поведение тамошнего местного начальства». К доносу прилагалась записка с распоряжениями губернского начальства, из которой явствовало, что мосты строятся чрез подрядчиков чрезвычайно дорого, завываются расценки на установку придорожных столбов и т.д.¹⁹. По докладу Аракчеева Комитет министров рекомендовал на командирование в Казань двух сенаторов – тайных советников С.С. Кушникова и графа П.Л. Санти. Донос на дорожную повинность оказался хорошо продуманным. Само существование барщины в пользу государства порождало произвол местных властей при раскладе повинностей. Не было никакой справедливости и порядка в распределении дорожной повинности между помещиками и крестьянами. Никто не следил за правильностью нарядов. По всей России дорожная повинность была одною из самых тяжелых и давала все способы к «притеснениям».

С 12 октября 1819 г. начался осмотр губернии и только через десять дней ревизоры прибыли в Казань. Было принято решение об «организации особого расследования» по уездам губернии. Список следователей для производства дознания было поручено составить предводителю дворянства Г.Н. Киселёву. Таким образом, следователями стали представители той самой корпорации, донесению кото-

---

¹⁷ НАРТ. Ф. 168. Оп. 1. Д. 636. Л. 2 об.

¹⁸ Там же. Д. 633. Л. 2.

¹⁹ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 185. Л.114-115.

рой была обязана инициативною ревизия над управлением Толстого. Изначально все эти приготовления были не в пользу губернатора.

С октября 1819 г. по апрель 1820 г. 29 следователей произвели предварительные дознания, вскрыли факты злоупотреблений, беспорядок в ведении дел, нарушения финансовой отчетности. 14 делегированных следователей сами допустили предвзятость в ведении дел и были отданы затем под суд. Собранный материал лег в основу итогового отчета сенаторов²⁰. Ревизоры рекомендовали императору учредить в Казани «Временный следственный комитет» из представителей местного дворянства для рассмотрения и решения следственных дел. 5 февраля 1820 г. был уволен губернатор Толстой, не пережив тяжести предъявленных обвинений, он вскоре скончался.

В тот же месяц по именному указу была создана «Временная Комиссия»²¹. Ее возглавил Д.В. Тенишев. В команду князя вошли бывшие его сотрудники периода астраханского губернаторства. Статский советник Лохтин служил при нем губернским советником, коллежский советник Куклин советником Уголовной палаты, титулярный советник Афанасьев был секретарем председателя той же палаты. Кроме перечисленных чиновников в комиссии состояли коллежский советник Попов, полковник Мергасов и подполковник Евсевьев. Но «почетнейшие дворяне» не торопились на деле поддержать инициативу верховной власти на скорейшее завершение расследований. Князь Тенишев в этот период находился в зените своих возможностей. Ревизия принесла ему желаемые результаты: был смещен неудобный губернатор, а также все местное правительство, изменен руководящий состав губернской администрации, от него зависели судьбы отданных под суд, ему покровительствовали сенаторы-ревизоры. Желаемое было достигнуто, он не торопился утруждать себя работой. Но время шло, на Комитете министров граф А.А. Аракчеев прозорливо заметил: «Кажется, здесь беспорядки, ибо комиссия по сие время еще не приступала к делу, а все входит с новыми требованиями»²².

Прибывший в Казань новый гражданский губернатор Петр Андреевич Нилов, должен был разобраться с этими «беспорядка-

---

²⁰ РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 181. Л. 1–79. «О ревизии господами сенаторами Казанской губернии 1819 г.»; Ф. 1263. Оп. 1. Д. 253. Л. 329–352. «О передаче суду чиновников Казанской губернии».

²¹ ПСЗ-1. № 28167.

²² Середонин С.М. Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902. Т. 1. С.448.

ми». Последние события значительно укрепили сложившуюся дворянскую фронду против представителей коронной власти. Новому губернатору предстояло решить либо стать марионеткой в руках дворянской группировки, либо вернуть себе власть «вверенной губернии». Нилов изначально был настроен на активное сопротивление. Его действия были направлены против лидеров «дворянской партии» – председателя следственной комиссии и губернского предводителя.

Судьба Временной казанской комиссии была решена 15 апреля 1822 г. после обсуждения на Комитете министров донесения П.А. Нилова «О беспорядках и злоупотреблений по Казанской губернии»²³. Через четыре месяца она была официально ликвидирована. Губернатору удалось организовать досрочное переизбрание губернского предводителя дворянства. Нилов обвинил Киселева в подозрении во взятках, отдаче в рекруты чужих людей и нецелесообразную растрату пожертвованных дворянством денег. Подобные меры не способствовали умиротворению отношений с местным дворянством. Конфронтация лишь усилилась, не прекращался поток жалоб на поступки и поведение начальника губернии. Для разрешения сложившейся ситуации в Казань был направлен сенатор В.Ю. Соимонов. Верховная власть наделила его генерал-губернаторскими полномочиями. Но у губернатора с новым начальником отношения не сложились. После долгих разбирательств решением Комитета министров он был уволен от занимаемой должности.

Реконструкция обстоятельств увольнения казанских гражданских губернаторов убедила, что в конфликт казанского губернского дворянства с представителями коронной власти были вовлечены широкие слои местного населения. В качестве свидетелей, обвинителей, ответчиков в выявленных документах фигурируют разные категории крестьян, городские ремесленники, рекруты и их родители, нижние воинские чины, губернские чиновники, преподаватели учебных заведений, представители губернского дворянства и их петербургские покровители. Все вместе они образуют паутину социальных коммуникаций, которая приходила в действие и была эффективной в руках людей, знающих её логику. Специфика исследуемого мною времени и места состояла в том, что у казанского дворянства было не только желание свергнуть присланного «варя-

---

²³ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 289. Л. 350–413.

га», но и возможность сделать это посредством достаточно профессиональных самостоятельных «адвокатов».

Поимённый список «казанских ябедников» был зафиксирован в именном указе 1806 г. «О писании прошений по делам всякого рода в судебные места...»²⁴. Этот указной прецедент был спровоцирован «беспорядками, происходящими в Казанской губернии от разных ябедников, высланных по отрешении от должностей из Вятки и из других мест там скопившихся». Находящиеся под следствием вятские чиновники, в поисках заработка, вынуждены были перебираться в соседнюю губернию. Казань отличалась полиэтничным составом населения. Не знающие русской грамоты «инородцы» для составления официальных бумаг были вынуждены обращаться с просьбами к платным посредникам. Как правило, такие услуги оказывались находящиеся под судом бывшие чиновники. Ябедничество для этого люда превратилось в постоянный источник доходов. О масштабах этого явления можно судить по факту появления специального указа о прекращении анонимного доносительства. Гласности и «распубликованию» были преданы фамилии пятнадцати самых злостных ябедников.

Организатором и успешным владельцем уникальной «адвокатской» конторы в Казани в начале 20-х гг. был бывший канцелярист Михаил Иванов. Собирая сплетни, письменные показания и даже клочки бумаг, выброшенных из присутственных мест, он и его служащие творили обвинения, используя формулировки, на которые реагировали надзорные органы власти. Контора успешно вела десятки «ябеднических дел» внутри и за пределами Казанской губернии. По одиннадцати из них были вынесены сенатские приговоры.

В 1813 г. будущий частный поверенный служил в Мамадышском земском суде. Тогда «за отпуск присланных из волости колодников и уничтожение всех документов о них, а также за собиранье с поселян обманом денег» он впервые попал под суд, но был освобождён по амнистии 1814 года. В том же году на него было заведено новое дело. В 1815 г. по приговору Сената М. Иванова должны были выслать в Сибирь, но он был оставлен в Казани до окончания дела «о злоупотреблениях чиновников Казанской губернии», возбужденного по его же ходатайствам²⁵. В течение следующих пяти лет бывший канцелярист завалил доносами все пра-

---

²⁴ ПСЗ-1. № 22076.

²⁵ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 653. Л. 199об; Оп. 2. Д. 45. Л. 1-7.

вительственные инстанции. Сам же, находясь под судом, нигде не служил, был преуспевающим дельцом, жил обеспечено, имел богатый выезд и составил тяжёлыми делами крепкое состояние.

Поначалу его обвинения носили частный характер, но, получив соответствующий заказ от местных аристократов, он стал методично добавлять, что у «всех таковых беспорядков и прочих злоупотреблений есть действующие лица – губернский советник Москатильников и губернский прокурор Овцын». Это были ближайшие помощники казанского губернатора И.А. Толстого. Следующая волна сообщений пополнилась сведениями о том, «что вообще в Казанской губернии происходят величайшие злоупотребления по постройке мостов, верстовых столбов, этапных казематов и по рекрутскому набору». С годами воронка его обвинений расширялась, и в неё всё глубже втягивалось губернское правление во главе с его начальником.

Не вдаваясь в делопроизводственную рутину дознаний, отметим, что П.А. Нилову всё же удалось доказать лживость доносов отставного канцеляриста. 4 апреля 1821 г. Казанская палата уголовного суда приговорила Михаила Иванова (судившегося в ней десять раз) к наказанию плетьюми и отдаче в сибирские полки²⁶. Но реализация этого решения была вновь отсрочена под предлогом рассмотрения участия осуждённого по следственным делам ревизии Сената. То были происки сторонников дворянской оппозиции. И только прямое обращение губернатора к министру внутренних дел с просьбой положить конец этой истории «во исполнение для полезного примера и искоренения в Казани ябедников», привело к появлению решения Комитета министров от 20 июня 1822 г. о высылке Иванова на поселение в Томскую губернию²⁷.

Разрешить паралич власти в Казанской губернии и восстановить престиж губернаторской должности верховная власть смогла только к началу 30-х гг. XIX в., возвратив институт военных губернаторов, уничтожив практику общественных доносов, установив контроль посредством жандармских офицеров и повысив социальный статус назначаемого чиновника (отбирая их из кандидатов более высоких чинов и улучшая их материальное обеспечение)²⁸.

---

²⁶ НА РТ. Ф. 168. Оп. 1. Д. 653. Л. 142.

²⁷ Там же. Д. 835. Л. 5.

²⁸ Подр. см.: Бикташева А.Н. Казанские губернаторы в диалогах властей (первая половина XIX). Казань, 2008.

СТУДЕНТКА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ПРОТЕСТ, АДАПТАЦИЯ, ИНТЕГРАЦИЯ¹

Я.Б. Руднева

Набережночелнинский торгово-технологический институт,
кафедра гуманитарных и социальных дисциплин
E-mail: ya.rudneva@rambler.ru

В статье рассматриваются три поколения российских женщин, добивавшихся права на высшее образование во второй половине XIX – начале XX века. Эволюция поведенческих стратегий учащих женщин имела направленный характер от индивидуального протеста к коллективному взаимодействию и завершилась интеграцией в образовательное пространство. Мироззренческие установки, отличавшие одно поколение студенток от другого, анализируются на основе источников личного происхождения (автобиографий, воспоминаний, дневниковых записей).

Ключевые слова: высшее образование, женская эмансипация, мотивация, протестное поведение, гендерные стереотипы.

WOMEN-STUDENTS IN RUSSIAN IMPERIA: PROTESTS, ADAPTATION, INTEGRATION

Ya.B. Rudneva

The article is devoted to the depiction of typological characteristics of three generations of Russian women who fought for higher education rights in the second half of the 19th century – the beginning of the 20th century. The evolution of women-students behavioristic strategies is characterised as directed from individual protests to collective interaction and ending with integrated educational space. The world outlook of women-students, that made one generation of students different from another, is investigated on the basis of personal sources (autobiographies, memories, diaries).

Key words: higher education, woman emancipation, motivation, rebellion, gender stereotypes.

«Теперь мне все чаще и чаще приходится спрашивать себя, какой род занятий мне избрать? – Писала в своем дневнике шест-

---

¹ Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта Фонда Герды Хенкель «Социализация и культурная идентификация студенток Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв.» (AZ 10/SR/10).

надцатилетняя гимназистка Ольга Сиротина². – Мне можно выбирать из трех: горный инженер, гражданский инженер и агроном. Мне хотелось бы оба последние вместе. Надо бы достать программы, сведения о поступлении и т.д.»³. Дело происходило в 1908 г. в Саратове. Почти столетия отделяли провинциальную девушку, размышлявшую о том, с какой профессией она хотела бы связать свое будущее и куда отправится учиться, от того момента, когда первая женщина, дочь петербургского архитектора Наталья Корсини, заявила свои права на возможность посещать университет наравне с мужчинами⁴.

В течение полувека тип студентки, по выражению историка С.Г. Сватикова, «пережил эволюцию»⁵. Первых «подвижниц, борцов и – иногда – даже мучениц идеи», сменили в 1870–80-е гг. «труженицы, с трудом пробивавшие дорогу»⁶. Третье поколение (1905–1915 гг.) студенток, самое многочисленное и «совершенно своеобразное», отличалось от предшественниц социальной дифференциацией и усложнением типических черт: в них сочеталось «идеалистическое напряжение» с практицизмом, стремление к знанию с желанием получить диплом, чистое наслаждение процессом мышления и осознание собственного нового «я»⁷.

Символическими фигурами первого поколения образованных женщин стали «шестидесятницы» Надежда Сулова⁸, Мария

---

² Сиротина Ольга Николаевна (1892–1972), выпускница естественного отделения физико-математического факультета Московских высших женских курсов (1916), доктор биологических наук, профессор Саратовского научно-исследовательского института сельской гигиены.

³ ГАСО. Ф. 3649. Оп. 1. Д. 420. Дневник «Мои записи». Рукопись 1907–1912. Л. 33–33об.

⁴ Осенью 1859 г. с разрешения ректора Санкт-Петербургского университета П.А. Плетнева Н.И. Корсини начала посещать лекции по истории профессора К.Д. Кавелина.

⁵ Сватиков С. Русская студентка (1860–1915) // Путь студенчества. М., 1916. С. 110.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 111.

⁸ Сулова Надежда Прокофьевна (1843–1918), первая русская женщина доктор медицины, хирургии и акушерства (Цюрихский университет, 1867).

Бокова⁹, Варвара Кашеварова-Руднева¹⁰, Софья Ковалевская¹¹, Юлия Лермонтова¹², Анна Евреинова¹³, Елизавета Литвинова¹⁴ и др. Им пришлось эмигрировать в Западную Европу¹⁵, чтобы получить высшее образование и реализовать себя в научной области. Опыт индивидуальной деятельности «шестидесятниц», добившихся признания в высокоинтеллектуальных профессиях, изменил традиционное представление о том, что женщина по сравнению с мужчиной является «умственным недоростком»¹⁶ и не способна «по своей нежной организации» выносить умственных занятий¹⁷.

Длительный путь формирования нового самосознания, повлекшего выход российских женщин из рамок семьи в сферу общества с расширением воздействия личности на окружающих индивидов, начался в конце 1850-х гг., когда они почти одновременно с мужчинами начали усваивать новые представления о ценностях и стремиться к личной независимости, равенству возможностей и гражданским правам. Именно из этих представлений женщины черпали доводы о необходимости освободиться от традиционно предписываемых им функций, получать образование и квалификацию для выполнения профессиональных задач и

---

⁹ Бокова Мария Александровна (1839–1929), доктор медицины, хирургии и акушерства (Цюрихский университет, 1871). Первая в истории российской медицины женщина-офтальмолог.

¹⁰ Кашеварова-Руднева Варвара Александровна (1842–1899), единственная выпускница Медико-хирургической академии (1868), с 1876 г. доктор медицины.

¹¹ Ковалевская Софья Васильевна (1850–1891), доктор математики (Геттингенский университет, 1874), первая женщина член-корреспондент Петербургской АН (1889).

¹² Лермонтова Юлия Всеволодовна (1846–1919), первая русская женщина доктор химии (Геттингенский университет, 1874). С 1875 г. член Русского химического общества.

¹³ Евреинова Анна Михайловна (1844–1919), первая русская женщина доктор права (Лейпцигский университет, 1873).

¹⁴ Литвинова Елизавета Федоровна (1845–1919), доктор математики, философии и минералогии (Бернский университет, 1878).

¹⁵ Кроме В.А. Кашеваровой-Рудневой.

¹⁶ Сиповский В. Положение у нас вопроса о высшем женском образовании // Женское образование: Педагогический листок для родителей, наставниц и наставников, издаваемый при С.-Петербургских женских гимназиях. 1876. № 6. С. 259.

¹⁷ Там же. С. 256.

претендовать на определенное место в обществе¹⁸. Для «новых женщин» 1860-х гг. импульсом к интеллектуальной деятельности послужило не их материальное положение в родительском доме или в браке, а ментальная трансформация: «В поисках самоопределения и перехода в общество, связанное с радикально-демократической культурой противодействия, женщины принимали решение строить свою жизнь на основе новой системы ценностей и расширять радиус своих действий за пределами традиционных семейных границ, среди широкой общественности»¹⁹.

Первым общественно-политическим движением, продекларировавшим равенство полов в условиях жесткого государственного регулирования частной и общественной жизни, стал нигилизм. Желание женщин, наперекор сложившимся представлениям о социальном предназначении полов, померяться с мужчиной, исполнять его обязанности и пользоваться равными правами, соответствовало идеологической установке нигилизма на неприятие традиционной морали, препятствовавшей развитию личности. Претензии женщин на иные социальные роли в общественной жизни имели в своей основе девиантную мотивацию²⁰, ориентированную на отказ от институционализированных стандартов и выработку альтернативных норм и ценностей.

По словам редактора педагогического журнала «Образование» В.Д. Сиповского, распространенное среди противников высшего женского образования мнение о том, что «лучшие черты женственности могут только пострадать от науки»²¹, заставило нигилисток отказаться от «ненавистной женственности». Они нарядились «чуть не в мужской костюм, остригли волосы, закрыли глаза синими очками, усвоили угловатость манер, стали говорить какою-то деланною речью, с напускным цинизмом...»²². Их внешность выражала протест против отсутствия выбора в собственной судьбе, против заданной обществом жизненной программы, про-

---

¹⁸ См.: *Пиетров-Эннкер Б.* «Новые люди» России. Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции. М., 2005.

¹⁹ Там же. С. 201.

²⁰ См.: *Парсонс Т.* О социальных системах. М., 2002. С. 361.

²¹ Цит. по: *Сиповский В.* Положение у нас вопроса о высшем женском образовании... С. 260.

²² Там же.

тив науки «нравиться» как обязательной составляющей женского воспитания²³.

Процесс гендерного конструирования²⁴ предполагал не только манипуляции с внешностью, эпатажные манеры и вызывающее поведение в обществе. Осознание себя свободной от традиционной роли матери и супруги на глубинном уровне требовало поиска нестандартных способов социального действия, позволявших женщинам познать предел собственных возможностей. Занятия наукой, активная общественная деятельность и эксперименты в сфере семейно-брачных отношений в 1860–1870-е гг. считались таким же вызовом общественному мнению, как короткая стрижка и небрежная внешность.

«Типичная нигилистка 60-х годов»²⁵ Надежда Сулова и ее современницы в борьбе за право на высшее образование вполне обходились без эпатажной внешней атрибутики, опираясь на интеллект, эрудицию и талант. Более того, в Цюрихе Н. Сулова и М. Бокова «держали себя как любая швейцарская буржуазная женщина»: «сразу попали под покровительство профессоров, поместились на житье в семьях зажиточных швейцарских граждан и жили у них все время ученья, на лекции в аудитории входили вместе с профессорами, имели там места, отдельные от студентов, и вообще были совершенно уединены от всяких сношений со студентами; у них не было никаких знакомств, не только со студентами иностранцами, но и с русскими»²⁶. По мнению С.В. Пантелеевой, посещавшей медицинский факультет Цюрихского университета в начале 1870-х гг., демонстративное поведение не только не соответствовало «новым задачам женской жизни», но и давало лишний повод «позлорадствовать» противникам женского образования. Она вспоминала, как одна из студенток, швейцарка Ф., уже достаточно пожилая женщина, своим необычным обликом и манерой поведения вызывала насмешки студентов и горожан. Она коротко стригла волосы, «ради удобства и сокращения времени на туа-

---

²³ См.: Юкина И.В. Нигилистки // Женщины в социальной истории. Тверь, 1997. С. 47–52.

²⁴ См.: Рабжаева М.В. Женская эмансипация в России: эксперименты по гендерному конструированию // Российские женщины и европейская культура: материалы V конференции, посвящённой теории и истории женского движения. СПб., 2001. С. 18–31.

²⁵ Цит. по: Пиетров-Эннкер Б. Указ. соч. С. 239.

²⁶ Цит. по: Сажин М.П. Русские в Цюрихе (1870–1873 гг.) // Каторга и ссылка. М., 1932. № 10. С. 49.

лет», но в то же время «не покидала неудобного, всеми оставленного кринолина с железными обручами, качавшегося колоколом», который «не давал ни свободно проходить в толпе, не усаживаться в аудитории». На лекциях Ф. демонстративно «морщила лоб, брови, нос», так «что очки сползали», «вытягивала губы и глубокомысленно приставляла палец к носу», в результате чего среди студентов стали распространяться карикатуры, «символизирующие трудность понимания лекций, и до чего доводит студентку усилие мысли»²⁷. Кульминацией стал конфликт Ф. с молодым человеком, обвиненным в недостойном поведении по отношению к своей невесте. Драка закончилась для пожилой «эмансипе» неудачным револьверным выстрелом, переломанным носом и ключицей.

Отсутствие у образованной женщины в условиях российской действительности шансов на полноценную профессиональную деятельность естественным образом исключало мотивы, связанные с карьерным ростом и материальной обеспеченностью. Заинтересованность в изучаемых науках поддерживались в женской молодежи благодаря «идеалистическому напряжению». «Чтобы так упорно добиваться своего, как добивались первые студентки, для этого, действительно, нужно было сильно, горячо, страстно любить науку, как науку. Пионерки были дети 60-х годов, – писала деятельница женского движения Е.С. Некрасова, – вступившие в жизнь с идеальным взглядом, если не на саму жизнь, то на науку. Они видели в ней спасение от всех зол, наводнивших жизнь, видели в ней исход-цель. Следующие поколения, которых экономические невзгоды захватили сильней, уже не в силах были сохранить прежний идеальный взгляд; для них наука, как наука, *an sich für sich*, потеряла смысл и сделалась исключительно средством»²⁸.

Стремление женщин к высшему образованию не ограничивалось протестным движением, направленным на артикуляцию проблем, связанных с традиционной недооценкой их умственных способностей. Воспитанные на идеалах 1860-х гг., они рассматривали свою научную деятельность как подготовительный этап к последующему общественному служению. «Славянская раса, всегда с лихорадочным жаром увлекающаяся всякими научными и социальными стремлениями, всяким политическим движением, в

---

²⁷ Пантелеева С.В. Из Петербурга в Цюрих // Пантелеев Л.Ф. Воспоминания. М., 1958. С. 686–687.

²⁸ Некрасова Е.С. Женские врачебные курсы в Петербурге. Из воспоминаний и переписки первых студенток // ВЕ. СПб., 1882. Т. 6. С. 819.

опыте университетского образования женщин приняла самое деятельное участие, – отмечал профессор Цюрихского университета К. Бёмерт, – но будет ошибочно думать, что новизна дела привлекала славянских женщин к такому важному вопросу. Нам не раз приходилось слышать от первых учившихся здесь русских женщин желание выполнять свою будущую обязанность внутри своей родины»²⁹.

Нередко в поиске ответа на вопрос «Что должен делать человек, желающий удовлетворить свои потребности в общественной деятельности?»³⁰ представительницы первого поколения студенток отдавали предпочтение не профессионализму, а политической деятельности. В. Фигнер, попав в Цюрихе под влияние радикально-демократической среды, пришла к выводу, что «медик, агроном, техник» не в состоянии облегчить страдания народа: «Сколько ни лечи народ, думали мы, сколько ни давай ему микстур и порошков, получится лишь временное облегчение; заболевания не сделаются реже, так как обстановка, все неблагоприятные условия жилища, питания, одежды и т.п. у больного останутся все те же; это была бы белка в колесе. Цель, казавшаяся столь благородной и высокой, была в наших глазах теперь унижена до степени ремесла почти бесполезного»³¹.

«Одиноких борцов», бросивших вызов окружению и доказавших способность женщин к умственной деятельности и университетскому обучению, сменило достаточно представительное по численности поколение студенток-«тружениц». Это поколение сформировалось в России в 1870–1880-е гг. в условиях гендерно-дифференцированного образовательного пространства³². Характерно, что создание специализированных высших учебных заведений, предназначенных исключительно для женщин, способствовало, в первую очередь, развитию их коллективного сознания.

---

²⁹ Бёмерт К.В. Университетское образование женщины. СПб., 1873. С. 15–16.

³⁰ Цит. по: Фигнер В. Запечатленный труд. Воспоминания: в 2-х т. М., 1964. Т. 1. С. 122.

³¹ Там же.

³² В 1870-е гг. в России, благодаря общественной инициативе, были открыты женские учебные заведения: в Санкт-Петербурге – Владимирские курсы (1870), «Особый курс для образования ученых акушерок» при Медико-хирургической академии (1872), реорганизованный в «Женские врачебные курсы» при Николаевском военном госпитале (1876), Бестужевские высшие женские курсы (1878); в Москве – Лубянские курсы (1869), курсы В.И. Герье (1872); высшие женские курсы в Казани (1876) и Киеве (1878).

Переход от частной инициативы к коллективным действиям значительно расширял возможности в реализации идеальных представлений о профессиональном труде и разумном применении своих сил в обществе. «Будучи студенткой, – вспоминала выпускница врачебных курсов А. Полянская, – я ценила не одну научную подготовку, а весь строй студенческой жизни. Наблюдая над собою и над товарищами, я убеждалась, что собственно студенческая жизнь, с ее, хотя маленькими, но все-таки общими интересами, подготавливает нас к гражданской жизни»³³.

Второму поколению студенток пришлось столкнуться с теми же стереотипами в отношении учащихся женщин, что их предшественницам, так как по историческим меркам смена поколений произошла за довольно короткий срок: первый выпуск женщин-врачей в России состоялся через десять лет после защиты Н. Суловой диссертации в Цюрихе. Например, каждая «медцинка» – слушательница врачебных курсов – была обязана соблюдать следующие правила поведения: «доносить инспектрисе немедленно обо всем, что случается с ней необыкновенного»; «исполнять религиозные обязанности и представлять свидетельство от духовных лиц»; на лекциях «соблюдать строгий порядок и не нарушать его выражениями одобрений и порицаний», не отлучаться без дозволения инспектрисы из города, носить форму (коричневой платье и черный фартук с нагрудником)³⁴. По свидетельству выпускницы курсов, детского врача А.Н. Шабановой, на долю женщин «не самой первой молодости», поступивших на врачебные курсы ради серьезных целей, выпало «много ненужных строгостей, подчас комического характера, как например, строгая изоляция от студентов, зоркое око начальства запрещало даже кланяться со знакомыми и родственниками-студентами при встрече в академии, выдача казенных сеток тем, у которых были короткие волосы, запрещение устройства «библиотеки»»³⁵. Студенток называли «парфетками» и «зубрилками», циркулировали слухи «что они режут трупы по ночам, ходят с костями в руках, носят в карманах внутренности»³⁶.

---

³³ Полянская А. Письма на родину // Друг женщин. 1883. № 12. С. 47.

³⁴ Некрасова Е.С. Указ. соч. С. 826–827.

³⁵ Шабанова А.Н. Женское врачебное образование в России (к 35-летию первых женщин врачей в России) // ИВ. СПб., 1913. Т. СXXXI. № 3 (март). С. 955.

³⁶ Там же. С. 956.

В 1870–1880-х гг. для женщин значимость высшего образования заключалась, прежде всего, в свободе выбора, которую оно предоставляло. Можно было посвятить себя служению науке или внести собственный вклад в просвещение общества, освоить профессиональные навыки или прослыть современной и продвинутой в вопросах полового равенства, повлиять на общественно-политическую жизнь или добиться экономической независимости. Одним словом, студентка могла быть и «синим чулком», и «эмансипированной женщиной», и «анархисткой»³⁷. Впрочем, «осилить» полный курс обучения удавалось студенткам, ориентированным на будущую профессиональную деятельность. Девушки, поддавшиеся только модному веянию «посещать высшие курсы», оказались не готовы к напряженному ритму учебной жизни и тяжелым материальным условиям студенческого быта.

Статистика показывает, что самыми последовательными в освоении профессионального образования оказались слушательницы Женских врачебных курсов при Николаевском военном госпитале: за десять лет курсы окончила 691 (72%) женщина из 959 поступивших³⁸. Врачебные курсы являлись единственным учебным заведением, в котором из-за ограниченного количества мест отбор желающих проводился на основе «проверочных испытаний». Эта процедура позволила уже на первом этапе отсеять претенденток, неуверенных в собственных силах. Вступительные испытания вызвали у абитуриенток настоящую ажитацию: распространялись слухи о невероятном количестве поданных прошений и о строгости экзаменаторов, пытавшихся «провалить женщин и этим доказать несостоятельности их стремлений»³⁹. Экзамены, предусматривавшие проверку знаний в объеме полного курса женской гимназии (с 1879 г. обязательными стали латынь, физика и математика по программе мужской гимназии), для многих стали непреодолимым препятствием: в среднем каждый год по результатам конкурса 20–25% девушек получали отказ⁴⁰.

---

³⁷ См.: Burchardt A. *Blaustrumpf – Modestudentin – Anarchistin? Deutsche und russische Medizinstudentinnen in Berlin 1896–1918*. Stuttgart, 1997.

³⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 191. Д. 1115 «Дело о расширении врачебных прав врачебной практики женщин-врачей». 1882. Л. 286–300об.

³⁹ Некрасова Е.С. Указ. соч. С. 813.

⁴⁰ Исторический обзор правительственных распоряжений по вопросу о высшем врачебном образовании женщин. СПб., 1883. С. 95.

На Бестужевские курсы за первые восемь лет существования поступило 3581 человек, завершило образование 1089 (около 40%)⁴¹. Для сравнения: из 2051 женщин, принятых с 1889 по 1899 гг., выпускные экзамены сдали 574 (28%), отказано в приеме 1253 (61%)⁴².

Итоги деятельности двух самых популярных в Российской империи в 1870–80-е гг. высших женских учебных заведений показывают, что поколение студенток-«тружениц» было ориентировано на приобретение профессиональных навыков. Однако у выпускниц врачебных курсов, из которых 75% работали по специальности⁴³, связь между образованием и последующей социальной деятельностью имела более выраженный характер, чем у бестужевок (38% педагогов из выпусков 1882–1889 гг.)⁴⁴. По мнению А.Н. Шабановой, медицина, в отличие от педагогики, привлекала женщин «и служением науке, и связанной с ним альтруистической задачей – облегчения страданий ближних, и предоставлением большей самостоятельности, чем другие профессии»⁴⁵.

Успешное завершение учебы во многом зависело от «стартовых» возможностей студенток. У провинциалки было больше шансов покинуть учебное заведение раньше срока. Она должна была разлучиться с семьей, поменять домашнюю обстановку на съемную дешевую квартиру с несколькими соседками, вести полуголодное существование. Сказывались как трудности адаптации в новых условиях, так и отсутствие гимназического образования. В 1870-е гг. среди девушек, прибывавших из провинции, преобладали выпускницы епархиальных училищ, институтов благородных девиц и экстерны⁴⁶. Количество экстернов в первые годы приема в высшие учебные заведения достигало 25%⁴⁷. А. Полянская

---

⁴¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 191. Д. 813. «Позднейшие сведения о высших женских курсах в С.-Петербурге и других городах». Ч. I. 1885–1889. Л. 97.

⁴² Отчет о состоянии С.-Петербургский ВЖК за 1898–99 академический год. Читанный на торжественном акте 21 ноября 1899 года профессором курсов И.А. Шляпкиным. СПб., 1900. С. 38.

⁴³ *Торопов Д.И.* К статистике женщин-врачей России // Вестн. общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1914. № 6. С. 855.

⁴⁴ См.: Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских высших женских курсах. 1882–1889 гг., 1893–1903 гг. / Сост. Н.А. Ветвеницкая. СПб., 1903.

⁴⁵ *Шабанова А.Н.* Указ соч. С. 958.

⁴⁶ Женщины, которые для получения свидетельства домашней учительницы или домашней наставницы сдавали экзамены за курс женской гимназии в особых испытательных комиссиях, действовавших в учебных округах.

⁴⁷ Исторический обзор правительственных распоряжений... С. 93.

вспоминала, как приходила в отчаяние от собственного «отрывочного ума», сформировавшегося под влиянием домашнего обучения. В то время как ее сверстницы имели возможность поработать «над лучшими задачами жизни и знания», Полянской, чтобы восполнить пробелы в среднем образовании, пришлось браться за азбуку, «зубрить грамматику, производить сложение и вычитание, запоминать, что такой-то город стоит на такой-то реке, а такой-то царь одержал в том-то году победу»⁴⁸.

Несмотря на все трудности, преобладание «провинциального элемента» среди студенток являлось устойчивым явлением. Из 796 слушательниц, принятых на Женские врачебные курсы с 1872 по 1879 г., жительницы С.-Петербурга и Москвы составляли всего 22,5%⁴⁹. В общем числе слушательниц Бестужевских курсов доля иногородних с 1881 по 1889 г. возросла с 66% до 77%⁵⁰. По данным на 1885/1886 учебный год Киевские курсы посещали 57% приезжих, Казанские – 50%⁵¹.

В 1878 г. документы на Бестужевские курсы подали около двух десятков девушек, получивших среднее образование в Саратове, Вятке и Симбирске – городах, территориально относившихся к Казанскому учебному округу. Столь незначительное количество (3,4% общего числа слушательниц курсов) объяснялось наличием в Казани собственных женских курсов, открытых на два года раньше, чем в Санкт-Петербурге⁵². С середины 1890-х гг. представительницы Казанского учебного округа составляли в среднем 7–9% от общего числа слушательниц Бестужевских курсов и 13–15% от числа иногородних. По данным на 1 января 1897 года. Казанский учебный округ по количеству бестужевок (68) занимал третье место после Санкт-Петербурга (258) и Москвы (98)⁵³. Активизация учебной миграции была связана с

---

⁴⁸ Полянская А. Письма на родину // Друг женщин. 1883. № 9. С. 35.

⁴⁹ Первый женский календарь на 1899 год / П.Н. Ариян. СПб., 1899. С. 134.

⁵⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 191. Д. 813 «Позднейшие сведения о высших женских курсах в С.-Петербурге и других городах. Ч. I. 1885–1889. Л. 6об. – 7об., 21об., 22, 113, 114об., 149, 149об.

⁵¹ Там же. Д. 814 «Позднейшие сведения о высших женских курсах в С.-Петербурге и других городах». Ч II. 1889–1890. Л. 92об.

⁵² Из девушек, поступивших в первый год приема на Бестужевские курсы, только Александре Соломиной – выпускнице Вятского епархиального училища – удалось завершить полный четырехлетний курс обучения. Окончив физико-математический факультет в 1882 г., она вернулась в Вятскую губернию и поступила учительницей в Уржумскую прогимназию.

⁵³ Отчет о состоянии С.-Петербургских ВЖК за 1896–97. Читанный на торжественном акте 21 ноября 1897 года профессором И.И. Холодняком. СПб., 1898. С. 15.

тем, что с середины 1880-х гг. до 1905 г. высшие женские учебные заведения были сосредоточены, главным образом, в Петербурге⁵⁴.

Одним из последствий высшего женского образования стала профессиональная миграция, которая была обусловлена не только потребностью государства и общества в квалифицированном труде. Дело в том, что значительная часть студенток, а впоследствии выпускниц, стремилась изменить собственные жизненные условия, перебравшись в столицу или в крупный губернский город. Так, из 546 женщин-врачей в 1893 г. работало в городах 84% (из них в Санкт-Петербурге – 24,2%)⁵⁵. Из 1006 bestужевок, окончивших курсы с 1882 по 1896 г., в Санкт-Петербурге проживали 46,2%, в Москве – 2,2%, в провинции – 45,0%, за границей – 3,3%⁵⁶.

Во второй половине 1890-х – начале 1900-х гг., несмотря на острую нехватку педагогических кадров в провинции, выпускницы Bestужевских курсов по-прежнему не спешили покидать столицу. Об этом, в частности, свидетельствуют данные 1903 г. об учебной и профессиональной миграции слушательниц Bestужевских курсов, приехавших в Санкт-Петербург из губерний Казанского учебного округа. В 1895–1899 гг. завершили обучение на курсах 33 человека, из них вернулись в округ 7, продолжили образование 10 (8 – в Женском медицинском институте, 2 – за границей). Из 13 выпускниц 1900 г. вернулись в округ 5, из 10 выпускниц 1901 г. – 1, из 19 выпускниц 1902 г. – 2 (6 остались в Петербурге, 2 переехали в Москву), из 18 выпускниц 1903 г. – 3 (9 остались в столице)⁵⁷.

В первое десятилетие XX в. расширение образовательных возможностей женщин⁵⁸ привело к резкому скачку количества студенток высших учебных заведений⁵⁹. Эволюция мотивационных зави-

---

⁵⁴ В Санкт-Петербурге с 1889 г. действовали Высшие женские курсы, с 1897 г. – Женский медицинский институт. В 1900 г. Высшие женские курсы были открыты в Москве.

⁵⁵ *Петров-Эннкер Б.* Указ. соч. С. 256.

⁵⁶ *Первый женский календарь на 1899 год / П.Н. Ариян.* СПб., 1899. С. 133.

⁵⁷ См.: Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских высших женских курсах. 1882–1889 гг., 1893–1903 гг. / Сост. Н.А. Ветвеницкая. СПб., 1903 г.

⁵⁸ В России к 1913 г. насчитывалось около 30 государственных и частных высших женских учреждений, из них 11 в С.-Петербурге и пять в Москве.

⁵⁹ Численность студенток увеличилась в десять раз: с 3553 чел. в 1904 г. до 31690 осенью 1917 г. См.: *Tikhonov N.* Les étudiantes étrangères dans les universités occidentales, des discriminations à l'exil universitaire (1870–1914) in Caroline Barrera et Patrick Ferté (dir.), *Etudiants de l'exil. Universités, refuges et migrations étudiantes (XVIe – XXe siècles)*, Toulouse, Presses universitaires du Mirail, 2009. P. 105–119.

симостей этого поколения студенток являлась прямым следствием социально-экономических и культурных преобразований эпохи «Великих реформ», в первую очередь, реформирования женской средней школы. К 1 января 1865 г. в ведении министерства народного просвещения насчитывалось 120 женских училищ, где училось 9129 человек. В 1873 г. количество учениц гимназий и прогимназий составляло уже 23 тыс. человек, в 1883 – 55,1 тыс., в 1893 – 65,5 тыс., в 1903 – 137 тысяч⁶⁰. Средняя школа пореформенного периода, которая разрушила «три основные установки всей предшествовавшей правительственной политики в области женского образования»⁶¹: сословность, закрытый характер учебных заведений и полное устранение влияния на них «публики», повлияла на изменение женского мировоззрения. Как отмечает В.В. Пономарева, «образованная современная женщина того времени – это выпускница гимназии», опиравшаяся на полученные знания, ориентированная в современном мире, занимавшаяся самообразованием⁶².

В условиях ухудшения экономического положения дворянства после крестьянской реформой 1861 г. и мирового аграрного кризиса еще одним мотивом, лежащим в основе стремления большинства женщин к среднему, а, впоследствии, к высшему образованию, являлась необходимость самостоятельно устраивать собственную жизнь и искать дополнительные источники дохода. Немаловажную роль играла и демографическая диспропорция: в России количество мужчин во второй половине XIX в. было на 1 млн. 300 тыс. человек меньше, чем женщин. В группу матримониального риска попадали представительницы семей, имеющих средний достаток (50%), в возрасте от 16 до 50 лет: причем в наихудшей ситуации оказались дворяне – 57,47% и почетные граждане – 59,23%⁶³.

Для саратовской гимназистки Ольги Сиротининой выбор высшего образования как альтернативы супружеству или жизни при родителях был очевиден. Ее отец Н.Н. Сиротинин, занимавший должность секретаря городской думы, чтобы содержать многодетную семью, разводил на собственной даче коров и держал

---

⁶⁰ Пиетров-Эннкер Б. Указ. соч. С. 407.

⁶¹ Пономарёва В.В., Хорошилова Л.Б. Русское женское образование в XVIII – начале XX вв.: приобретения и потери // URL: <http://www.tellur.ru/~historia/archive/06-00/women.htm>, свободный (дата обращения: 15.04.2011).

⁶² Там же.

⁶³ Веремченко В.А. Женщины в русских университетах (вторая половина XIX – начало XX вв.). СПб., 2004. С. 13.

беговых лошадей. Предпринимательская деятельность главы семейства приносила незначительный доход, семья постоянно нуждалась. Из-за финансовых трудностей программу трех первых классов гимназии дети Сиротининых освоили дома под руководством матери. Стараясь не обременять семью дополнительными расходами, Ольга проводила свободное время за «ненавистным» шитьем, мытьем банок, пилкой дров, чисткой лошадей и т.д. В пятнадцатилетнем возрасте она начала вести дневник, описывая незамысловатые жизненные коллизии подростка: конфликты в семье, события на «папиной ферме», обстановку в гимназии.

По свидетельству Ольги, в семье Сиротининых необходимость высшего образования не ставилась под сомнение. Вместе с тем, в поиске ответа на вопрос «Куда идти дальше?»⁶⁴ она оказалась перед непростым выбором. С одной стороны, девушка проявляла неподдельный интерес ко всему, что происходило на ферме отца, хотела «знать все естественные науки»⁶⁵ и выучиться на агронома⁶⁶. С другой, серьезно увлеклась театром, вела театральные дневники, рецензировала спектакли. Театр помогал заполнить душевную пустоту и давал ощущение внутренней свободы. «Мне хочется борьбы, мне надоело бездействовать и молчать! – писала Ольга под впечатлением от просмотра очередной театральной премьеры. – Хочется гордо бросить вызов всему старому, отжившему. Как не поймут они, что сами накладывают на себя цепи! Я не могу сделать того, другого, почему? Потому что это неприлично. Что значит это слово, почему нужно все делать прилично?»⁶⁷. Увлечение театром привело к конфликту с родителями: в апреле 1909 г. они запретили дочери посещать театральные постановки, беспокоясь, что эта «болезненная» зависимость помешает ей окончить гимназию⁶⁸.

В случае с О.Н. Сиротининой выбор высшего учебного заведения определила практическая целесообразность. Проведя после окончания гимназии еще год в Саратове, она, не без колебаний, была вынуждена уступить воле родителей и отказаться от мечты стать театральным режиссером: «Сегодня папа говорил о том, что он уже стар и устал, что надо подумать о будущем, гово-

---

⁶⁴ ГАСО. Ф. 3649. Оп. 1. Д. 420. Дневник «Мои записи». Рукопись 1907–1912. Л. 71об.

⁶⁵ Там же. Л. 29.

⁶⁶ Там же. Л. 20.

⁶⁷ Там же. Л. 82.

⁶⁸ Там же. Л. 87.

рил о курсах <...>. И теперь <...> папа говорит о курсах, а я знаю, что я их не кончу, не успею кончить, если я уже здесь среди своих в прекрасной обстановке дохожу иной раз черт знает до чего, то, что же там, в Петербурге, совершенно одна, без книг, без театра, без солнца? Мама заботится о комнате, об обеде, но ведь надо же жить, что бы спать и есть, а чем жить? Ну, если даже и кончу, и получу место, что же тогда? Ничего. Разве стоит это тех денег, которые надо затратить? А остаться здесь? Это даже смешно. У меня есть одно, что я люблю, где у меня есть будущее и желание работать, – это театр»⁶⁹. По словам дочери О.Н. Сиротининой, режиссерские курсы «стоили очень дорого, гораздо дешевле были московские высшие женские курсы, и маму отправили туда...»⁷⁰.

Ольга Сиротинина, выбирая будущую профессию, руководствовалась принципом «главное, ни от кого не зависеть»⁷¹. Однако многие ее современницы по-прежнему рассматривали высшее образование и последующую профессиональную деятельность как один из способов общественного служения. Ольга Ильина (урожд. Боратынская), слушательница Казанских высших женских курсов, в автобиографической повести «Канун Восьмого дня» приводит случай с «полусиротой» Дашей: «она училась в гимназии на стипендию и во что бы то ни стало хотела идти в университет, но в последний год в гимназии у нее от недоедания открылась чахотка, и она не кончила и диплома не получила. Работы нет и, в общем, с голоду умирает. Я услышала, как ей кто-то сказал, что она никак не может сдать выпускной экзамен, если сперва не поправится. Тут она прямо впала в истерику: “Лучше умереть, чем жить без высшего образования” и “Я хочу нести свет знания нашему несчастному народу”...»⁷².

В группе интеллигентных профессий, соответствовавших идеальным представлениям об общественном служении, особое место занимала врачебная деятельность. Неслучайно, что в 1905–1915 гг. среди российских женщин популярность медицинского образования не только не падала, но стремительно росла. «По семейным обстоятельствам я должна была тотчас по окончании гимназии взяться

---

⁶⁹ ГАСО. Ф. 3649. Оп. 1. Д. 420. Дневник «Мои записи». Рукопись 1907–1912. Л. 101.

⁷⁰ Сиротинина О.Б. Жизнь вопреки, или я счастливый человек: Воспоминания. Саратов, 2009. С. 27.

⁷¹ ГАСО. Ф. 3649. Оп. 1. Д. 420. Дневник «Мои записи». Рукопись 1907–1912. Л. 71об.

⁷² Ильина О.А. Канун Восьмого дня. Казань, 2003. С. 85.

за заработок. Я стала учительницей, – писала в автобиографии в 1916 г. абитуриентка высших женских курсов Саратовского санитарного общества Анна Ежкова, – честно исполняя свои обязанности на этом поприще, я все же чувствовала, что я здесь не на своем месте, что человек должен работать лишь там, куда призывает его внутренний голос. Все же мои мысли и сердце остались там же, где они и были, т.е. с учением в области медицины. Я чувствую, что лишь имея в руках деятельность врача, я принесу обществу ту пользу, которая бы соответствовала моим силам»⁷³.

Студентки 1910-х гг. среди причин, побудивших их активно добиваться высшего образования, указывали также на необходимость продолжить образование, ввиду «полной неподготовленности и крайнего недостатка знаний»; желание специализироваться в определенной профессиональной области, продолжив семейную традицию; стремление «достичь в будущем, при помощи высшего образования, более определенного и независимого положения» и «служить своим трудом подспорьем родителям на старости лет», возможность инвестировать денежные средства в высшее образование⁷⁴.

Впрочем, выросшее численно и «омолодившееся» студенчество не всегда четко представляло конечную цель своего выбора. Наблюдая за русской колонией в Цюрихе, корреспондентка газеты «Женское дело» отмечала, что среди студенческой молодежи становилось все больше молодых девушек, «хотящих вообще учиться, но имеющих довольно неясное представление о том, чему и как учиться для них лучше всего»⁷⁵. Сначала они по инерции поступали на популярный у русских медицинский факультет и с головой уходили в студенческую жизнь, насыщенную вечерами, сходками, рефератами. Когда первое впечатление проходило, «более серьезные» начинали увлекаться научной работой, другие разочаровывались и уезжали обратно. Среди студенток встречались различные типы. Например, «общественница» могла числиться в университетских списках лет по восемь-десять, но «это ее очень мало печалит, потому что она меньше всего на свете думает об университетских делах, – даже близкие знакомые ее часто не знают хорошенько, чему она собственно учится.

---

⁷³ ГАСО. Ф. 87. Д. 256. «Личное дело слушательницы высших женских курсов Саратовского санитарного общества Анны Герасимовны Ежковой». Л. 6–6об.

⁷⁴ Цит. по: Руднева Я.Б. Женские саморепрезентации в деловой документации начала XX века // Диалог со временем. Вып. 31. нормы и девиации в гендерной истории и историографии. М., 2010. С. 214.

⁷⁵ Женское дело. 1910. № 15–16 (2 мая). С. 13–14.

Зато это самый деятельный член кассы взаимопомощи, русской читальни и столовой. Она постоянно занята устройством концерта, вечеринки, реферата или примирением при посредничестве третейского суда двух поссорившихся, – последнее дело особенно близко ее сердцу: она любит колонию как целое, дорожит ее единством...»⁷⁶. Другой тип – «студентка, занимающаяся тем, что ей интересно, но не слишком усиленно; у нее много времени уходит на посещение концертов, вечеров, на приемы гостей, которые у нее почти наполовину состоят из иностранцев. В комнате ее уютно и красиво. За границу она приехала потому, что ей хотелось расширить свой горизонт; когда ей здесь наскучит, она уедет обратно в Россию»⁷⁷. Наконец, есть и такие, которых интересует только наука. Они стремятся осуществить намеченный план занятий, посещают лекции без пропусков, встают в 6 часов и рано ложатся, не заводят знакомств и практически не участвуют в общественной жизни колонии⁷⁸.

Различия в поведенческих стратегиях трех поколений российских студенток определялись общественно-политическими и социально-экономическими условиями, в которых им приходилось добиваться права на высшее образование. Мировоззрение первых студенток формировалось под влиянием радикально-демократической среды, поэтому преодоление стереотипов общественного сознания в отношении традиционного распределения социальных ролей по половому признаку, естественным образом принимало форму протеста. Консолидации второго поколения студенток и переходу от частной инициативы к коллективным действиям способствовало создание в России в 1870-е гг. высших женских учебных заведений. Этому поколению принадлежит заслуга в том, что на рубеже XIX–XX вв. образованные женщины становятся неотъемлемой частью российской профессиональной интеллигенции. Студентка 1905–1915 гг. имела гораздо больше образовательных возможностей, чем предшественницы, но, несмотря на это, ради поставленной цели она по-прежнему была готова «порвать со своим прошлым», потерять «духовную связь с семьей», «довести свои потребности до минимума и терпеть лишения в настоящем, надеясь на лучшее будущее»⁷⁹.

---

⁷⁶ Женское дело. 1910. № 15–16 (2 мая). С. 13–14.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же. С. 15.

⁷⁹ Цит. по: Руднева Я.Б. Женские саморепрезентации... С. 214.

ОТ ПОЛИТИКИ ЗАБВЕНИЯ К ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ

УДК 343.1(470+571) | 18 |

ВЕРХОВНЫЙ УГОЛОВНЫЙ СУД В ПРОЕКТАХ РЕФОРМ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1820-х – 1830-х ГОДОВ

К.Г. Боленко

Государственный музей-усадьба «Архангельское»,
отдел редких книг, рукописей, фотофондов
E-mail: kbolenko2005@yandex.ru

В статье рассматривается процесс закрепления в Своде законов Российской империи 1832 г. прерогатив, принципов организации и процессуальных особенностей Верховного уголовного суда (ВУС). Одним из основных приемов, к которым прибегал М.М. Сперанский для достижения этой цели, была репрезентация ВУС как наследника высших судебных процессов 1764, 1771 и 1774–1775 годов. Показан процесс ослабления исключительного статуса ВУС в конце 1830-х годов.

Ключевые слова: Верховный уголовный суд, М.М. Сперанский, Николай I, Комитет 6 декабря 1826 г., законность, кодификация, Свод законов Российской империи, Свод военных постановлений, государственные преступления.

THE SUPREME CRIMINAL COURT IN THE PROJECTS OF REFORMS AND THE LEGAL SYSTEM OF THE SECOND HALF OF 1820-IES – 1830-IES

K.G. Bolenko

The process of consolidation of remits, organization principles and procedural characteristics of the Supreme Criminal Court (SCC) in the Code of laws of the Russian Empire of 1832 is discussed in the article. One of the main strategies M.M. Speranskiy used to attain this goal was representing the SCC as an inheritor of supreme trials of 1764, 1771 and 1774–1775 years. The process of weakening of the SCC's distinguished status in the end of 1830-ies is demonstrated.

Key words: the Supreme Criminal Court, M.M. Speranskiy, Nicholas I, Committee of December 6 1826, legitimacy, codification,, Code of laws of the Russian Empire, Code of military decrees, political offences.

В одной из предшествующих работ мы уже писали об усилиях М.М. Сперанского по введению в число российских судебных орга-

нов Верховного уголовного суда как особого чрезвычайного учреждения, которому были бы подсудны наиболее тяжкие государственные преступления и преступления высших должностных лиц, и указывали на эти проекты как на важные источники при подготовке Сперанским в 1826 г. петербургского судебного процесса над декабристами. Сам Верховный уголовный суд 1826 г. явно замыслился Сперанским как важный шаг в легализации и легитимации этого судебного органа, занимая существенное место в выстраиваемой им прецедентной цепочке «верховных» судебных процессов¹.

Шанс на институционализацию Верховного уголовного суда в том виде, в котором он был предложен Сперанским в 1811 г., появился буквально через полгода, с созданием секретного комитета для разработки проектов реформ государственного и общественного устройства, который, по дате учреждения, получил название Комитета 6 декабря 1826 г. и куда Сперанский с самого начала был назначен одним из членов. Довольно скоро на повестку дня был вынесен проект сенатской реформы Сперанского, и обсуждение вопроса о Верховном уголовном суде стало лишь делом времени. 27 апреля 1827 г., на очередном заседании, Комитет обсуждал те изменения, которое надлежало внести в статьи, касающиеся Верховного уголовного и Верховного совестного судов (текст статей проекта 1811 г., касающихся Верховного уголовного суда).

Изменений этих было немного.

1) Из числа лиц, подсудных Верховному уголовному суду, исключались губернаторы (это было решено еще в 1811 году).

2) В § 25 вместо «открывается высочайшим постановлением, в Государственном совете изданным» сказано: «высочайшим повелением, издаваемым вследствие предварительного рассмотрения дела в Государственном совете».

3) К § 26 сделано дополнение, расширявшее состав Верховного уголовного суда: «Сверх того, от Высочайшей воли зависит, когда будет сие за нужное признано, назначать в члены Верховного уголовного суда членов Святейшего Синода и других лиц, к вышепомянутым трем верховным категориям непринадлежащих, но особым монаршим доверием облеченных».

4) Допросы обвиняемым должно была вести не «присутствие делопроизводителей» из «избранных обер-прокуроров», как предлагалось ранее в § 132, но комиссия, составленная из членов суда, а

---

¹ См.: *Боленко К.Г.* Неслучайный эпизод: М.М. Сперанский и Верховный уголовный суд над декабристами // *Родина*. 2009. № 3. С. 70–72.

«присутствие» выполняло скорее секретарскую работу: « собирает нужные сведения, приуготовляет дело к докладу <...>, и если найдет объяснения подсудимого в чем-либо неполными, то представляет о сем комиссии, § 201 учреждаемой».

5) Вместо рекетмейстеров, один из делопроизводителей выступал также и докладчиком по делу.

6) «Особая комиссия предварительного рассмотрения» переименовывалась в «Особую комиссию предварительного рассмотрения и ревизии следствия».

7) Была снята формулировка, что Верховный уголовный суд решает участь обвиняемых «по разуму закона и по правде», за исключением тех случаев, когда государь повелит это при учреждении суда.

8) Если, по проекту, общее собрание Сената, ознакомившись с делом, через министра юстиции должно было представлять на высочайшее усмотрение причины, по которым дело требуется передать в Верховный уголовный суд, и монарх передавал дело в Государственный совет, который высказывал свое мнение, то теперь порядок несколько менялся. Так, представлять дело министру получали департаменты и отделения Сената, и кроме того вводилась особая процедура решения дел, когда оно не передавалось целиком Верховному уголовному суду: «Когда найдут в деле обстоятельства, кои относятся к сему суду и могут быть рассмотрены особо, то, решив дело по законам, отсылают в оный одни сии обстоятельства. Когда же, наконец, самое существо дела имеет столь тесную связь с сими обстоятельствами, что не может быть суждено правильно без предварительного их разрешения, то Сенат сообщает оные Верховному уголовному суду и на его заключении основывает свое решение»².

По мнению Т.Г. Архиповой, изменения, внесенные в первоначальный проект, «ликвидировали буржуазные элементы и придавали ему более консервативный характер»³, и с этим можно согласиться, хотя и с некоторыми оговорками. Состав учреждения

---

² Журналы комитета, учрежденного высочайшим рескриптом 6 декабря 1826 года // Сб. РИО. СПб., 1891. Т. 74. С. 135–137. Текст первых 25 параграфов нового «Проекта учреждения Судебного Сената», в том числе со статьями, в которых упоминается Верховный уголовный суд. См. также: *Шепелев Л.Е.* Аппарат власти в России: Эпоха Александра I и Николая I. СПб., 2007. С. 163–166. О компетенции Верховного уголовного суда в итоговом проекте комитета см.: *Воронов А.Г.* О преобразованиях в начале царствования императора Николая I // РВ. 1895. № 3. С. 261.

³ *Архипова Т.Г.* Высшие комитеты России 2-й четверти XIX в. (К истории кризиса феодально-крепостнической государственности). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1970.

был архаизирован за счет введения членов Синода, а возможность вмешательства государя в установление состава суда вновь придавала ему черты чрезвычайного судебного органа, созданного около года тому назад. Также явно из опыта процесса 1826 г. заимствована идея лишить обер-прокурорское присутствие следственных функций и ввести понятие «ревизии» в название Особенной комиссии предварительного рассмотрения. По-видимому, процесс 1826 г. не только сам государь, но и члены Комитета считали вполне успешным и достойным продолжения примером.

Некоторые изменения не поддаются однозначной оценке. Так, подтверждение неподсудности губернаторов Верховному уголовному суду резко снижало шансы на его созыв, поскольку, в отличие от министров, они не относились к числу тех должностных лиц, которые воспринимались как доверенные лица императора, но, с другой стороны, в принципе облегчало привлечение их к ответственности. Замена особого принципа вынесения приговора («по разуму закона и по правде») на стандартное «по закону» имело скорее положительное значение, поскольку в представлении консервативных судей «правда» могла предусматривать не только смягчение, но и ужесточение наказания. И, наконец, последнее изменение, усложнявшее взаимоотношения Верховного уголовного суда с Сенатом, должно было, вероятно, упростить рассмотрение дел по должностным преступлениям с обвиняемыми разного статуса, что теоретически могло облегчить борьбу с этого рода правонарушениями. Однако от проведения сенатской реформы Николай I, как известно, отказался.

Наиболее подробную разработку идея Верховного уголовного суда получила при проведении кодификации законов. Реконструкция в деталях этой законотворческой работы, с привлечением всего сохранившегося массива материалов II Отделения Императорской канцелярии, заслуживает внимания как отдельная исследовательская задача, объем которой выходит за рамки нашей статьи. Мы не ставим задачей проследить, каким образом происходило движение идеи в рамках Отделения к цельному проекту, поступившему на рассмотрение Особого комитета под председательством министра юстиции, созданного 23 апреля 1828 г. (формально Отделение приступило к Своду уголовных законов в мае 1828 г. и в том же году сдало его в Комитет). Поэтому ограничимся некоторыми ключевыми наблюдениями над теми итогами кодификационных работ, которые нашли непосредственное воплощение в законодательстве и его публикациях.

В алфавитном указателе к Полному собранию законов Российской империи понятие «Верховный уголовный суд» еще отсутствует в каком бы то ни было виде⁴, и этот факт позволяет предполагать, что цепочка судебных процессов 1764–1771 – 1774–1775 гг. во второй половине 1820-х гг. рассматривалась Сперанским скорее как прецедентная, чем институциональная. Однако обращает на себя внимание то название, которое Сперанский, при создании Полного собрания законов, дал манифесту от 17 августа 1764 г.: «Об учреждении *уголовного* (курсив мой. – К. Б.) Суда над бунтовщиком Мировичем»⁵, и это при том, что ни слова «уголовный», ни даже его аналогов в манифесте не имеется; в российской юридической литературе конца XVIII – первой четверти XIX в. он обычно называется кратко: «О Мировиче»⁶. И хотя учредительные указы и сентенции по делу о «чумном бунте» и Е.И. Пугачеве не содержали и намека на «верховный уголовный» судебный орган⁷, трудно отделаться от мысли, что Сперанский в данном случае сделал это не случайно, а продолжал те усилия, которые начал предпринимать еще в 1824 г.: не останавливаясь перед явными натяжками, сочинять своему учреждению предысторию куда более стройную, чем она была в действительности, что снова было актуально после провала сенатской реформы, обсуждавшейся в Комитете 6 декабря.

---

⁴ Ни в виде отдельной статьи, ни в качестве подраздела статей более сложных по составу.

⁵ ПСЗ–I. Т. 16. № 12228.

⁶ В описании сенатского архива встречается указание на наличие копии манифеста «О смерти принца Иоанна Антоновича и об учреждении уголовного суда над подпоручиком Василием Мировичем. Кн. 111. Л. 370, 371», однако самая стилистика заголовка свидетельствует о его позднем происхождении» (Сенатский архив: В 15 т. / Изд. под рук. И.А. Блинова. СПб., 1910. Т. 14: Указы и повеления императрицы Екатерины II за февраль–декабрь 1764 года. С. 403).

Указание на недостаточно точную передачу содержания нормативных актов, помещенных в Полное собрание законов, в составленных к ним заголовках см., напр.: *Воскресенский Н.А.* Законодательные акты Петра Великого: Редакции, проекты, заметки, доклады. М., 1940. Т. 1: Акты о высших государственных установлениях. С. XI.

⁷ ПСЗ–I. Т. 19. № 13695 («Приговор высочайше учрежденной особенной Генеральной комиссии над виновниками и соучастниками бывшего в Москве мятежа, при котором убит архиепископ Амвросий», 10.11.1771); № 14230 (манифест «О преступлениях казака Пугачева», 19.12.1774); Т. 20. № 14233 («Сентенция о наказании смертию казнию изменника, бунтовщика и самозванца Пугачева и его сообщников», 10.01.1775).

Об успехах этой мифологии свидетельствует, к примеру, сделанный Н.П. Огаревым в 1858 г. разбор книги М.А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I-го» (СПб., 1857) и, возможно, известное сочинение В.А. Бильбасова «История Екатерины Второй» (1896). У Огарева читаем: «Манифестом 17 августа 1764 года она учредила над ним (Екатерина II над Миновичем. – К. Б.) Верховный уголовный суд... (Собрание законов. Т. XVI. № 12.228)»⁸. «Верховным уголовным судом» именуется судебную коллегия М.А. Корф⁹, что во многом объясняется его пиететом перед Сперанским, а также позволяет предположить, что заложенная в Своде законов 1832 г. конструкция Верховного уголовного суда создавалась не без его участия. «Верховным судом» называет судебную комиссию и Бильбасов, правда, употребляя это словосочетание скорее как характеристику, чем как термин – со строчных букв – и прибегая для обозначения суда к синонимам вроде «верховное образование» и даже «верховный совет»¹⁰. О том, что Бильбасов, несмотря на свою несравненно более высокую научную квалификацию, все-таки попал под авторитет Полного собрания законов, свидетельствует то, как он, ссылаясь одновременно на Полное собрание законов, а также еще на пять разных источников, включая мемуарные и архивный, привел позднейшее заглавие законодательного акта: «манифестом 17-го августа 1764 года <...> объявлялось об учреждении уголовного суда над бунтовщиком Миновичем»¹¹, так что цитата из позднего собрания законов приобрела неподобающий ей вес.

Куда более значительное место, чем в Полном собрании законов, Верховный уголовный суд 1826 г. и Верховный уголовный суд вообще заняли в Своде законов Российской империи 1832 года¹². Справедливости ради отметим, что еще до введения в действие Свода Верховный уголовный суд попал в юридическую литературу. Так,

---

⁸ Огарев Н.П. 14 декабря 1825 года и император Николай. Изд. ред. «Полярной звезды». По поводу книги барона Корфа // 14 декабря 1825 года и его истолкователи (Герцен и Огарев против барона Корфа) / Изд. подгот. Е.Л. Рудницкой и А.Г. Тартаковским. М., 1994. С. 197.

⁹ Корф М.А. Брауншвейгское семейство (Иоанн VI). М., 2007. С. 262.

¹⁰ Бильбасов В.А. История Екатерины Второй. Берлин, б.г. Т. 2: 1762–1764. С. 490, 503.

¹¹ Там же С. 487.

¹² Заметим, что даже в статье Ю.С. Воробьевой о Верховном уголовном суде как таковом в библиографии есть ссылка только на Устав уголовного судопроизводства 1864 г. и отсутствует – на Свод законов 1832 года (см.: Государственность России: Словарь-справочник / Сост. В.А. Владыкина, О.Ф. Козлов, В.Ф. Янковая, И.В. Сабенникова, Н.М. Химица. М., 1996–2005. Кн. 1. С. 63).

в «Кратком руководстве к познанию правил, для производства следственных и военно-судных дел» В.И. Назанского в § 1 1-й главы, в котором дается общее представление «о суде и судиях воинских», в примечании указаны предметы, требующие дальнейшего знакомства со стороны читателя, а именно: «Об Уголовном Суде, принадлежностях и форме оною и об обрядах Судебного производства. О Верховном Уголовном Суде, Карантинном Суде и проч[ее]»¹³. Однако вряд ли в данном случае мы имеем дело с самостоятельным интеллектуальным усилием автора или, напротив, общим местом тогдашнего юридического сознания. Наиболее вероятные объяснения этому факту (в настоящее время это лишь предположения) – знакомство Назанского, преподававшего юридические науки в кадетских корпусах Петербурга, с печатавшимся Сводом законов или даже его непосредственное участие в кодификации военно-уголовного законодательства. Вскоре в «Своде военных постановлений» (1838) Верховный уголовный суд занял важное место.

Сам Сперанский не упомянул нормативные материалы, регулировавшие деятельность суда над декабристами, и его решения в «Обзрении исторических известий о Своде законов», ограничившись собирательным описанием места судебных решений в подготовленном Своде, причем в таких выражениях, что прямого указания на Верховный уголовный суд 1826 года и не требовалось. Так, по словам Сперанского, при составлении Свода было решено, что «судебные решения имеют силу закона единственно в тех случаях, по коим они состоялись», однако были сделаны исключения, так как «есть судебные решения, коих сила распространена в самом их изложении на все случаи, им подобные; есть другие, кои, быв вначале частными, приняты впоследствии примером и образцом других решений и таким образом соделались общими; есть решения частные, но в них сделано изъяснение закона общего, установлен точный смысл его и отвергнуты толкования, с разумом его несообразные. <...> Подобное сему изъятие положено сделать и в решениях дел уголовных. *Важнейшие из оных, особенно по преступлениям государственным* (курсив мой. – К. Б.), признано полезным сохранить в собрании»¹⁴.

---

¹³ Назанский В.И. Краткое руководство к познанию правил, для производства следственных и военно-судных дел, на существующих узаконениях основанное. СПб., 1832. Ч. 1. С. 17.

¹⁴ Сперанский М.М. Обзрение исторических известий о Своде законов // Сперанский М.М. Руководство к познанию законов / Отв. ред. И.Д. Осипов.

Всего ссылки на Указ от 1 июня 1826 г. о создании Верховного уголовного суда и особенно на указ «О преступниках, осужденных к разным казням и наказаниям» от 13 июля с высочайше подтвержденным докладом суда (ПСЗ-II. № 381 и 464) встречаются в Т. XV Свода (Свод законов уголовных) в 28 статьях¹⁵, и это само по себе доказывает, что нормативным материалам и решениям процесса 1826 года отводилась роль серьезного прецедента.

Свод утверждал Верховный уголовный суд как особую судебную инстанцию по государственным преступлениям «высшей и особенной степени их важности» (ст. 17, 1221); согласно ссылкам на законы, послужившие основанием к появлению данной статьи, примерами такого суда в России были процессы по делам В.Я. Мировича, о «чумном бунте», Е.И. Пугачева и декабристов: «По бывшим доселе примерам известно, что над преступниками противу первых двух пунктов учреждаемы были особые Верхов-

---

СПб., 2003. С. 160–161. Как подчеркивала советская исследовательница Свода 1832 года, «деятельность по созданию Свода не была простым воспроизведением источников, а в отдельных случаях являлась переработкой нормативно-правового материала»; также и «окончательная деятельность по созданию Свода была отмечена творческим подходом к разработке системы сборника, принципов его построения, отбора нормативного материала и т.д.» (Сидорчук М.В. Систематизация законодательства России в 1826–1832 годах. Автореф. ... канд. юрид. наук. Л, 1983. С. 15, 20–21). И гибкое отношение к судебным решениям было важной частью подобного творчества.

¹⁵ Ст. 17–18 (Кн. 1: О преступлениях и наказаниях вообще. Раздел 1: О существе преступлений и разных родах казней и наказаний. Гл. 2: О разных родах казней и наказаний. Отд. 1: О смертной казни); ст. 19 (Там же. Отд. 2: О смерти политической); ст. 22, 24 (Там же. Отд. 3: О лишении прав состояния); ст. 141 (Там же. Гл. 5: Об освобождении от наказания, отсрочке и отмене оногo. Отд. 2: О обстоятельствах, по коим наказание отлагается или вовсе отменяется. I: Побег преступника); ст. 148 (Там же. VII: Помилование); ст. 217–220, 222 (Там же. Разд. 3: О преступлениях государственных по первым двум пунктам. Гл. 2: О наказаниях за преступления противу священной особы государя императора и членов императорского дома); ст. 223–224, 227–228 (Там же. Гл. 3: О наказаниях за бунт и государственную измену); ст. 248 (Там же. Разд. 4: О преступлениях против правительства. Гл. 5: О запрещенных сходбищах и незаконных и тайных обществах); ст. 1221–1222 (Кн. 2: О судопроизводстве по преступлениям. Разд. 7: Об особенных родах судопроизводства по делам уголовным. Гл. 3: О судопроизводстве по государственным преступлениям против первых двух пунктов. Отд. 1: О подсудности); ст. 1249–1257 (Там же. Отд. 2: О производстве по преступлениям противу первых двух пунктов в особо-учреждаемых Верховных судах и в Правительствующем Сенате. I: Производство в Верховном уголовном суде).

ные суды: в 1764 году, над подпоручиком Мировичем; в 1771 году, по происшедшему в Москве бунту во время заразы; в 1775 году, над донским казаком Емелькою Пугачевым с соучастниками; в 1826 году, по бунту 14 декабря 1825 года» (ст. 17, примечание). В толковании к ст. 18, определяющей назначение вида смертной казни Верховным уголовным судом, цепочка процессов дана еще раз: «Подпоручик Смоленского полка Василий Мирович приговорен был к смертной казни, отсечению головы, каковая казнь и была над ним исполнена [1764 сент. 15 (12241)]. – По приговору Верховного суда двое из главных участников в бунте, происшедшем в Москве во время заразы, казнены были смертью, повешены <...> [1771 нояб. 10 (13695)]. – Донской казак Емелька Пугачев казнен был по приговору Верховного суда четвертованием; <...> [1775 янв. 10 (14233)]. – Главные виновники заговора и возмущения, происшедшего 14 декабря 1825 года противу Высочайшей власти и всего Августейшего дома, казнены были смертью, повешены, а прочие, наиболее участвовавшее в заговоре и бунте, с лишением чинов и дворянства сосланы в каторжную работу [1826 июл. 13 (464)]». Третий раз та же цепочка дана в примечании к ст. 218: «Наказание соучастникам в преступлениях по первым двум пунктам, если иногда уменьшается по мере вины их, то сие происходит единственно из монаршего милосердия. – См. доклады Верховного уголовного суда и указы: 1764 сент. 15 (12241). – 1771 нояб. 10 (13695). – 1775 янв. 10 (14233). – 1826 июл. 13 (464)».

Несмотря на отсылки к указам, определявшим порядок создания и состав судебных коллегий на всех четырех процессах, впредь таковой порядок и состав Верховного уголовного суда устанавливался по примеру суда над декабристами: «Верховный уголовный суд составляется особенным высочайшим указом из членов Государственного совета, Правительствующего Сената и Святейшего Синода и известного числа военных и гражданских особ» (ст. 1222).

Впервые в российском законодательстве – в качестве не проекта, но совокупности правовых норм, – появлялось сжатое описание особенностей судостроительства и судопроизводства по особо важным государственным преступлениям. Второе отделение третьей главы (О судопроизводстве по государственным преступлениям против первых двух пунктов) седьмого раздела (Об особенных родах судопроизводства по делам уголовным) второй книги (О судопроизводстве по преступлениям) пятнадцатого тома Свода называлось «О производстве по преступлениям противу

первых двух пунктов в особо-учреждаемых Верховных судах и в Правительствующем Сенате»; первый подраздел, ст. 1249–1257, содержал «Производство в Верховном уголовном суде».

«Производство следствия по высшим государственным преступлениям препоручается по высочайшему повелению особенно для того назначенным лицам или комиссии» (ст. 1249). «По окончании следствия все дело поступает в Верховный уголовный суд. Заседания Верховного суда открываются чтением высочайшего указа по делу, потом донесения о произведенном следствии и подробных о каждом подсудимом сведений, составленных из поданного о них производства» (ст. 1251). «Верховный суд лично удостоверяется в подлинности актов произведенного следствия, и для сего или призывает порознь подсудимых, или наряжает для сего комиссию, им же избранную и из среды его составленную» (ст. 1252). «Такое личное удостоверение состоит в знании, точно ли ответы на допросные пункты учинены подсудимыми, их ли руками подписаны, не утаили ль они чего и не имеют ли еще чего объявить и дополнить» (ст. 1253). «По окончании таким образом ревизии следствия, Верховный суд приступает к чтению законов, на преступления сего рода постановленных; и если в особенных правилах, на тот случай предписанных, назначено будет определить постепенность вины: то, по соображении с делом, он определяет, в какой постепенности увеличивается или уменьшается вина подсудимых частными и особенными каждого лица обстоятельствами, и в случае значительного числа подсудимых назначает разряды разных степеней виновности, полагает наказание, каждой степени соразмерное, и по сим разрядам и степеням распределяет подсудимых» (ст. 1254). «Составя сии положения о казнях и наказаниях, Верховный суд постановляет приговор по большинству голосов. Члены Святейшего Синода, присутствующие при заключении общего протокола, сообразно правилам звания их не обязуются подписывать приговоры о смертной казни» (ст. 1255). «По постановлении таким образом приговора Верховный суд вносит оный на высочайшее усмотрение» (ст. 1256). «Последовавшее по сему высочайшее решение Верховный суд объявляет в полном присутствии осужденным преступникам и потом обращает все к надлежащему исполнению (ст. 1257).

Судопроизводство в Верховном уголовном суде также в основном соответствовало тому, что было установлено на последнем процессе; кроме собственно содержания статей это подкреп-

ляется и ссылками на законы: так, во всех девяти статьях третьей главы, в которых идет речь о Верховном уголовном суде (ст. 1249–1257), имеются ссылки на соответствующие указы 1826 г., причем в пяти – исключительно на указ «О преступниках...» и всеподданнейший доклад Верховного уголовного суда 1826 года. И все это при том, что, подчеркнем, ничто не мешало рассматривать процесс над декабристами как частный случай, а не как прецедент, достойный возведения в норму.

В примечании к ст. 1255 все четыре верховные процесса снова ненавязчиво объединяются единым названием: «В Верховных судах, доселе бывших, члены Святейшего Синода изъявляли свое мнение следующими словами: “Слушав в Верховном уголовном суде следствие о поименованных государственных преступниках <...>” [1764 сент. 15 (12241) – 1826 июл. 13 (464)]. Разумеется, в суде над Мировичем «мнение» членов Синода, согласно сентенции, звучало несколько иначе, а именно: «Слушав в собрании следственное о Мировиче и его сообщниках дело...».

О важном месте Верховного уголовного суда среди российских судебных учреждений свидетельствует тот факт, что этот суд наделялся исключительным правом выносить смертные приговоры по преступлениям «противу первых двух пунктов» (ст. 17, 217, 223, 227)¹⁶, причем, в отличие от военных судов, он обладал правом самостоятельного выбора вида смертной казни (ст. 18); в тех же случаях, когда таковые преступления рассматривали обычные суды, они должны были ограничиваться лишением прав состояния, ссылкой в каторжную работу на поселение и прочее¹⁷. Исключительно Верховный уголовный суд мог приго-

---

¹⁶ Смертная казнь предусматривалась также за некоторые военные преступления, а также преступления, связанные с нарушениями карантинного режима.

¹⁷ Эта норма, в отличие от прочих, нередко привлекала внимание правоведов, хотя они и не связывали Верховный уголовный суд как таковой с судом над декабристами. См.: *Есипов В.В.* Очерк русского уголовного права. Часть общая. Варшава, 1894. С. 357–358; *Червонецкий Д.А.* Государственные преступления по русскому праву: Введение и 1-я глава. Юрьев, 1913. С. 28; *Миненок М.Г.* Наказание в русском уголовном праве: Историко-правовой очерк: Учеб. пос. Калининград, 1985. С. 11; *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право / Предисл. А.В. Наумова. Тула, 2001. Т. 2. С. 139; *Андрусенко О.В., Кодан С.В.* От Свода законов уголовных к Уложению о наказаниях уголовных и исправительных. Екатеринбург, 2000. С. 43; *Жильцов С.В.* Смертная казнь в истории России. М., 2002. С. 183–184. Впрочем, можно встретить и указания на сохранение в Своде 1832 г. смертной казни и без всякого упоминания Верховного уголовного суда (см., напр.: Русское уго-

варивать и к политической смерти (ст. 19). Таким образом, несмотря на то, что соучастники, злоумышленники и «произносители дерзких слов» против императора и его фамилии формально должны были нести то же наказание, что организаторы и другие основные участники преступлений против жизни и чести государя (ст. 215–222), применение смертной казни за подобные преступления фактически резко ограничивалось уже тем, что передаваться в Верховный уголовный суд должны были только особо важные дела. По мнению некоторых исследователей, оставление смертной казни исключительно за Верховным уголовным судом стало прямым следствием разногласий, возникших на заседаниях этого суда в 1826 году¹⁸.

К сожалению, ограничение это просуществовало только до 1845 г., когда монополия Верховного уголовного суда на назначение смертной казни (среди невоенных судов) была уничтожена¹⁹.

Вместе с Общим учреждением министерств в первый том Свода законов (Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 1) перешли §§ 295–296, касающиеся суда над высшими чиновниками (ст. 1707–1708), а также в Своде законов уголовных появились и развивающие их содержание статьи:

«1262. Когда откроются важные государственные вины в преступлении должности, учиненной министрами и генерал-губернаторами: тогда дело предается Верховному уголовному суду. 1811 июн. 25 (24686) § 295 – 1822 июл. 22 (29125) §§ 589–596.

1342. Верховный уголовный суд, наряжаемый над министрами и генерал-губернаторами в случаях, когда со стороны их откроются важные государственные вины, не производит вновь следствия, но, определив существо и степень вины по следствию, произведенному в Государственном совете, полагает окончательный приговор по законам.

ловное право: Пособие к лекциям Н.Д. Сергеевского: Часть общая. Изд. 11-е, испр. и доп. С.Н. Трегубовым. Пг., 1915. С. 122).

¹⁸ «Противоречия в уголовном законодательстве, породившие споры между Мордвиновым и Сперанским при квалификации Верховным уголовным судом преступлений декабристов и вынесении наказания за них, были учтены при составлении Свода законов 1832 г.» (*Жильцов С.В., Малько А.В.* Смертная казнь в России: историко-теоретическое исследование. Тольятти, 2001. С. 173).

¹⁹ См. недоумение М.А. Дмитриева при слухах, что в России с Уложением о наказаниях будет введена смертная казнь и нежелание ввиду этого идти в уголовный департамент Сената (*Дмитриев М.А.* Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1997. С. 469).

1811 июн. 25 (24686) §§ 295, 296 – 1822 июл. 22 (29125) §§ 589–596»²⁰.

При этом вопреки букве «Учреждении для управления сибирских губерний» 1822 г., подсудными Верховному уголовному суду оказывались уже все генерал-губернаторы, а не только сибирские.

Впоследствии статьи 1221–1222, 1249–1257, 1262 и 1342 пятнадцатого тома Свода 1832 года перешли в позднейшие его редакции – 1842 и 1857 гг.²¹ – без всяких изменений, если не считать того, что, согласно высочайше утвержденным 9 апреля 1840 г. «Правилам о должности товарищей министров», эти товарищи пополнили круг лиц, дела которых о должностных преступлениях подлежали рассмотрению Верховным уголовным судом²². Отдельной статьей «Верховный уголовный суд» был представлен в указателе к Своду законов²³.

Таким образом, можно утверждать, что в Своде законов 1832 г. Верховный уголовный суд был формально институционализирован как высшее чрезвычайное судебное учреждение по наиболее важным государственным преступлениям и преступлениям высших должностных лиц; были установлены состав суда и особенности судебной процедуры, единое название, исключительные полномочия среди гражданских судов в назначении смертной казни. По сравнению с имевшейся до этого прецедентной цепочкой, оставлявшей едва ли не полный простор для творчества по всем этим направлениям, прогресс был значительным. Вместе с тем, неоднократное упоминание в Своде нескольких «Верховных уголовных судов», особенно бросающееся в глаза в сравнении с проектами 1809, 1810–1811 (и модифицированным вариантом 1827) годов, оставляет открытым не только вопрос о причинах такого отступления Сперанского от предлагавшихся ранее формулировок, но и о том, можно ли считать институционализацию Верховного уголовного суда в 1832 г. законченной в полном смысле этого слова. В том случае, если за множест-

---

²⁰ Гл. 4: О производстве дел следственных в преступлении должностей. Отд. 1: О подсудности; Отд. 5: О производстве дел следственных в преступлении должности над министрами и генерал-губернаторами, судимыми в Верховном уголовном суде.

²¹ В Сводах 1842 и 1857 гг. изменились только номера статей – соответственно ст. 1420–1421, 1448–1456, 1462, 1580 и 592–593, 619–628, 633, 716.

²² ПСЗ-II. Т. 15. Отд. 1. № 13361. Строго говоря, Верховный уголовный суд в «Правилах» не упоминался, но восстанавливалось в полной мере действие «Общего учреждения министерств», ограниченного 30 декабря 1826 г., и в том числе пределы ответственности товарищей министров.

²³ Указатель алфавитный к Своду законов Российской империи. СПб., 1834. С. 64.

венным числом стояли исключительно представления о чрезвычайности и априорной редкости проводимых им процессов, то на этот вопрос следует ответить положительно. В том же случае, если таким образом авторы и/или редакторы Свода хотели подчеркнуть внеположенность «верховных» коллегий регулярной системе российских судебных учреждений и особенный характер каждого процесса, то об окончательной институционализации Верховного уголовного суда говорить не приходится, поскольку в этом случае в описании и состава суда, и его процессуальных особенностей введенный в норму процесс 1826 г. мог быть истолкован просто как последний в цепочке казусов, не служащий ни в коей мере ограничителем монарших желаний. На наш взгляд, имеет смысл вести речь об окончательной и безусловной институционализации в 1832 г. не Верховного уголовного суда как судебного органа, но верховных уголовных судебных процессов. Оформление же этого суда как учреждения (устойчивой модели судоустройства и судопроизводства для определенного рода дел) было произведено в таких выражениях, которые оставляли простор для разных толкований соответствующих статей: и как модели на будущее, и как иллюстрации последнего дела. Ясный ответ на этот вопрос могла бы дать правоприменительная практика, однако дел соответствующей важности до судебной реформы 1864 г. в России не было.

Как уже было сказано выше, согласно Своду, «особенными высочайшими указами дела о государственных преступлениях могли быть переданы и «Суждению Правительствующего Сената» (ст. 1221, 1223). Рассмотрение дел должно было идти «сообразно общему порядку уголовного судопроизводства и с наблюдением тех правил, какие в особенности для сего в высочайшем повелении будут назначены» (ст. 1258). Источником этих статей стал указ о суде над польскими заговорщиками от 16 ноября 1797 г. (№ 18248), ссылок на процесс 1827–1829 гг. не было.

Учитывая то значение, которое при Николае I имела в гражданских делах военная юстиция, было бы логично выяснить место Верховного уголовного суда в Своде военных постановлений 1838 г., особенно если принять во внимание, что роль Сперанского в его создании была очень велика²⁴.

---

²⁴ См.: Столетие Военного министерства: 1802–1902 / Гл. ред. Д.А. Скалон. СПб., 1902. Т. 3. Отд. 1: Кодификационный отдел / Сост. Э.М. Лисенко. Гл. 2; Заустинский П.Ф. Кодификация русского военного права в связи с историей развития русского войска до реформ XIX века. СПб., 1909. С. 496–501, 504.

«20. Виды смертной казни суть: расстреляние и повешение. Когда в законе определяется простая смертная казнь, то под сим разумеется расстреляние; смертная же казнь повешением определяется в тех только случаях, которые подлежат Верховному уголовному суду и назначается в его приговоре».

22. Из сей общей замены изъемяются следующие три случая, в коих и в мирное время виновные подлежат смертной казни: 1) Когда государственные преступления, совершенные лицами, состоящими в военном ведомстве, по особенной их важности предаются рассмотрению и решению Верховного уголовного суда (а). 2) <...>. В первом случае вид смертной казни определяется Верховным уголовным судом в приговоре его (г); во втором и третьем полагается расстреляние (д).

В примечании (а) к ст. 22, даны ссылки на процессы 1764–1826 гг. в полном соответствии с соответствующим пунктом Свода законов: «1764 сент. 15 (12241); 1771 ноябр. 10 (13695); 1775 янв. 10 (14233); 1826 июл. 13 (464)», а в прим. (г) – перечень этих процессов с более определенным названием ведших их учреждений, чем в Своде законов 1832 года: «Подпоручик Смоленского полка Василий Минович приговорен был к смертной казни отсечением головы, каковая казнь и была над ним исполнена 1764 сент. 15 (12241). – По приговору *Верховного уголовного суда* (здесь и далее в этом абзаце курсив мой. – К. Б.), двое из главных участников в бунте, происшедшем в Москве во время заразы, казнены были смертию, повешены; другие же наказаны кнутом и с вырезанием ноздрей сосланы в каторжную работу, 1771 нояб. 19 (13695). – Донский казак Емелька Пугачев казнен был, по приговору *Верховного уголовного суда*, четвертованием; <...>, 1775 янв. 10 (14233). – Главные виновники заговора и возмущения, происшедшего 14 дек. 1825 года, противу высочайшей власти и всего августейшего дома, тоже, по приговору *Верховного уголовного суда*, казнены были смертию, повешены, а прочие, наиболее участвовавшие в заговоре и бунте, с лишением чинов и дворянства сосланы в каторжную работу, 1826 июл. 13 (464)»²⁵.

Таким образом, картина «верховных уголовных» процессов, нарисованная в ст. 22 Свода военных постановлений, оказывается, казалось бы, еще более ясной и четкой, чем в Своде законов. Позднее эти статьи без всяких изменений, кроме нумерации, вошли в новые редакции Свода военных постановлений: 1855, 1858 и 1864 годов²⁶.

---

²⁵ Свод военных постановлений. СПб., 1839. Ч. 1, кн. 1.

²⁶ Там же. 1855. Ч. 5; 1859. Ч. 5; 1866. Ч. 5. Кроме того, в Сводах 1858–1859 и 1864–1866 гг. опущены ссылки на гражданский Свод законов уголовных.

Однако этой ясной картине «верховных уголовных» процессов противоречат два факта, которые позволяют предположить, что место Верховного уголовного суда в российской судебной системе в действительности не было столь значительным, как было представлено в Своде законов и первой книге Свода военных постановлений, или – второй вариант – с начала по конец 1830-х годов успело несколько деградировать. Во-первых, в вышедшем в 1841 г. указателе к Своду военных постановлений Верховный уголовный суд отсутствует; его нет ни в виде отдельной статьи, ни в виде упоминаний в статье «Император и императорский дом» (во втором ее разделе «Преступление противу священной особы государя императора»), ни в статье «Бунт», ни в статье «Военный суд», ни в статье «Подсудность» (разд. III «Подсудность гражданскому уголовному суду»).

Во-вторых, Верховного уголовного суда вообще нет во второй книге Свода 1838 г. («О военном суде»). Так, согласно ст. 256, «Преступления противу первых двух пунктов, означенных в 1 книге сей части, судятся в постоянных или временных комиссиях, или учреждается для сего особый суд (курсив мой. – К. Б.), по высочайшему его императорского величества указанию». Впрочем, особых судов в указателе тоже нет.

Не составляет труда заметить, что если всякий Верховный уголовный суд в том виде, в котором он введен в Свод законов, безусловно «особый суд» (или «особо-учреждаемый», как он обозначен), то далеко не всякий «особый» может быть назван «верховным уголовным». При этом традиционное право монарха творить чрезвычайные судебные учреждения по собственному разумению получало дополнительное формальное юридическое обоснование. Тем более серьезное, что подсудность государственных преступлений органам военной юстиции даже в тех случаях, когда вовсе не требовалось особенной скорости судебного разбирательства, была для Николая I вполне допустимой. Усилия Сперанского по институционализации Верховного уголовного суда достигли своих целей лишь отчасти. Едва появившись, он почти сразу начал терять свой высокий статус. Правда, проведенная законодательная регламентация его функций, принципов организации и процедурных вопросов не пропали даром и послужили основой для возрождения Верховного уголовного суда в Судебных уставах 1864 года.

ДВОРЯНСТВО ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ ОБ ОТМЕНЕ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

М.Д. Карпачёв

Воронежский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: m-karpach@mail.ru

В статье освещается позиция дворянства Воронежской губернии по отношению к основным условиям отмены крепостного права, показаны различия в подходах дворянства и администрации к вопросам земельного обеспечения крестьянства, а также к условиям финансирования реформы.

Ключевые слова: дворянство, отмена крепостного права, условия, Воронежская губерния, дворянские депутаты, проекты крестьянского освобождения.

THE NOBILITY OF VORONEZH PROVINCE ABOUT THE ABOLITION OF SERFDOM

M.D. Karpachyov

The article is devoted to the Voronezh gentry's attitudes to the official program of the peasant emancipation of Russia in 1861. The author describes the gentry's critics of administrative program of land distribution and financial conditions of emancipation.

Key words: gentry, the Peasant' Emancipation, conditions, the Voronezh region, deputies of the gentry, projects of the peasant' emancipation.

В исторической литературе за Центральным Черноземьем давно установилась репутация оплота крепостничества. Дворянству черноземных губерний историки и публицисты неизменно адресовали упреки в откровенной реакционности и в сословном эгоизме. Практически в любом отечественном учебнике по отечественной истории даются именно такие сугубо нелестные оценки¹. Между тем анализ многочисленных откликов волновавшихся в канун крестьянской эмансипации дворян убеждает, что реальная картина не была столь односторонней и одиозной.

---

¹ См., напр.: История России XIX – начала XX в. Учебник для исторических факультетов университетов. Под ред. В.А. Федорова. М., 2002. С. 176–185.

Крепостнические отношения в Воронежской губернии имели свою специфику. Прежде всего, доля помещичьих крестьян в составе сельского населения была здесь относительно небольшой. Губерния, вопреки бытующему мнению, никак не являлась оплотом крепостничества. Накануне отмены крепостного права в губернии насчитывалось 1874 помещика. Некоторые из них имели не по одному имению, кроме того, некоторые владельцы жили в других губерниях. Поэтому число воронежских владельческих имений не совпадало с численностью помещиков и составляло около 2400. Всего же дворян в губернии числилось 11,5 тыс., причем потомственных и личных было примерно поровну (соответственно 5775 и 5726). Ко времени реформы в частном помещичьем владении находилось около 503 тыс. воронежских крестьян и несколько больше 2,3 млн. десятин земли и леса². Государственных же крестьян ко времени реформы насчитывалось около 1,3 млн. чел., в пользовании которых находилось свыше 3,1 млн. дес. казенной земли (не считая леса). Государственные крестьяне были прикреплены к государственной земле, платили оброки государству, но личной крепостной зависимости не знали. Крестьянство губернии, таким образом, представляло две неравные части: около 29% из них были помещичьими, а 71% – государственными³. Около 500 дворов воронежских крестьян являлись удельными, они принадлежали императорскому двору. Но, как и всюду по России, ожидавшаяся после завершения Крымской войны отмена крепостного права должна была изменить жизнь всех крестьян. По правовому стандарту 1861 г. (хотя и на иных экономических условиях) были в 1863 и 1866 гг. проведены реформы удельной и государственной деревни. После этих реформ все категории крестьянства в юридическом отношении сливались в одно новое сословие *свободных сельских обывателей*, а в статистических справочниках пореформенного времени появились отдельные рубрики частновладельческих и крестьянских наделных хозяйств.

Как известно, поворотное значение в деле подготовки крестьянской реформы имела публикация в конце ноября 1857 г. рескрипта Александра II Виленскому, Ковенскому и Гродненскому

---

² См.: Материалы по географии статистике России, собранные офицерами Генерального штаба. Воронежская губерния / Сост. В. Михалевич. СПб., 1862. С. 142.

³ См.: Очерки истории Воронежского края. Воронеж, 1961. Т. 1. С. 245.

генерал-губернатору В.И. Назимову⁴. Дворянство этих губерний получило высочайшее разрешение на открытие губернских комитетов, в которых должны были разрабатываться местные проекты крестьянского освобождения. Правда, дворянам велено было при обсуждении отталкиваться от правительственной программы, разработанной либеральными чиновниками Министерства внутренних дел. Эта программа включала в себя несколько принципиальных, по мнению реформаторов-бюрократов, положений. Будущая реформа, указывалось в рескрипте, предусматривала личное безвозмездное освобождение крестьян. При этом все земли имения, включая предоставлявшиеся крепостным усадьбы и пахотные наделы, должны были остаться в законной собственности владельцев, но крестьяне в обязательном порядке получали земли в пользование. За такое пользование освобождавшиеся крестьяне обязывались нести установленные по определенным нормам повинности. Усадьбы же с приусадебной землей (так называемую усадебную оседлость) крестьяне должны были выкупать в собственность⁵. При этом свободные договорные отношения исключались. Помещики обязаны были передать, а крестьяне – взять предусмотренную программой недвижимость.

Публикация рескриптов с ясно выраженной волей царя вызвала большое волнение среди воронежских дворян. Причин для острого беспокойства было немало. Грядущая реформа должна было круто изменить буквально все устои помещичьей жизни. Уже первые слухи об освободительных замыслах правительства тяготили души владельцев имений. «Такого общего пьянства, вызванного у одних потерей веры в свое будущее и обманутыми надеждами на скорое наступление лучшего будущего у других, кажется, в России никогда не было ни до, ни после этой эпохи. И это продолжалось вплоть до появления манифеста об улучшении быта помещичьих крестьян», – отмечал добросовестный знаток провинциального дворянства С.Н. Терпигорев⁶.

---

⁴ См.: *Зайончковский П.А.* Отмена крепостного права в России. М., 1968. С. 82–83; *Захарова Л.Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861. М., 1984. С. 71–91; *Дружинин Н.М.* Русская деревня на переломе. М., 1978. С. 15–16.

⁵ См.: Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян, вышедших из крепостной зависимости. СПб., 1861. Т. 1. С. 1–4; *Зайончковский П.А.* Отмена крепостного права... С. 123–150.

⁶ *Терпигорев С.Н.* (С. Атава). Оскудение. М., 1958. Т. 1. С. 15.

Многие дворяне встревожились из-за того, что пришедшие свыше слухи о близящемся освобождении могут спровоцировать крестьянские волнения или даже элементарные отказы выполнять барские распоряжения. Губернский предводитель дворянства князь И.В. Гагарин уже через несколько дней после знакомства с рескриптом В.И. Назимову поспешил предостеречь об этом министра внутренних дел С.С. Ланского. Но министр на эти тревоги смотрел с совершенно противоположной позиции. Вы боитесь беспорядков, отвечал он Гагарину. «Но правительство и дворяне многих губерний имеют основания опасаться, что подобные беспорядки произойдут при настойчивом стремлении к сохранению прежнего устройства сельского сословия»⁷. Уже в этой полемике декабря 1857 г. отчетливо выявилось противостояние интересов дворянства и либеральной бюрократии, которое будет сопровождать процесс подготовки реформы вплоть до издания Манифеста. Понятно, что в навязывании условий грядущего преобразования Гагарин сразу же усмотрел знак правительственного недоверия дворянству. На такой упрек министр решительно возразил, указав, что, напротив, именно дворянам доверено решать судьбу крестьян⁸.

Объявление о правительственных намерениях поставило дворян перед сложными проблемами. Было очевидно, что первое сословие столкнется с неминуемыми материальными потерями. При этом реагировать дворянству приходилось в весьма сложной психологической обстановке. С воцарением Александра II в общественном мнении все шире распространялось представление об одиозности крепостничества. Вольно или невольно, дворянство оказалось в положении сословия, которому пришлось оправдываться: в общественном мнении ему отводилась неприглядная роль защитника социального анахронизма.

И.В. Гагарин 3 января 1858 г. провел совещание, на котором присутствовали все уездные предводители, депутаты и некоторые другие представители сословия. Надо было как-то реагировать на монаршие предначертания. Гагарин от лица воронежских дворян поспешил выразить верноподданный восторг, но со своеобразным подтекстом. Он благодарил царя за ясно выраженное желание освободить <...> дворян от многовековой и тяжелой обузы! Как заявил Гагарин, именно на плечах дворянского сословия до

---

⁷ ГАВО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 597. Л. 12.

⁸ Там же. Л. 13.

сих пор лежали заботы о материальном и нравственном благополучии крестьянского населения. В том числе и ответственность за исправное исполнение крестьянами государственных повинностей, включая рекрутскую и податную. При этом патетически восклицал предводитель, находятся люди, готовые упрекнуть помещиков в эгоизме и даже обвинить целое сословие «за проступок одного какого-либо члена». Но дворянство, «невзирая на всю тяготу такого положения мужественно несло на раменах своих все это материальное и нравственное бремя крепостного права как завет служения Отечеству и престолу <...>, вот потому и только потому до самого последнего времени дворянство русское не смело позволить себе даже мысли, чтобы искать или домогаться сложения с себя этого важнейшего государственного тягла»⁹. По мысли Гагарина, дворянство потому и не откликлось так долго на призывы встать на путь добровольного отказа от крепостничества, что оно лучше бюрократии понимало свой нравственный долг перед народом и Отечеством.

Утешив, таким образом, собственное самолюбие, воронежские дворяне, тем не менее, призвали правительство к максимальному соблюдению законности и, следовательно, к сохранению за дворянством всей принадлежащей им собственности. Лидеры воронежского дворянства сразу же увидели в требованиях обязательного наделения крестьян усадебной оседлостью и пахотными угодьями большую угрозу их сословным интересам. Но не только. Увидели они большую практическую сложность грядущей реформы. Ситуация казалась до крайности противоречивой. С одной стороны, было понятно, что крестьяне и впредь останутся основными производителями материальных ценностей государства, а их труд должен стать источником накоплений для намечавшейся модернизации промышленности и путей сообщения. С другой же стороны, дворяне апеллировали к нормам цивилизованного правопорядка, не допускавшим, по их представлениям, принудительного перераспределения собственности, в том числе земельной. Предстоял трудный поиск приемлемого решения. Как точно подметил И.А. Христофоров, в основе отстаивания неприкосновенности помещичьей собственности «могли лежать совершенно различные мотивы – от желания по дорожке ее продать до стремления сделать ее основой политиче-

---

⁹ ГАВО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 633. Л. 8-9.

ского влияния»¹⁰. Был и еще один важный мотив: надо было найти способы сохранения за помещиком крестьянского труда.

Гагарин заявил, что в таком важном деле необходимо выяснить общее мнение дворян, а для этого он предложил провести целую серию дворянских собраний во всех уездах губернии. Однако правительственным чиновникам энергия воронежского предводителя категорически не понравилась. В организованном сословном выступлении они увидели открытое противодействие своим реформаторским замыслам¹¹. Решительно воспротивился планам Гагарина организовать общедворянское обсуждение министр внутренних дел С.С. Ланской. Он потребовал от губернатора Н.П. Синельникова вмешаться и запретить проведение уездных собраний¹².

Тревоги министра понять было можно. Готовящееся освобождение миллионов крепостных беспокоило даже самых горячих поклонников эмансипации. В правительственных сферах широко бытовало опасение, что после освобождения крестьяне могут в массе своей бросить привычный образ жизни и перейти к бродяжничеству. Министерские чиновники боялись возможного социального и экономического хаоса и полагали, что только бюрократический контроль над всеми фазами крестьянского освобождения позволит сохранить устойчивость пореформенных порядков. Коронным властям крайне важно было сохранить стабильность. Вот почему уже 20 марта 1858 г. министр Ланской просил Гагарина об осмотрительности и советовал «без особой огласки» внушать помещикам, что для их собственной пользы «весьма желательно, дабы усадебная оседлость крестьян оставалась именно в теперешнем положении». Следовательно, незачем тревожить крестьян напрасно¹³. Министр, разумеется, считал, что он лучше дворян понимает, что им нужно для их собственной безопасности. Правительству вообще хотелось найти формулу освобождения, при которой все бы были довольны: крестьяне надлежащим образом устроены, а дворяне – материально обеспечены. Правительство,

---

¹⁰ Христофоров И.А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. Конец 1850 – середина 1870-х гг. М., 2002. С. 45.

¹¹ Долбилов М.Д. Дворянский предводитель и крестьянская реформа: политическая неудача князи И.В. Гагарина // *Общественная и культурная жизнь Центральной России в XVII – начале XX века*. Воронеж, 1999. С. 102–103.

¹² ГАВО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 633. Л. 15.

¹³ Там же. Д. 597. Л. 16.

убеждал Гагарина Ланской, стремится к тому, чтобы после отмены крепостного права помещики были обеспечены их поземельной собственностью, а крестьяне имели прочную оседлость и надежные средства к жизни и к исполнению их обязанностей¹⁴. Дворяне, однако, остались далеки от казенного оптимизма реформаторов и либерально-бюрократических иллюзий не поддерживали. Реформа по формуле «и волки сыты и овцы целы» им с самого начала виделась не исполнимой.

Вот почему наиболее развитые в общественном смысле дворяне поспешили сформулировать свое представление о справедливом и законном исходе намечавшейся реформы. Развернутый трактат под пышным названием «О преобразовании крепостной системы в России» представил, в частности, помещик Землянского уезда Д.И. Писарев. Документ этот датирован 28 февраля 1858 года. Автор признает, что «по современным понятиям и потребностям» крепостное право следует ликвидировать. Поэтому верховная власть, считал Писарев, имела основания начать подготовку такой реформы. От дворян же требуется добровольная жертва Родине. Впрочем, в такой ситуации возрос риск народного возмущения. Поэтому «помещики предпочтут лучше лишиться части своего имущества, чем рисковать жизнью». Но во имя сохранения законности и общественной справедливости, настаивал Писарев, грядущая реформа не должна лишить дворян земельной собственности. Кроме того, оскудение государства, утверждал он, неминуемо обессилит все государство, так дворянство играет ключевую роль в функционировании всех его структур. Вводимый же чиновниками принцип обязательного наделения крестьян землей фактически подрывает право на законную дворянскую собственность.

Однако воронежского помещика тревожили не только словесные интересы. Он точно подметил, что фактического освобождения бюрократы и не планируют. Причем не делаются свободными ни дворяне, ни крестьяне. Теряя владельческое право, писал Писарев, помещик «остаётся лицом ответственным за крестьянина, поселившегося на его земле и кроме хлопот и забот, возлагаемых на помещика при невозможности вознаграждения со стороны крестьянина, помещик не сохраняет даже право собственности на землю, а в своем имении делается хозяином обязанным или полу-хозяином». Но и крестьянское освобождение без

---

¹⁴ ГАВО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 597. Л. 27.

земельной собственности, утверждал Писарев, будет самое шаткое и зависимое от землевладельца. «К освобождению крепостных людей от подданства помещикам самое покойное, надежное и безобидное средство есть выкуп крепостных людей с наделением землею, как дворовых людей, так и крестьян», – заключал Писарев.

Нужна, следовательно, ясность и определенность. Свобода – так свобода. Но вот только, где взять деньги? Выкуп, уверял Писарев, можно произвести и без наличных денег. Он советовал выпустить специальные банковские билеты, фондами которых будут «теперешние крепостные люди с наделенною им землею». Это будет народный долг, погашать который автор предлагал в течение 80 лет оброком с земли, отведенной крестьянам. Освобожденные крестьяне вместе с землей попадают в залог банкам, которые надлежало открыть в каждой губернии. Впрочем, земли, советовал Писарев, можно дать по 1–2 дес. на ревизскую душу, а в малоземельных имениях даже и по полдесятины. Поскольку крепостной люд вместе с землей должен был поступить в залог губернским банкам, постольку Писарев подсчитал даже стоимость и душ, и наделов. Средняя цена души оценивалась им в 60 рублей серебром, а средняя стоимость десятины земли – в 35 рублей. Полагая, что средний по стране надел будет равен 2,5 дес., Писарев нашел, что средняя залоговая стоимость души с наделом составит 147 рублей 50 копеек.

Очевидно, что как финансист, Писарев был наивен и беспомощен. Странное впечатление производит и его идея о передаче в залог банкам как самих крестьян, так и их земли. Он не поясняет, каким мог быть правовой статус заложенного в банке крестьянина. Но здесь важен поиск системного решения вопроса. Писарев хотел решить проблему последовательно и принципиально. «Крепостные люди, обеспеченные благонадежной собственностью, немедленно будут пользоваться совершенною свободою». Помещик же, сохранив большую часть собственности, «будет совершенно устранен от могущих возникнуть неудовольствий между ним и освобожденным крестьянином»¹⁵.

В течение 1858 г. губернские дворянские комитеты открыли свои заседания повсеместно. Эти новые учреждения состояли из выборных депутатов от каждого уезда (по два), к ним подключались два назначенных губернатором депутата их компетентных дворян. Для проведения выборов во всех уездах весной 1858 г.

---

¹⁵ ГАВО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 597. Л. 71–78.

прошли чрезвычайные дворянские собрания. В Воронежской губернии такой комитет в составе 26 депутатов во главе с губернским предводителем дворянства князем И.В. Гагариным начал свои работы в июле 1858 г. На многие месяцы условия крестьянского освобождения стали предметом оживленных дискуссий и даже ожесточенных споров.

Деятельность воронежского комитета наглядно демонстрирует тот факт, что на протяжении всего периода подготовки реформы коронная администрация и дворянские депутаты находились в состоянии непрерывного и весьма сильного противостояния. Это отразилось даже на финансовом обеспечении деятельности комитета. Гагарин с первых шагов стал получать выговоры за излишнюю самостоятельность от Ланского и в конце концов он был смещен, несмотря на очевидную поддержку на очередных выборах в 1859 года¹⁶.

Прежде всего, дворянские депутаты скоро убедились, что правительство вовсе не намерено было пускать дело на самотек. Иницировавшая подготовку реформы группа либеральных бюрократов понимала, что без формального объявления крестьянского освобождения как якобы добровольного дворянского пожертвования обойтись нельзя. Но и доверять фактическую подготовку условий реформы единомышленники Н.А. Милютин тоже не собирались. Воронежские депутаты очень скоро убедились, что правительственные чиновники по сути дела вынуждают помещиков к «добровольной жертве». Психологическое давление выразилось уже в том, что комитеты создавались, формально говоря, «для улучшения быта помещичьих крестьян». «Добровольными» должны были стать заготовленные чиновниками из МВД неприемлемые для большинства дворян условия освобождения. Активную часть депутатов это обстоятельство откровенно оскорбляло. Возникли условия для возникновения политического фрондирования¹⁷.

Первой и, надо признать, естественной мотивацией большинства воронежских депутатов стала энергичная защита имущественных прав своего сословия. Ярче всего это проявилось в отношении к земельной собственности. Все земли имения помещики, естественно, считали своим законным владением. А так как в черноземном краю именно земля являлась основным мерилем достатка, то воронежские дворяне в большинстве своем стремились минимизировать «добровольные пожертвования». Члены

---

¹⁶ Долбилов М.Д. Указ. соч.

¹⁷ Христофоров И.А. Указ. соч. С. 81–117.

комитета, в частности, предложили ограничить усадебную оседлость крестьян нормой в 840 кв. саженей вместо дореформенной нормы в 1400 кв. саженей. На это предложение губернатор Синельников откликнулся весьма ядовитым замечанием: «Стало быть, улучшение быта крестьян, имеющих теперь более 840 саженей земли, начнется с того, что у них отнимут большую часть усадьбы»¹⁸. Кроме того, резкое осуждение губернатора вызвало пожелание дворян получить денежную компенсацию за выкуп личного освобождения крестьян. Ретивые депутаты подсчитали, что средняя стоимость крепостной души в губернии составляла в ту пору 114 рублей 28 копеек. Эта цифра была получена путем капитализации среднего годового дохода с души в 5 рублей 72 копеек. Следовательно, при освобождении более 500 тыс. крепостных, считали депутаты, дворяне губернии сразу потеряют более 50 млн. рублей. Узнав о таких подсчетах, Александр II объявил через губернатора: «Воронежскому губернскому комитету поставить на вид неуместное его ходатайство»¹⁹.

По мнению воронежских депутатов, правительственные чиновники заняли откровенно антидворянскую позицию. Поскольку царя критиковать было невозможно, постольку царское правительство обвинялось в нарушении монарших предначертаний. Предводитель дворянства Нижнедевицкого уезда В. Гринев, в частности, категорически заявил, что осуществление проекта бюрократов-реформаторов приведет к неминуемому разорению дворянства. У многих помещиков его уезда, считал он, земельные владения не превышают 4-х дес. на душу, тогда как петербургские чиновники определили здесь норму земельного душевого надела в 3,5 десятин. Что же останется помещикам? – вопрошал Гринев и призывал вернуться к ясно выраженным положениям рескрипта 20 ноября 1857 г., гарантировавшим неприкосновенность дворянской собственности²⁰. Получалось по поговорке: жалует царь, да не жалует псарь. Такой подход было для депутатов единственно возможным по политическим условиям того времени.

С Гриневым полностью солидаризировался предводитель дворянства Воронежского уезда Ф. Прибытков. В письме Сомову

---

¹⁸ Шевченко М.М. Помещичьи крестьяне Воронежской губернии накануне и в период падения крепостного права. Дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1956. С. 234.

¹⁹ ГАВО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 597. Л. 74.

²⁰ Там же. Д. 659. Л. 68.

от 30 ноября 1859 года. Он прямо заявил, что Редакционные комиссии встали на путь фактического лишения дворянства материальных условий существования. Государь, жаловался Прибытков, ждал от нас жертвы «по возможности». Но предусмотренный для уезда надел в 3,5 дес. с вознаграждением в 8 рублей за эти десятины – это уже не жертва, а «мера, уничтожающая все средства дворян, во-1-х, потому, что земля наша будет оставаться необработанною, ибо крестьянин, будучи в избытке, никогда не захочет наниматься обрабатывать даже и оставшиеся незначительные наши пашни». Во-2-х же, «несправедливо отчуждать собственность с назначением ничтожной платы за землю без согласия владельца». Кроме того, даже такую плату невозможно будет взыскать с крестьян. Помещики просто увязнут в безнадежных тяжбах со своими бывшими крепостными²¹. О том, что земли отбирают много, а размер повинностей установлен слишком малый, писал и Коротоякский предводитель А. Ржевский. Петербургские чиновники рассчитали размер крестьянской повинности в уезде за земли в размере 1 рубля 80 копеек за десятину. Между тем, средняя цена за наем десятины в уезде сейчас 4 рубля, следовательно, на каждой десятине помещик потеряет 2 рубля 20 копеек в год. Если же учесть отсутствие обеспечения исправного поступления платежей, то потери помещиков будут еще более внушительными²². Ржевский умолял повысить повинности хотя бы до 10 рублей серебром за высший надел в 3,5 десятин. И тут мы потеряем, заявлял он, но все же не так разорительно²³.

Воронежские помещики основной доход получали от обработки крестьянами принадлежавших им земельных угодий. Земля здесь была основным источником хозяйственного благополучия, и расставаться с ней дворяне не желали. Вот почему в губернском комитете громче всего звучало требование об ограждении прав дворянства на всю земельную собственность. Поскольку, однако, правительство ясно дало понять, что оно не может допустить полного обезземеливания миллионов крестьянских хозяйств, постольку помещики здесь стремились к максимальному ограничению размеров крестьянского землепользования. Некоторые из них были даже согласны вовсе отказаться от денежной компенсации за крестьянское освоение. Большинство членов комитета высказывало мнение о

---

²¹ ГАВО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 659. Л. 64.

²² Там же. Л. 72.

²³ Там же. Л. 73.

том, что оставление у крестьян дореформенных наделов неминуемо обернется экономическим крахом первого сословия. А вслед за этим непременно рухнут все основы традиционной русской государственности.

Итогом работ комитета стал проект, по которому воронежские дворяне принимали царскую волю, соглашались на «добровольное пожертвование», но при этом заявляли, что справедливым условием реформы они считают сохранение за дворянами всей законной собственности, в том числе земельной. Поскольку же освободить крестьян без всяких ресурсов действительно нельзя, то они предлагают передать им в пользование усадьбы, а также полевые наделы, ограниченные 3 десятинами на крестьянский двор. Причем такое пользование должно быть временным. После определенного срока (например, в 12 лет), эти земли должны стать неотчуждаемой собственностью помещиков. И только после такого формального закрепления собственности, помещики и крестьяне по добровольным соглашениям должны будут урегулировать все имущественные и трудовые отношения²⁴.

Губернатор Синельников и на это предложение комитета ответил резким несогласием. Принимая в соображение среднее число душ в тягле и средний урожай хлеба в губернии, отмечал он, «оказывается, что за определением из оного на обсеменение и для продажи на необходимые в крестьянском быту надобности, снятого с двух десятин озимого и ярового хлеба едва достанет для прокормления тягла»²⁵. О каком же улучшении быта крестьян может идти речь?

Как видно, предложения воронежского комитета расходились с министерской программой, изложенной в рескрипте Назимову. Самое главное расхождение состояло в том, что члены воронежского комитета соглашались на передачу крестьянам усадебной и полевой земли только в ограниченное определенным сроком пользование. Идею постоянного пользования, а тем более обязательного выкупа крестьянами наделов и усадьбы в собственность они поддерживать не желали. Важно отметить, что с точки зрения некоторых депутатов признание помещичьей земельной собственности неприкосновенной совсем не означало бы ухудшение материального положения вышедших из крепостной зависимости крестьян.

---

²⁴ Шевченко М.М. Указ. соч. С. 229–249.

²⁵ ГАВО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 597. Л. 76.

Либеральные чиновники из Министерства внутренних дел такую позицию воронежских дворян расценили как антиреформаторскую и крепостническую. Весной 1859 г. министр внутренних дел С.С. Ланской добился отрешения И.В. Гагарина от должности губернского предводителя дворянства. В этой должности был утвержден более лояльный к планам реформаторов А.Н. Сомов²⁶.

Столкнувшись с дворянскими возражениями, правительство решило установить контроль над обсуждениями в губернских комитетах. Поэтому в марте 1859 г. был учрежден особый орган по координации всех подготовительных работ. Орган это носил скромное название – Редакционные комиссии. Несмотря на такое название, учреждение это работало как единая комиссия, собравшая в свой состав компетентных чиновников и несколько экспертов от общества. Именно Редакционные комиссии, председателем которых был близкий к императору Александру II генерал-адъютант граф Я.И. Ростовцев и подготовили основные законодательные документы крестьянского освобождения. Редакционными комиссиями это учреждение называлось потому, что именно туда поступали проекты всех губернских дворянских комитетов. Но фактически члены Редакционных комиссий не редактировали поступавшие проекты, а вполне самостоятельно разрабатывали всю технологию крестьянского освобождения²⁷. В конце концов, чиновники-реформаторы дополнили свой проект еще одним исключительно важным указанием: окончательное завершение реформы должно наступить после выкупа крестьянами выделенных усадеб и полевых земель с помощью государственного кредита. Редакционные комиссии настаивали на том, чтобы такой выкуп был обязательным и для помещиков и для крестьян. При этом размер его должен был определяться по установленным правительством правилам и нормам²⁸.

Дворянский комитет в Воронежской губернии действовал до апреля 1859 г., т.е. несколько больше установленного полугодового срока. К этому времени Редакционные комиссии завершили сбор предложений от губернских комитетов и приступили к окончательной доводке проекта реформы. В течение лета и осени 1859 г. журналы заседаний Редакционных комиссий направлялись в губернии для того, чтобы дворяне могли предварительно ознакомиться с условиями готовившегося проекта и даже дать

---

²⁶ Долбилов М.Д. Указ. соч. С. 106.

²⁷ Захарова Л.Г. Указ. соч. С. 156.

²⁸ Там же. С. 173–174.

свои замечания. Копии этих журналов поступали и в Воронеж, откуда по распоряжению губернатора, но через губернского предводителя, они направлялись в уезды для дворянского ознакомления.

Отклики с мест (а их, как правило, давали уездные предводители) оказались очень любопытными, хорошо иллюстрировавшими позиции воронежского дворянства. Были, впрочем, и формальные отклики, не содержавшие никакой критики проекта редакционных комиссий, например, от предводителя Коротоякского уезда А.К. Ржевского. Но гораздо больше было весьма содержательных отзывов. Прежде всего, в замечаниях дворян энергично поднималась проблема защиты имущественных прав. Большинство уездных предводителей считало, что вся земля, все угодья и даже все дома и усадебные постройки крепостных крестьян должны быть объявлены безусловной собственностью владельцев. Но объяснялась такая позиция не элементарной жадностью, а желанием добиться юридической определенности либерального, казалось бы, законопроекта.

В откликах очень отчетливо прозвучал мотив непозволительного нарушения Редакционными комиссиями царских обещаний и предначертаний. Как писал Лисаневич, воронежские дворяне дружно и с восторгом отнеслись к рескриптам 1857 года. Но, утверждал он, бюрократы-реформаторы затеяли откровенную ревизию монарших указаний о справедливом для всех сословий ведении дела.

Сильное раздражение у воронежских дворян вызвали определенные петербургскими бюрократами нормы земельного обеспечения крестьян. До сведения местных помещиков доводилось, что высшие нормы душевого обеспечения в губернии устанавливались от 3 дес. (в группе северных уездов) до 4,5 дес. в южных уездах с менее плотным населением. Крайнее негодование высказал, например, предводитель Нижнедевицкого уезда В. Гринев. Редакционные комиссии, писал он, требуют в нашем уезде наделить крестьян по 3,5 дес. на душу. У нас же сейчас земли на душу приходится не больше 4-х дес. Что же нам останется, восклицал предводитель, разорение дворян неминуемо!²⁹

Гринев сгущал краски. Проведенные после составления уставных грамот подсчеты показали, что реальные потери помещиков не были столь драматическими. В Воронежском уезде, например, у 305 владельцев имений до 1861 г. находилось в земельной собственно-

---

²⁹ ГАВО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 597. Л. 68.

сти 157856 дес. земли. Освободившимся крестьянам в надел поступило около 40 тыс. десятин. И по другим уездам доля перешедшей в крестьянское наделное землепользование земли колебалась от 25 до 35% от дореформенного дворянского землевладения³⁰. Исследователями давно установлены и общие итоговые цифры разделы бывшего помещичьего землевладения.

Очень оживленно обсуждался вопрос об обязательном предоставлении крестьянам усадебной оседлости. Согласованная позиция Редакционных комиссий была неизменной: крестьяне должны остаться в своих домах, попытки принудительного их перемещения решительно отменялись. Чиновники боялись, что принудительные перемещения крестьянских усадеб спровоцируют массовые беспорядки.

Вообще обязательность многих условий крестьянского раскрепощения вызывала у дворян острое недовольство. Не без определенного основания они видели в этом противоречие самому духу эмансипации. Обязательное наделение, да еще по обязательным нормам, а затем обязательный выкуп никак не соответствовали представлениям о свободе хозяйственной деятельности. В этом, в частности, были убеждены воронежские депутаты, отправившиеся в августе 1859 г. в Петербург на дворянский съезд. Здесь Гагарин открыто примкнул к так называемой фронде, т.е. оппозиционному выступлению группы аристократов во главе с А.М. Безобразовым. Идеи Редакционных комиссий он с негодованием аттестовал как стремление «ввести административным путем начала коммунизма»³¹. Надо признать, что известные основания для столь резкой оценки у воронежского предводителя были. Под прикрытием фигового листка «добровольного пожертвования» либералы-бюрократы, считал он, заносят в сознание народа зерна социализма. Ни для кого не стало к тому времени секретом, что фактически планировалось, а затем и осуществилось принудительное перераспределение земельной собственности, да еще в громадных масштабах.

Для многих воронежских дворян такое жесткое требование разработчиков реформы было крайне нежелательным. Воронежских помещиков сильно раздражала обязательность целого ряда принципиальных положений готовящейся реформы. Правительственные бюрократы, заявляли некоторые уездные предводители, говорили о предоставлении крестьянам свободы, и об освобожде-

---

³⁰ ГАВО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 781. Л. 26–31.

³¹ Захарова Л.Г. Указ. соч. С. 191.

нии дворян от прежней ответственности. Но какая же это свобода, и какие могут быть свободные сельские обыватели, если практически все главные условия освобождения носят обязательный, фактически принудительный характер, а контроль над их проведением в жизнь должен остаться в руках коронной администрации? Ведь мы и наши предки, заявляли воронежские дворяне, получили земли на законном основании. Уважение к законности, полагали они, требует уважать наши права и доверять нашему желанию цивилизованно отрегулировать имущественные отношения с освобождаемыми крестьянами. Острое неудовольствие методами разработки реформы высказал, в частности, предводитель дворян Богучарского уезда И.В. Лисаневич. Свои замечания на журналы Редакционных комиссий он сопроводил письмом к А.Н. Сомову, в котором с горечью написал: «Я убежден, что все наши старания и ясно выведенные замечания ни к чему не служат, а гг. члены Редакционных комиссий, попросту сказать, нам только по губам мажут»³². В проекте Редакционных комиссий, запальчиво восклицал Лисаневич, «ни одного нет положения, которое бы представили в защиту помещика. Дворяне без капиталов – с именьями более заложенными, на чем оснуют они свои хозяйства для существования своего; воспитание детей, уплата кредитным установлениям – все представляет гибель и безвыходное положение дворян!»³³.

Впрочем, отдельные отклики дворян носили вполне конструктивный характер. Их авторы не меньше чиновников заботились о последствиях реформирования для всей страны, в том числе и для крестьян. Тот же Лисаневич резонно отмечал: «Весь европейский опыт протестует против обязательного выкупа. Личную свободу крестьян совершенно невозможно подчинить одновременному и неременному условию – приобретению ими поземельной собственности, потому что это поведет все дело освобождения к страшной запутанности»³⁴. Вообще, считал предводитель Богучарского уезда, реформаторы не должны навязывать крестьянам и дворянам, как и где им жить. Один хочет быть земледельцем, другой – ремесленником, третий – фабричным, зачем же, вопрошал он, навязывать им обязательный надел, да еще с обязательным выкупом? Освобождение должно быть последова-

---

³² ГАВО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 659. Л. 17.

³³ Там же. Л. 67.

³⁴ Там же. Л. 23.

тельным. «Личные и по имуществу права крестьян могут и должны быть определены по существующим законам для всех свободных сословий в государстве»³⁵.

В личном освобождении крестьян без принудительного наделения их помещичьей землей Лисаневич и его единомышленники не видели ничего предосудительного и уж тем более грабительского. В конце концов, вся земля имения являлась законной собственностью помещика. А после ликвидации крепостного состояния помещик окажется не в меньшей зависимости от крестьян, чем крестьяне от него, ибо он будет остро заинтересован в рациональном использовании своих угодий и, конечно, в рабочих руках вчерашних крепостных. Как утверждал Лисаневич, земельное обеспечение крестьян не может быть достигнуто никаким формальным расчетом, «а должно быть разрешаемо единственно свободным полюбовным соглашением помещиков с крестьянами»³⁶. Во многих откликах воронежских предводителей звучала уверенность, что такие соглашения вполне достижимы, ибо материальная зависимость освобожденных крестьян и их бывших помещиков будет взаимной. Слово же «выкуп земли», писал Лисаневич, должно быть заменено словом «покупка земли», потому что между этими понятиями существует огромная разница, «от которой зависят многие важные последствия». Ведь только покупка может быть результатом обоюдного добровольного и свободного соглашения³⁷.

Любопытно, что Лисаневич, как, впрочем, и другие комментаторы журналов, неизменно подчеркивали, что реформаторы-чиновники отклонились от царских предначертаний. Монарх, напоминал Лисаневич, требовал обеспечить интересы помещиков. Между тем, Редакционные комиссии, писал он, определили надел на душу так велик, «что помещик с грустью должен смотреть на свои опустелые поля, не приносящие ему никакой прибыли». Вместо того, чтобы разорять дворян, настаивал Богучарский предводитель, следовало бы уменьшить крестьянский надел и тогда у нас «все будет миролюбиво»³⁸.

В рассуждениях Лисаневича сквозила и тревога по поводу будущей крестьянской задолженности. Помещики, считал он, непременно столкнутся с необязательностью крестьянских платежей за

---

³⁵ ГАВО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 659. Л. 24.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. Л. 28.

³⁸ Там же. Л. 67.

выкуп земли. Поэтому богучарский предводитель требовал, чтобы свои долги крестьяне платили казначейству³⁹.

Именно обязательность выкупа земли как для помещиков, так и для крестьян раздражала и беспокоила многих воронежских дворян. Принудительное для всех домохозяев приобретение наделов, замечал предводитель Бобровского уезда Н.А. Северцов, может привести к тому, что часть крестьян разбазарит землю, «вследствие лености, беспорядочного хозяйства и пьянства»⁴⁰. Совсем не каждый крестьянин мог и хотел быть земледельцем. Но либеральные бюрократы шли, по мнению Северцова, совсем не по либеральному пути принудительного перераспределения земельного фонда в пользу всех крестьян поголовно. Дворян призывают обеспечить быт крестьян, но обеспечить они могут лишь если сами хорошо устроятся, «и переселение, если крестьяне не подвергаются неознагражденным ущербом, – есть одно из лучших средств облегчить для помещиков улучшение быта крестьян». Ведь без переселений и помещиков и освобожденных крестьян замучают оставшаяся чересполосица и неизбежные при ней конфликты!⁴¹

Вообще, если речь пошла об освобождении, то, считал Северцов, реформаторам следует отказаться от политики принуждения. В разумном компромиссе после реформы будут заинтересованы обе стороны. «Помещику выгодно, чтобы его земли нанимались и обрабатывались крестьянами, принося ему, таким образом, доход». Разговоры о том, что без обязательного наделения землей крестьяне экономически пострадают, Северцов считал лишены оснований. Помещики, утверждал он, не меньше зависят от крестьян, чем крестьяне от помещиков. Земля автоматически доход не приносит. Поэтому помещики и после отмены крепостного права будут остро нуждаться в крестьянском труде. А так как предложений о сдаче земли в наем будет очень много, аренда для крестьян никак не будет обременительной. «Отсюда ясно, что конкуренция и обилие предложений земли скорее понизят нынешние наемные цены на землю, исключение будет редким и в весьма немногих местностях».

Позиция Северцова была по-своему логична: при крепостном праве крестьяне пользовались помещичьей землей, они будут ею пользоваться и получив личную свободу. Значит, хуже им не будет.

---

³⁹ ГАВО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 659. Л. 67.

⁴⁰ Там же. Л. 14.

⁴¹ Там же. Л. 47–48.

Но при этом он будет знать, что при неуплате повинностей он может лишиться нанимаемого надела. Это, считал Северцов, «будет достаточным средством понудить их к исполнению своих обязанностей к помещику и возвысит народный кредит, значительно упавший в настоящее время»⁴². Предводитель, иначе говоря, в сохранении законных прав дворянской собственности видел залог установления режима взаимного доверия между помещиками и освобожденными крестьянами. Если же реформаторы опасаются, что найдутся помещики, которые все-таки не захотят отдавать свои земли в наем крестьянам, то можно, считал Северцов, принять решение об обязательном предоставлении крестьянам вычисленного Редакционными комиссиями минимального надела. Но и в таком случае условия предоставления земли должны быть свободными. Только путем свободных соглашений можно прийти к взаимовыгодному устройству хозяйственной жизни. При свободных условиях и при очевидном недостатке капиталов «нашлось бы много помещиков, которые бы согласились всю свою землю арендовать (т.е. сдавать в аренду. – М.К.) крестьянам, отчего еще более бы увеличилось благосостояние сих последних, и помещики согласились бы на такую меру тем охотнее, когда бы видели в правительственных властях готовность не буквой, а на деле подтвердить коренные наши законы и милостивые слова государя императора о неприкосновенности помещичьих поземельных прав»⁴³.

Все это было написано в ноябре 1859 г. В концептуальном отношении Бобровский предводитель был, несомненно, более либерален, чем чиновники из Редакционных комиссий. Хотя схему он, конечно, рисовал сугубо умозрительную. Для успеха предложенного им варианта требовалось наличие цивилизованных землевладельцев и не менее цивилизованных крестьян-арендаторов.

Между прочим, в своем отклике предводитель Богучарского уезда Лисаневич затронул очень важную и сложную тему экономического прогнозирования. Обязательное и нормированное наделение крестьян земельными наделами, а затем и их выкуп, писал он, приведут к громадной дробности русского земледелия. При сохранении общинного землепользования раздробленность аграрной экономики усугубится чересполосицей. Мобилизация земли в руках крепких хозяев будет сильно затруднена. Неизбежное при обязательном выкупе распыление ресурсов станет боль-

---

⁴² ГАВО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 659. Л. 59.

⁴³ Там же. Л. 60.

шим тормозом в развитии сельского хозяйства пореформенной России⁴⁴. Весь европейский опыт, писал он, говорит о вреде от «мелкого дробления поземельной собственности». Экономический прогресс, ради которого и начиналась реформа, считал Лисаневич, возможен только при условии действительной свободы хозяйственных отношений. Обязательное же наделение землей всех сельских обществ, да еще и при обязательном выкупе под контролем администрации противоречит самому духу экономической свободы. Идиллическая картина мужицкого царства никак не соответствует задачам преодоления российской отсталости. Зачем, вопрошал Лисаневич, крестьянин «неприменно должен от своего же помещика приобретать в собственность достаточное количество земли, отчего же приобретение это не может быть и от лиц всех других сословий или и от ведомств государственных имуществ? Далее, зачем это ограничение: приобретать крестьянину непременно достаточное количество земли, заключающейся в усадьбе, поле и других угодьях – отчего же свободному крестьянину не предоставить на самом деле эту свободу в выборе себе того, что действительно ему нужно и пригодно и что сообразуется с его жизненными потребностями?»⁴⁵.

За подобного рода рассуждениями виден, конечно, не просто сословный эгоизм. Сведущие помещики резонно замечали, что прогресс в земледелии идет совсем в другую сторону. Если в России сохраниться великое множество мелких крестьянских хозяйств, да при этом с достаточными материальными ресурсами, то будет неизбежно ограничено развитие внутреннего рынка. Это предостережение не было беспочвенным.

Таким образом, дворянское обсуждение журналов Редакционных комиссий отчетливо выявило различие подходов к готовящейся реформе. Правительственные реформаторы, опасаясь упустить контроль над положением дел, исходили из обязательной регламентации экономических и социальных отношений в реформируемой деревне. Дворяне же выступали против такой чрезмерной регламентации и бюрократической опеки. По мнению руководителей Редакционных комиссий, коронная администрация не могла допустить произвольного подхода к определению новых условий жизни, как помещиков, так и крестьян. Они считали, что без чиновничьего надзора успех такого масштабного преобразования невозможен. Как

---

⁴⁴ ГАВО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 659. Л. 16–17.

⁴⁵ Там же. Л. 27.

полагали правительственные реформаторы, вся история Российского государства свидетельствует о том, что без административного контроля и регулирования народ очень скоро отучится работать и жить на определенном месте. По мнению же Лисаневича, бюрократическая регламентация никак не вяжется с духом освобождения, хотя и отражает вековые традиции отношения власти к народу. «Нельзя не сознаться, – сетовал предводитель, – что во всей жизни нашего народа мы всё и всегда хотим устраивать помимо его нужд и убеждений, а потому впадаем очень часто в страшные ошибки и нескончаемые противоречия»⁴⁶. При обязательном наделе, считал Лисаневич, крепостное право, может быть, и будет смягчено, но не будет уничтожено полностью. Ведь крестьян хотят прикрепить к земле. «Личные и по имуществу права крестьян, настаивал он, – могут и должны быть определены по существующим законам для всех свободных сословий в государстве»⁴⁷.

Весьма энергично настаивал на преимуществах свободных договоров перед обязательным наделением и предводитель дворян Бобровского уезда Д.А. Северцов. В отзыве, составленном в ноябре 1859 г., он заявлял, что страхи бюрократов по поводу крестьянского обезземеливания, лишены оснований. Помещикам просто необходимо будет предлагать землю крестьянам в аренду, и чем больше у них будет земли, тем шире будет предложение. В случае же свободного найма крестьяне будут пользоваться «таким количеством земли, которое бы вполне соответствовало их нуждам и средствам». Не надо забывать, отмечал Северцов, что «добровольные условия исполняются всегда охотнее и вернее, оттого поднялся бы и развился народный кредит». В крайнем случае, помещиков можно обязать отдавать в аренду крестьянам земли по вычисленным хозяйственным департаментом МВД для центральных губерний минимальным размерам. Таким путем было предотвращено массовое народное бродяжничество, которого так опасаются чиновники-реформаторы. Но право дворянской собственности нарушать ни в коем случае нельзя. При свободных условиях и при недостатке денежных капиталов, замечал Северцов, «нашлось бы много помещиков, которые бы согласились всю свою землю арендовать крестьянам, отчего еще более увеличилось бы благосостояние сих последних». Помещики, утверждал предводитель, «согласились бы на такую меру тогда тем охотнее, когда бы видели в правительственных властях готовность не

---

⁴⁶ ГАВО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 659. Л. 24.

⁴⁷ Там же.

буквой, а на деле подтвердить коренные наши законы и милостивые слова государя императора о неприкосновенности помещичьих земельных прав»⁴⁸.

Лисаневич и Северцов, конечно, были более либеральны, чем опекуны из стана правительственной бюрократии. Но только с формальной точки зрения. Нельзя забывать, что представители высшей администрации не менее резонно указывали на то, что народу едва ли понравится радикальное освобождение и от помещика и от земли. Не зря Ростовцев уверял, что безземельного освобождения наши крестьяне не примут, а попытка его проведения зажжет Россию⁴⁹.

Весьма острое недовольство воронежских дворян вызвало и строгое предписание проекта Редакционных комиссий о прекращении права помещиков на переселения крестьян. Предводитель дворянства Бобровского уезда Северцов в своем отзыве отметил, что такое ограничение помешает справедливому освобождению. Напротив, заявил он, переселение «есть одно из лучших средств облегчить для помещиков улучшение быта крестьян»⁵⁰. В противном случае в деревне на долгие годы сохранится чересполосица, чреватая тяжелыми конфликтами и низкой культурой возделывания полей. Примерно так же рассуждал предводитель дворянства Новохоперского уезда Л. Богушевский⁵¹.

Убедить либеральную бюрократию доводы воронежских дворян не могли. По мнению реформаторов, отход от жесткой регламентации может привести к экономическому хаосу и к крайне опасной социально-политической дестабилизации. Тем более, что в кругах социалистически настроенной радикальной интеллигенции уже был озвучен и третий (кроме бюрократического и дворянского) подход к освобождению крестьян, связанный с полным, вплоть до физического, уничтожения дворянства как сословия.

Что же в итоге провозгласил Манифест 19 февраля 1861 года? О его содержании воронежские крестьяне узнали 10 марта в местных храмах от своих священников. К этому времени во все приходы было завезено свыше 4000 экземпляров Манифеста. Поме-

---

⁴⁸ ГАВО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 659. Л. 60.

⁴⁹ Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. Хроника деятельности комиссий по крестьянскому делу Н.П. Семенова. СПб., 1889. Т. 1. С. 466–477.

⁵⁰ ГАВО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 659. Л. 48.

⁵¹ Там же. Л. 75.

щики потеряли право собственности на крестьян, бывшие крепостные становились субъектами определенных гражданских и имущественных правоотношений. Крестьяне получили право приобретать собственность и вести самостоятельное хозяйство. В 1861–1863 гг. в Воронежской губернии, как и во все стране, были составлены и официально утверждены уставные грамоты, т.е. особые документы, в соответствии с которыми дворяне должны были передать усадьбы и часть земельных угодий крестьянам в пользование, а крестьяне обязаны были нести за эти наделы установленные законом повинности. Полученные в пользование земельные наделы крестьяне с течением времени должны были приобрести в собственность путем обязательного выкупа. Кредитором выкупной операции являлось государство, которое назначало фиксированную цену на отведенные крестьянам наделы. После оформления земли в собственность крестьяне обязаны были погашать долг государству так называемыми выкупными платежами в течение 49 лет. Земля передавалась крестьянам по установленным Редакционными комиссиями нормам. Важнейшими критериями расчета была плотность населения, а также существовавшие при крепостной зависимости наделы при их некотором понижении⁵². В Воронежской губернии высшие (или предельные для крестьян) нормы колебались по уездам от 3 до 4 дес. на мужскую душу (1 дес. равнялась 1,1 га). Небольшая часть безземельных крестьян получила земельные наделы по низшей норме (1/3 высшей), некоторые крестьян (около 20%) предпочли получить в собственность так называемый дарственный надел (1/4 часть высшей нормы), за который они не несли повинности и не платили выкуп. В итоге общий размер землепользования бывших помещичьих крестьян сократился примерно на 20–25% и составил в Воронежской губернии около 450 тыс. десятин⁵³.

Определенные материальные издержки несли помещики при освобождении дворовых людей. Эта относительно немногочисленная категория зависимых людей сохранялась, главным образом, в крупных имениях. При освобождении они не имели права на получение земельного надела, но неспособные к работе или не имевшие постоянных занятий должны были в течение двух лет получать ма-

---

⁵² Долбилов М.Д. Статистический эксперимент реформаторов: коллизии в расчетах высших размеров крестьянских наделов при освобождении // Россия сельская. XIX – начало XX века. М., 2004. С. 103–104.

⁵³ Очерки истории Воронежского края... Т. 1. С. 270.

териальное содержание от своих бывших господ. При этом взрослые получали по 2 пуда муки в месяц, а также пособия на жилье и одежду. По подсчетам члена губернского присутствия Стишинского, помещик должны были за два года заплатить взрослым бывшим дворовым-мужчинам по 42 рубля 10 копеек, женщинам по 40 рубля 66 копеек, несовершеннолетним по 18 рубля 10 копеек⁵⁴.

Коронной администрации удалось относительно благополучно провести крестьянские реформы в жизнь. Но в немалой степени тактический успех преобразования был обеспечен позицией воронежского дворянства. Сразу после оглашения крестьянского освобождения они приняли деятельное участие в формировании института мировых посредников, на плечи которых легла основная нагрузка по составлению уставных грамот и устройству новых правил управления деревней, а также при определении экономических условий раскрепощения. В 1863 г. на основании положений Манифеста 19 февраля 1861 г. была проведена реформа, касавшаяся жизни удельных крестьян, а в 1866 г. последовала аналогичная реформа государственной деревни. Все категории крестьянства становились «свободными сельскими обывателями» с правом и обязанностью приобретать землю в собственность. Но, конечно, реформировать государственную деревню было гораздо проще: здесь не надо было перераспределять земельной собственности, все существовавшие наделы крестьяне сохраняли за собой. В пользовании государственных крестьян находилось около 3 млн. дес. земли, бывшие удельные имели около 5 тыс. десятин. На 1 двор бывшие помещичьи крестьяне имели в среднем около 5,5 дес., бывшие удельные и государственные крестьяне – свыше 11 дес. земли⁵⁵.

Законодательство сохранило сословную замкнутость крестьянства. В Воронежской губернии свыше 98% крестьян являлись общинниками. Земля передавалась в пользование, а затем и в собственность всего сельского общества. Распределение угодий осуществлялось сельским сходом домохозяев, как правило, уравнительно по числу мужских душ и с периодическими переделами. Сохранялась круговая порука при исполнении государственных, земских и иных повинностей, а также при нарушениях общественного порядка.

Тем не менее, крестьянская реформа сыграла выдающуюся роль в судьбе России. В Воронежской губернии отмена крепостного права привела к росту мобильности крестьянства, развитию сельского и

---

⁵⁴ ГАВО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 10. Л. 8.

⁵⁵ Воронежская энциклопедия. Воронеж, 2008. Т. 2. С. 65.

городского предпринимательства. Многие крестьянские хозяйства пригородных районов начали переходить к товарно-рыночным отношениям⁵⁶. Наряду с этим в экономике и в социальных отношениях стали нарастать те негативные тенденции, о возможности появления которых предупреждали дворянские депутаты. Принудительное наделение землей по установленным нормам и обязательный выкуп привели к быстрому росту относительной избыточности аграрного населения. С течением времени стало резко сокращаться душевое земельное обеспечение крестьян. Средний душевой надел всех категорий крестьян за пять пореформенных десятилетий сократился в губернии почти в два раза – с примерно 4,5 дес. до 2,6 десятин. Неблагоприятная экономическая конъюнктура, натурально-потребительское и с рыночной точки зрения неэффективное хозяйство породили атмосферу крестьянского малоземелья, а вместе с ней и проблему «оскудения Черноземного центра».

Как и предвидели воронежские дворяне, очень ощутимыми оказались и материальные потери частных землевладельцев. Утратив право на бесплатный труд крепостных, многие помещики не смогли перестроить свои хозяйства и не выдержали экономических трудностей. К началу XX в. примерно 40% дворянских земель было распродано. Все это привело к росту социально-политической напряженности. Массовые погромы помещичьих усадеб во время революции 1905–1907 гг. поставили власть перед жгучей потребностью «второго раскрепощения». Так именовался в ту пору аграрный курс правительства П.А. Столыпина, направленный на ликвидацию общинных порядков и приватизацию крестьянской наделной земли. Программа масштабного реформирования включала в себя рациональное землеустройство, развитие просвещения, кооперации, агрономической и ветеринарной помощи, переселения крестьян на свободные земли за Уралом. За оставшиеся до начала мировой войны годы новое «раскрепощение» принесло ряд обнадеживающих результатов. Но запоздавшая программа реформирования требовала длительного времени. Разразившаяся мировая война, а вслед за ней и грандиозная революционная ломка старого режима показали, что такого времени у российской монархии не осталось.

---

⁵⁶ Перепелицын А.В. Крестьянские промыслы в центрально-черноземных губерниях России в пореформенный период. Воронеж, 2005. С. 91–110.

БИОГРАФИКА

УДК 070(560) | 18 | +929Блакю

«LE SPECTATEUR ORIENTAL», АЛЕКСАНДР БЛАКЮ И РАЗВИТИЕ ПРЕССЫ В ТУРЦИИ В 1820-е ГОДЫ

А.В. Гладышев

Саратовский государственный университет,
кафедра истории нового и новейшего времени
E-mail: Gladav2002@mail.ru

Статья посвящена истории становления в Турции прессы. Первые газеты Турции – франкоязычные издания. В 1820-е гг. в портовой и торговой Смирне, где была большая колония французов, выходило три таких газеты. В данной статье рассматривается история одной из них – «Le Spectateur Oriental». Эту газету отличали русофобские и грекофобские настроения. Ее главный редактор и собственник А. Блакю в современной турецкой историографии квалифицируется как «предшественник Танзимата».

Ключевые слова: История Турции, Смирна, пресса, «Le Spectateur Oriental», Александр Блакю, русофобия, грекофобия.

«LE SPECTATEUR ORIENTAL», ALEXANDER BLACQUE AND DEVELOPMENT OF THE PRESS IN TURKEY IN 1820-IES YEARS

A.V. Gladishev

This article is dedicated to the establishment of the press in Turkey. The first Turkish newspapers were French-speaking publications. In 1820-ies years in the port and trading Smyrna, where there was a large colony of the French, published three of these newspapers. In this article examines the history of one of them – «Le Spectateur Oriental». This newspaper featured russophobe and ellinofobiya mood. Its editor and owner of A. Blacque in modern Turkish historiography qualifies as a «forerunner of Tanzimat».

Key words: History of Turkey, Smyrna, press, «Le Spectateur Oriental», Alexander Blacque, russophobia, ellinofobiya.

Становление периодической прессы в современном смысле слова началось в Турции в середине 1820-х годов¹. И главную роль в этом

---

¹ Небольшие бюллетени, сделанные иностранцами и для иностранцев, появились в Константинополе еще в конце XVIII века. Теперь же речь пой-

процессе сыграли французские подданные, обосновавшиеся на турецких берегах. Центром франкоязычной периодики стала Смирна. Константинополь на тот момент просто не мог им быть по политическим причинам, а торговая Смирна казалась для этого достаточно аполитичной и космополитичной, к тому же здесь уже довольно давно сложился центр французского влияния в Леванте.

Смирна (тур. Измир) – была главным портом Турции в восточном средиземноморье. Вопросы социальности турецкого общества в целом и населения Смирны в частности давно стали предметом интереса исследователей². В историографии Смирну иногда называют «космополитичным городом», не всегда уточняя, что это собственно означало³. Население города было полиэтнично и поликонфессионально, говорило на различных языках. Но помимо этих

дет о «почти регулярных» изданиях, сообщающих не официальную точку зрения французских властей, а выражающих редакторскую позицию, показывающих события в их развитии, будь то новости из Лондона или состояние портового трафика в Смирне, и привлекающие читателя собственной точкой зрения на актуальные сюжеты, равно как и обзорами зарубежной или местной прессы. См.: *Groc C., Çağlar T. La Presse française de Turquie de 1791 à nos jours. Histoire et catalogue. Istanbul, 1985. P. 6–7. Подр. см.: Гладышев А.В. Франкоязычная пресса в Константинополе в период Французской революции // Турция – мост между Западом и Востоком: история, культура, политика и образование. Саратов, 2010. С. 9–27.*

² См., напр.: *Smyrnelis M.C. Colonies européennes et communautés ethnico-confessionnelles à Smyrne, coexistence et réseaux de sociabilité (fin du XVIII – milieu du XIX siècle) // Vivre dans l'Empire ottoman: Sociabilités et relations intercommunautaires (XVIIIe–XXe siècles). Paris, 1997. P. 173–195.* Главная идея этого сборника статей сводится к тому, что османское общество, которое долгое время рассматривалось в «уставных» терминах, должно быть изучено под углом социальных и культурных практик, а межгосударственные связи не должны рассматриваться отдельно от глобального изучения турецкой «социальности» (Р. 7). См. также: *Neyzi L. Remembering Smyrna. Izmir, 2008.*

³ *Ilbert R. Alexandrie cosmopolite? // Dumont P., Georgeon F. (dir.). Villes ottomanes à la fin de l'Empire. Paris, 1992. P. 171–185.* Как пишет Пьер-Ив Борепер, «если Константинополь был столицей Османской империи, то Смирна была нервным центром товарообмена со Средним Востоком». И центр этот был космополитичен. В Смирне как минимум с первой половины XVIII в. существовала дочерняя марсельская ложа с показательным названием «Saint-Jean d'Écosse des Nations Réunies». Марсельская ложа и ложа Смирны сущность масонства согласны были видеть в двух словах: «космополитизм» и «свобода». См.: *Beaurepaire P.-Y. Le cosmopolitisme maçonnique // Cahiers de la Méditerranée. 2003. № 67. P. 1.* Эрве Георгелен переход от космополитизма в Смирне к национализму вообще назвал «концом города». См.: *Georgelin H. La fin de Smyrne: Du cosmopolitisme aux nationalisms. Paris, 2005.*

различий (и над ними) существовала «общность интересов», которая объединяла жителей этого средиземноморского порта. Когда, если верить словарю Робера, во французском языке появился термин «космополитизм», то он подразумевал «очень широкую географическую разверстку». Могли ли жители Смирны в понимании «общности интересов» выйти за пределы своего города или же это был специфический «городской космополитизм»? Этот вопрос рассмотрен в многочисленных работах Мари-Кармен Смирнелис⁴, которая обратила внимания, что ни в официальных документах Смирны, ни в воспоминаниях путешественников, посещавших этот город термины «космополитизм» и «космополит» не использовались⁵. Напротив путешественники предпочитали описывать различия, пестроту населения. В Османской Порте о Смирне вообще часто говорили как о «неверной», имея в виду очень значительную пропорцию христианского населения города⁶. Несмотря на все это М.-К. Смирнелис попыталась взглянуть на население Смирны поверх различий, и акцентировала на унификационных принципах османского общества, на социальных сетях, все более связывающих день ото дня население города. Изучив семейные и личные связи, она пришла к выводу, что в конечном итоге между различными группами и общностями населения Смирны завязались «сети отношений» как в самом городе, так и за его пределами. Ансамбль этих сетей и создает «космополитичную Смирну».

Затем она попыталась определить, сформировалась ли в Смирне национальная самоидентификация? Как идентифицировать уроженца Смирны, чей отец был французом, а мать венецианкой,

---

⁴ *Smyrnelis M.C. Coexistences et réseaux de relations à Smyrne aux XVIIIe et XIXe siècles. 2003; Idem. Une société hors de soi: identités et relations sociales à Smyrne aux XVIIIe et XIXe siècles. Paris-Louvain, 2005.; Idem. Smyrne, la ville oubliée? 1830–1930. Mémoires d'un grand port Ottoman. Paris, 2006.*

⁵ *Smyrnelis M.-C. Coexistence et réseaux de relations à Smyrne aux XVIIIe et XIXe siècles // Cahiers de la Méditerranée. 2003. № 67. [En ligne].*

⁶ В своей докторской диссертации Смирнелис привела приблизительные пропорции: на 100000 населения в Смирне во второй половине XVIII в. приходилось от 50 до 60000 мусульман, от 7 до 8000 армян, около 5000 евреев, 30000 греков и 700 до 800 европейцев. Но в динамике рост населения Смирны в XIX в. происходил в первую очередь из-за притока европейцев и евреев (к концу XIX в. – 15000 и 25000 соответственно). См.: *Smyrnelis M.-C. Une société hors de soi... P. 46–56. А, если верить подсчетам Робера Париса, то половина европейцев или даже больше были торговцы – от 300 до 400 человек, из них до полусотни французов. См.: Paris R. Histoire du commerce de Marseille. T. 5: de 1660 à 1789. Le Levant. Paris, 1957. P. 445.*

который по католической обряды женился на православной гречанке и не знал другого языка, кроме греческого? И как определить национальную идентичность их детей, рожденных на берегах уже Черного моря? Или это и есть «космополиты» – «граждане вселенной», люди, которым безразлично, «в какой стране жить». Вывод Смирнелис: идентичность населения Смирны может быть изображена как площадка для игр с достаточно широким диапазоном возможностей для отдельный «игровых ударов»⁷. Житель города был инкорпорирован в те или иные, многочисленные и различные, социальные сети и осознавал *общность интересов* с другими жителями. И это касалось не только элит города, а всех, кто так и или иначе участвовал в жизни Смирны. Эта общность интересов требовала самовыражения, и печатное слово стало неизбежным ответом на потребность коммуникации, информирования и защиты этих самых интересов. Специфичность, если так можно выразиться, «менталитета смирнианца» отразиться естественным образом на характере издаваемых здесь газет.

Авторы разнообразных «Историй прессы» и «Историй Измира» охотно указывают на 1824 г. как на год, когда в Смирне появилась первая газета⁸. Это, якобы, была «Le Smyrneen», издававшаяся с января по октябрь 1824 года. Затем ее сменили «Le Spectateur Oriental» (октябрь 1824 г. – декабрь 1827 г.) и «Courier de Smyrne» (январь 1828–1831 гг.). Эти издания давно уже стали не просто библиографической редкостью, а настоящими раритетами. Оттого-то вокруг них так много зыбкого и предполагаемого.

---

⁷ Для сравнения приведу мнение побывавшего в Турции в середине 1820-х годов. Шарля Деваля: «Франков в Смирне уважают гораздо более, нежели в Константинополе. <...> В предместье франков, лежащем на берегу моря, живут купцы и консулы, и почти все с семьями. Там царствует совершенное согласие и дух общности, почему там жить весьма приятно. <...> Путешественник на берегах Мелеса может наслаждаться теми же самыми удовольствиями, как на берегах Сены или Темзы. Он найдет там даже и французскую Академию, заведенную за несколько лет пред сим. Г. Давид был основателем и первым президентом оной». См.: *Деваль III. Два года в Константинополе и Морее (1825–1826)*, или исторические очерки Махмуда, янычар, новых войск, Ибрагима-паши, Солимана-Бея и проч. СПб., 1828. С. 159–160.

⁸ *Groc C., Çağlar T.* Op. cit. P. 7; *Gürsoy M.* Tarihi, Ekonomisi ve İnsanları ile Bizim İzmirimiz. İstanbul, 1993. P. 216; *Joëlle P.* La presse française de Turquie, canal de transmission des idées de la Révolution // *Le Temps des medias.* 2005. № 5. P. 176 и др.

Точная дата выпуска первого номера «Le Smyrnéen» никем не уточняется: поначалу газета не была регулярной и просто предполагается, что первый ее номер появился в январе. Предположение это пошло с Лагарда, который в книге Анри Дехерена⁹ обнаружил ссылку на заметку в «Le Spectateur Oriental» («Восточный Обозреватель») из Смирны по поводу похорон 20 января 1824 г. в Константинополе Руффина (Ruffin), который долгие годы (с 1798 г., с перерывами) работал в качестве поверенного в делах Франции в Константинополе. У Анри Дехерена, полагал Лагард, имела место ошибка «Le Spectateur Oriental» не мог появиться раньше октября 1824 г., так как в переписке генерального консула Смирны Давида (David) с Константинополем за 15 октября 1824 г. четко значится газета «Smyrnéen». Не став искать других объяснений, кроме «ошибки», Лагард датировал рождение «Smyrnéen» январём 1824 года¹⁰. С той поры 1824 г. и стал (в первую очередь для франкоязычных историков) «официальным» годом появления в Смирне первой газеты: обычно, вслед за Лагардом исследователи указывают, что с января 1824 г. в Смирне появляется новая французский почти ежемесячная газета под названием «Le Smyrnéen»¹¹.

Но, во-первых, различные англоязычные издания 1822–1823 гг. уже упоминают о существовании в Смирне французской газеты под названием «Le Spectateur Oriental»¹². Во-вторых, и в российском «Сыне отечества» в разделе «Политические новости» за 1823 г. также публиковались донесения из Турции русских по-

---

⁹ *Dehérain H.* La vie de Pierre Ruffin, orientaliste et diplomate, 1742-1824. Paris, 1930. Т. 2. P. 275, note 1.

¹⁰ *Lagarde L.* Notes sur les journaux française de Smyrne à l'époque Mahmoud II // *Journal Asiatique*. Paris, 1950. P. 103, note.

¹¹ Селим Нузет в книге «Турецкая журналистика» писал, что в начале XIX в., различные этнические группы в Измире начали издавать свои газеты: «Aydin» и «Hizmet» – на турецком языке, «Amalthee», «Armonia» и «Nea Smyrni» – по-гречески, «Esperanza» и «Nouvelliste» – на еврейском языке. Но первой была франкоязычная ежемесячная «Smyrnéen». См.: *Nuzhet S.* Turkish Journalism, 1931.

¹² В издаваемой в Филадельфии «The Saturday magazine», представлявшей собой компиляцию из различных британских ревью и научных изданий, читаем: «Одна новая французская газета напечатана в Смирне под заголовком «Восточный Обозреватель»; другая издана в Российской империи в Одессе; две французских газеты появляются в Мадриде...». См.: *The Saturday magazine*. 1822. Т. 2. P. 390. Тот же отрывок слово в слово см.: *Chritmas H., Fitzclarenct G.A.F.* The Literary gazette: A weekiy journal of literature, science and the finearts. 1823. Т. 6. P. 76.

сланников, в которых упоминается «Spectateur oriental»¹³. И не просто упоминается: по информации, содержащейся в этом издании, судят о достоверности слухов!¹⁴ В-третьих, на сайте Levantine Heritage¹⁵ в перечне архивных документов указано, что «Le Spectateur Oriental» издавалась в Смирне с 24 марта 1821 г. до 1837 г. один раз в неделю, хотя при этом издатели названы, начиная только с 1824 г. В турецкой историографии (правда, как мы ниже увидим, далеко не всегда) в качестве «даты рождения» прессы упоминается все же 1821 г., и первой газетой называют именно «Le Spectateur Oriental»¹⁶: после начала 25 марта 1821 г. греческого восстания в Измире начала публиковаться газета «Le Spectateur Oriental»¹⁷.

«К сожалению, отсутствие документов не позволяет представить полную и детальную панораму, углубленный анализ франкоязычной прессы в Турции»¹⁸. И это, пожалуй, будет самым правильным заявлением, непретенциозным, но справедливым. В первую очередь его следует отнести к начальному периоду истории прессы в Турции: истоки – затянуты болотной ряской времени, и все упоминаемые в исследованиях в этой связи даты скорее ориентируют, нежели удовлетворяют. Необходимы архивные изыскания, а до тех пор и авторитетное мнение Лагарда должно быть поставлено под сомнение: мы должны вести речь не о «Le

---

¹³ Напр.: «В Spectateur oriental напечатаны следующие известия о войне греков с турками <...>. На море видим тоже: при появлении турецких флотов, греки оставляют слабые места и убегают в крепкие порты. Таким образом все жители Миконы неоднократно оставляли сей остров и переселялись на Ипсару, Специоты на Идру, а жители Сиры в Тине. С Эвбеи переправились они на ближайшие острова. Афинские Греки трижды переселялись в Саламин и Эгину. Кандиоты уходили на скалы, окружающие их остров. Сия война не может сравниться ни с какой другой, и противопоставляет туркам непреодолимые препятствия» (Сын Отечества. 1823. Ч. 90. № 50).

¹⁴ «С австрийским кораблем, вышедшим 22 октября из Константинополя, получено было в Триесте известие, что отряд греческого флота разбит при Лемносе алжирской эскадрой, и что греки должны были сжечь три брандера, чтоб оные не попались в руки неприятелей. Сие известие не достоверно, потому, что в Смирнской Газете: Spectateur oriental об оном не упоминается» (Там же. Ч. 89. № 46).

¹⁵ <http://www.levantineheritage.com/newsp2.htm>

¹⁶ Koloğlu O. Blacque, Alexandre (1797–1837) // Türk ve Dünya ünlüleri Ansiklopedisi. İstanbul, 1984. S. 2. В этой же энциклопедической заметке указывается, что владельцем «Le Spectateur Oriental» в 1821 г. был француз Ру (Roux).

¹⁷ Koloğlu O. Osmanlı Basınının Doğuşu ve Blak Bey Ailesi İstanbul, 1998. S. 9.

¹⁸ Groc C., Çağlar T. Op. cit. P. 5.

Smyrnéen», а о «Le Spectateur Oriental», как о первой французской газете в Смирне. И у Дехерена, вовсе не ошибка, как полагал Лагард, а «Le Spectateur Oriental» еще выходил в январе 1824 года.

Направленность газеты можно было бы охарактеризовать как двойственную. С одной стороны, акцентировались страх и паника в Смирне из-за греческого восстания, с другой – осуждался указ султана, приведший к резне невинных греков, жертвам и мукам. С одной стороны газета повествовала о «геройствах» пиратов с острова Сакиз (Sakız), добравшихся до окрестностей Смирны наносящих ущерб местным торговцам, с другой стороны – в подробностях описывались зверства янычар над греками. Главной целью газеты было показать, как атмосфера паники, вызванная восстанием и ответными действиями правительства, мешали развитию торговли. «Le Spectateur Oriental» с одной стороны, выказывал сочувствие грекам и подчеркивал ответственность турецкой аристократии, молча взиравшей на кризис, потрясавший регион, с другой стороны – требовал обеспечения безопасности торговли и невмешательства в действия османского правительства. В конечном итоге, турецкое правительство стало протестовать против публикаций в газете, и французское посольство вынуждено было реагировать. 17 марта 1824 г. газета была закрыта.

Что касается «Le Smyrnéen», то о ней известно совсем немного: она и издавалась-то всего около полугода. Основал и первое время руководил ею француз Шарль Трикон (Charles Tricon). В целом, как указывают исследователи¹⁹, это было издание сочувствовавшее грекам, следующее общей линии парижских настроений и правительственных заявлений, хотя и позволяющее себе некоторую критику административных актов поверенного в делах Франции в Константинополе графа Борепэра (Beaurepaire)²⁰.

Из переписки, сохранившейся в Министерстве иностранных дел Франции, известно, что бы Борепэр через генерального консула

---

¹⁹ Groc C., Çağlar T. Op. cit. P. 7.

²⁰ С декабря 1821 по 21 февраля 1823 г. 36-м полномочным послом Франции в Турции был маркиз Жюст Понс Флоримонд де Фей де Латур-Мобур (Fay de La Tour-Maubourg), его сменил поверенный в делах граф Борепэр (Beaurepaire), а 9 июня 1824 г. в Константинополь прибыл 37-й полномочный посол Франции в Турции генерал-лейтенант граф Гюиллемино (Guilleminot). С марта 1826 г. по сентябрь 1827 г. его заменял поверенный в делах Эмиль Дезаге (Emile Désages). В сентябре 1827 г. Гюиллемино вернулся, но уже 8 декабря вместе с послами других союзных держав оставил столицу Турции. Вновь прибыл он в Константинополь в 1829 году. В 1831 г. его сменил поверенный в делах барон Варенн (Varenne).

Франции в Смирне Давида (David) указал Ш. Трикону, чтобы «имена французских королевских офицеров больше не фигурировали в его статьях»²¹. С этого момента газета стала переживать трудные времена. Давид в ответе Борепэру указывает: «Трикон испытывает все большие и большие трудности со своим предприятием и готов от него отказаться». Сообщается, что фактически Трикон уже передал руководство изданием одному из своих соотечественников некоему Ру (Roux), сохранив за собой права собственности. Тем не менее 6 октября 1824 г. возглавивший посольство Франции в Константинополе Арман Шарль Гюилемино (Guilleminot), информирует консула в Смирне, что рейс-эфенди (титул государственного канцлера и министра иностранных дел в Турции) пожаловался, что авторы «Le Smyrnéen» передают прогреческие настроения и взгляды. Посол добавил, что не исключено, что правительство Турции может закрыть журнал, если посольство само не возьмет на себя опеку над ним. Но после того как посол ознакомился с 8 номером журнала, который ему показался «еще более тенденциозным», он вновь написал консулу, что бы тот предупредил собственника «Le Smyrnéen» «об угрожающей его предприятию опасности». В ответ Давид 15 октября 1824 г. пишет, что он передал все советы и директивы посла владельцу «Le Smyrnéen»²².

Тем временем, Ру, пытаясь избежать всех грозящих проблем, сменил вывеску: на место «Le Smyrnéen» пришла (или вернулась) «Le Spectateur Oriental».

Давид в том же послании от 15 октября 1824 г. указывает, что Ру доверительно объяснил ему столь стремительную смену газетой названия тем, что миссии Австрии и Пруссии оказали давление на редактора, оплатив авансом 100 подписок нового издания. Так по

---

²¹ Лагард здесь ссылается на письмо генерального консула в Смирне послу от 1 марта 1824 года. О позиции самого Давида в греко-турецком конфликте есть свидетельство Шарля Девалья: «В Смирне, которую турки называют *Исмир*, начальствует паша. Там считается около полутораста тысяч жителей, в том числе восемьдесят тысяч турок, десять тысяч жидов, три тысячи европейцев, остальную же часть народонаселения составляют армяне и греки. Сии последние, в начале революции, были подвержены тысяче оскорблений; большая часть из них была истреблена и только твердое и благородное поведение г. Давида, генерального французского консула в Смирне, спасло множество других жертв». См.: *Деваль Ш. Два года в Константинополе и Морее (1825–1826)*, или исторические очерки Махмуда, янычар, новых войск, Ибрагим-паши, Солимана-Бея и проч. СПб., 1828. С. 157–158.

²² *Lagarde L. Notes sur les journaux française de Smyrne...* P. 105.

письму генерального консула Франции в Смирне Давида от 15 октября 1824 г. устанавливается последняя дата выхода в свет «Le Smyrnéen». Вот как эти события лапидарно, но не безошибочно изложены в книге «Наш Измир с его историей, экономикой и людьми»: «первой газетой Смирны была “Smyrneen”, изданная в начале 1824 г. французом Шарлем Триконом. Этот человек продал свою газету в октябре 1824 г. Ру, другому французу, который поменял название газеты на “Le Spectateur Oriental”, издаваемый еженедельно по субботам. Эта газета с самого начала была популярна и отражала главным образом представления мира торговца Смирны»²³.

Последнее замечание справедливо: для своего времени газета, издававшаяся на 4-х листах, выглядела весьма пристойно. Она выходила действительно регулярно: раз в неделю. Довольно быстро «Spectateur de l'Oriental» стала популярной среди коммерсантов и французов, проживающих в Смирне. Лагард пишет, что ее читали здесь больше, чем «Constitutionnelle» или «Journal des Debats»²⁴. Правда и то, что большинство торговцев Смирны разделяло протурецкие взгляды.

«Le Spectateur Oriental» отказалась от прогреческого настроения «Le Smyrnéen», не понравившегося ни властям, ни, вероятно, читателям Смирны (отсюда и испытываемые газетой «трудности», и смена редактора, и ее продажа). «Le Spectateur Oriental» со временем приняла четко выраженный эллинофобский тон, постоянно подчеркивала свою поддержку местных властей, защищала интересы коммерческих кругов Смирны, страдавших от греческих корсаров, и сетовала на отсутствие морских конвоев, организованных главными европейскими державами²⁵. Французская диас-

---

²³ Gürsoy M. Tarihi, Ekonomisi ve İnsanları ile Bizim İzmirimiz. London, 1993. P. 216. Во французских источниках, как мы видели, речи о смене собственника нет, а смена названия происходит до октября 1824 года.

²⁴ Lagarde L. Notes sur les journaux française de Smyrne... P. 105

²⁵ В воспоминаниях путешественника Шарля Деваля, который как раз в это время посетил Смирну, мы находим отголоски полемики о греках и греческих корсарах: «Невозможно описать варварства этих людей; они не только берут все, что попадает им под руку, но оскорбляют женщин, поступают самым гнусным образом с мужчинами и убивают их, если они противятся. <...> Эти грабительства и жестокости многих восстановили против греческого народа. Особенно марсельские купцы, которым пираты причинили важные потери, чрезвычайно негодуют на него; но, смею сказать, напрасно. Можно ли сердиться на целый народ, за грабежи нескольких разбойников, которых он отвергает? Ибо совершенно несправедливо, будто

пора²⁶ Смирны в условиях нарастающего филлэлинского движения не разделяла интервенционистские настроения. Более того, французская диаспора в Смирне тогда состояла из элементов весьма враждебных правительству Реставрации, фрондирующих по отношению к его агентам в Леванте. Пусть французская администрация рассматривает статьи в газете, издаваемой без всяких цензурных стеснений, как провокационные и подрывные, а для французской диаспоры в Смирне – это мнения свободные и либеральные.

1825 г. и начало 1826 г. прошли без серьезных осложнений для «*Le Spectateur Oriental*», но сами события нарушили этот душевный покой. Каннинг через Ливена и Нессельроде передает Николаю I и без того враждебно настроенному по отношению к Турции секретный протокол, касающийся нюансов русско-английской интервенции в Порту. 4 апреля 1826 г. в Петербурге подписан англо-русский протокол о признании Греции особым государством с собственным правительством, но под верховным контролем Турции. Брат Каннинга лорд Страффорд²⁷, в качестве посла в Константинополе со своей стороны постарался добиться от правительства Турции плана мирного урегулирования конфликта: Британия хотела бы решить конфликт между греками и Портой до активного вмешательства в него России. Временное правительство Греции, сильно теснимое тогда войсками Ибрагим-Паши и Решид-Паши, в принципе согласилось с предложением англичан. Но по своему прибытию в феврале 1826 г. в Константинополь Страффорд обнаружил живое сопротивление этому плану со стороны

греческое правительство их терпит и покровительствует им. <...> В последнее время, как я был в Смирне, греческое правительство послало к командирам разных эскадр на Востоке ноту с уведомлением, что два подозрительные судна вышли из Идры и что их надобно остерегаться. Чего же нужно более для оправдания греческого Правительства в обвинениях, которых оно слишком часто было предметом?». См.: *Деваль Ш. Два года в Константинополе и Морее (1825–1826)*, или исторические очерки Махмуда, янычар, новых войск, Ибрагима-паши, Солимана-Бея и проч. СПб., 1828. С. 160–163.

²⁶ О ней см.: *Smyrnelis M.-C. Une société hors de soi...* P. 64–67.

²⁷ Чарльз Стратфорд-Каннинг, виконт Стратфорд де Редклифф – британский дипломат и политик, двоюродный брат премьер-министра Джорджа Каннинга. В 1825 г. Чарльз Стратфорд-Каннинг отправлен в качестве посла в Константинополь со специальным поручением: добиться английского посредничества в войне султана с восставшими греками. Наваринское морское сражение 20 октября 1827 г. привело к разрыву дипломатических отношений Турции с Россией, Англией и Францией. Чарльзу Стратфорд-Каннингу пришлось покинуть страну в 1827 году.

правительства Турции, подстрекаемого Меттернихом, воодушевленного последними победами на море и еще не приемлющему посредничество иностранных держав в переговорах с восставшими.

«Le Spectateur Oriental» приняла живое участие в обсуждении этой миссии Страффорда и предоставила свои страницы для многочисленных статей, в которых роль английского посла описывалась в довольно неблагоприятных тонах. В ответ тот пожаловался сначала послу Франции Гюилемину, а затем еще и поверенному в делах (с марта 1826 г.) Эмилю Десаге (Desages). Тон его жалоб свидетельствовал, что он ничуть не недооценивает важность и значимость политического момента и роль в нем «Le Spectateur Oriental», «чей язык будет приятен лишь туркам, оказывающим прямое влияние на правительство»²⁸. 30 июня 1826 г. Десаге передал эти рекламации Каннинга-Страффорда генеральному консулу в Смирне, предписав тому проинформировать редактора «Le Spectateur Oriental», что продолжение атак против английского посланника противоречит официальной позиции посольства Франции и, следовательно, не исключено, что придется воспользоваться своими прерогативами власти и прибегнуть к закрытию газеты. Одновременно генеральный консул Франции в Смирне дезавуировал наиболее скандальные пассажи и статьи, о чем и было напечатано в газете «Le Spectateur Oriental» от 14 июля 1826 года. 18 июля 1826 г. консул сообщил из Смирны в Константинополь, что он очень строго поговорил со строптивым редактором. Он уточнил, что редактором на тот момент числился некто Комбе д'Андре дю Вар (Combes d'Andrée du Var), «доктор медицины из Монпелье, который вернулся из Мореи очень недовольный греками и принялся писать против них вместо умершего Шарля Трикона – первого автора этого листка, никогда не позволявшего себе таких выходов. Собственниками же газеты являются наследники Трикона»²⁹.

Мы видим, что, мнения, выражаемые в «Le Spectateur Oriental», сильно отличались от тех, что удовлетворили бы французских официальных лиц. Но увещевания не помогли. Под руководством Комбе д'Андре газета гнула ту же линию. Через два месяца последовал следующий инцидент, также связанный с восточной политикой. 12 августа 1826 г. генеральный консул Франции в Смирне Давид пишет

---

²⁸ *Lagarde L. Notes sur les journaux française de Smyrne... P. 107.*

²⁹ *Ibid. P. 108.* Консул забыл (или не считал нужным) указать, что после Ш. Трикона редактором одно время был Ру. Когда точно Комбе д'Андре сменил кресле редактора Ру неизвестно, но вероятно, что смена собственника (переход газеты в руки наследников Трикона) привела и к смене редактора.

поверенному в делах Франции в Константинополь, что «Восточный обозреватель» в своем № 244 «атаковал Священное Писание». В этой связи консул издал соответствующее распоряжение, которое надлежало выполнить: прекратить издание газеты «до тех пор, пока собственник издания (наследник Трикона. – А. Г.) не найдет более благоразумного редактора»³⁰. Эта мера, кажется, подействовала. В следующем письме от 18 августа того же года консул не скрывал удовлетворения: «Эта газета продана месье Дидье (Didier), который обязался руководить ею в лучшем направлении и, по меньшей мере, с большей осмотрительностью»³¹.

Но, кажется, смены собственников и редакторов уже мало что меняли в общей интонации газеты. Давший слово быть нейтральным «*Le Spectateur Oriental*» выступил с критикой политики и Франции, и Англии. 15 января 1827 г. генерал Гюилемино, который вернулся к исполнению обязанностей посла, пишет новому генеральному консулу Франции в Смирне полковнику Шмальцу (Schmaltz), что «Восточный обозреватель» поместил в номере за 3 января 1827 г. статью, содержащую нападки на канцелярию французского посольства. Посол, который уже передал в Смирну новые рекламации сэра Страффорда-Каннинга и рекламации сардинского полномочного министра (оба выражали недовольство публикациями в «Обозревателе Востока»), приказал консулу «сделать издателям строгий выговор» и сообщить им, что их газета сможет существовать, только если будет придерживаться «принципа толерантности», и что нападки на иностранные державы или их агентов приведут к закрытию издания. Воинственный тон поддержал и полковник Шмальц. 1 февраля 1827 г. он пишет французскому послу в Константинополь, что он сделал внушение собственникам и «издателям» газеты, господам Дидье и Вигурё (Vigoureux). Шмальц сообщает, что попросил издателей формально дезавуировать вызвавшие недовольство в Британии и Сардинии статьи и сообщить имя их корреспондента в Константинополе, который критиковал французское посольство. Издатели со всеми претензиями, кажется, согласились, но имя корреспондента не выдали...

Дидье регулярно подменял и замещал адвокат Александр Блакю (Alexandre Blacque), выходец из Марселя и человек, как считал Лагард, «весьма уважаемый в Леванте». Блакю и приобрел в собственность газету, в которой уже «давно сотрудничал и которой уже

---

³⁰ *Lagarde L. Notes sur les journaux française de Smyrne... P. 108.*

³¹ *Ibid. P. 109.*

давно руководил». Дату Лагард не указал. Не указал он и начало работы Блакю в газете, но это сделал Орхан Кололу – 1821 год³².

Лагард рисует Блакю в лестных тонах: «образованный, энергичный, одинаково приверженный и своей родине, и стране проживания, Блакю был одним из самых оригинальных персонажей среди иностранцев, который старались поддержать и защитить реформаторские усилия Махмуда II³³. Лагард ссылается здесь на мнение одного из современников Блакю Антонио Баратта: «он был судья, адвокат, советник, ментор <...> обладал пылкой душой <...> демонстрировал крайность в своих взглядах, особенно политических»³⁴.

Авторы тех заметок, что были опубликованы о Блакю в склонном к меморизации современников XIX в. не уточняют ни его происхождения, ни хронологии жизнедеятельности. О нем специально долгое время никто не писал, включая и Лагарда, и Гро³⁵. Так сложилось, что только в конце XX в. появилось первое исследование истории фамилии Блакю: это небольшая книга современного турецкого исследователя, автора более 60 монографий, Орхана Кололу «Рождение Оттоманской Прессы и семья Блакю»³⁶. Автор на шести страницах попытался проследить историю фамилии Блакю, одна из ветвей которой долгое время провела в Турции. Корни этой ветви уходят во Францию, Англию и Шотландию, а потомки и сегодня живут во

---

³² Koloğlu O. Blacque, Alexandre (1797-1837) // Türk ve Dünya ünlüleri Ansiklopedisi. Istanbul, 1994. S. 2. У Э. Отена недоразумение с хронологией: «создателем журналистики в Турции был француз Александр Блакю, который жил с 1825 г. в Смирне, где он основал «Spectateur de l'Orient» См.: *Hatin E. Bibliographie historique et critique de la presse périodique française*. Paris, 1866. Почему «Обозреватель Востока», а не «Восточный обозреватель»? С 1861 г. стала издаваться вместо «Presse d'Orient», основанной в 1859 г., «Courrier d'Orient». Возможно, это аллюзия на современное ему издание привела Отена к написанию вместо «Spectateur de l'Orient» «Spectateur de l'Orient».

³³ Lagarde L. Notes sur les journaux française de Smyrne... P. 110.

³⁴ Baratta A. Costantinopoli effigiata e descritta con una notizia su le celebri Sette Chiese dell'Asia Minore ed altri siti osservabili del Levante. Turin, 1840. 2 v. P. 326 et suiv.

³⁵ Наиболее точные и полные сведения об А. Блакю приведены в: *Iskit S.R. Türkiye de matbuat rejimleri*. Istanbul, 1939; *Koloğlu O. Alexandre Blacque, défenseur de l'État Ottoman par amour des libertés // L'Empire Ottoman, la République de Turquie et la France: recueil: à l'occasion du 450. anniversaire des premières relations permanentes entre la Turquie et la France*. Istanbul; Paris, 1986. P. 179-195; *Koloğlu O. Blak Bey Precurseur du Tanzimat // Anatolia Moderna*. 1990. № 1. S. 47-114.

³⁶ Koloğlu O. Osmanlı Basınının Doğuşu ve Blak Bey Ailesi. Istanbul, 1998.

Франции, Ирландии и Америке. По семейному преданию первого известного Блакю можно было обнаружить еще в свите английского короля Карла II. Старший из братьев Блакю остался в Англии, а вот, сэр Реджинальд Блакю отправился во Францию сопровождать короля в изгнании, где после смерти Карла II и получил в 1701 г. подданство. Несколько публикаций той эпохи транслировали данную версию событий, но ни одна из них не подтверждала ее ссылкой на документы. Наоборот, некоторые последние исследования, например, принадлежащие перу одного из потомков этого рода Жану Клоду Юве (J.-C. Huvé), свидетельствуют, что еще применительно к середине XVII в., еще задолго до бегства Карла II, мы можем говорить о существовании чисто французской ветви Блакю³⁷. После скрупулезного исследования многочисленных актов крещения, бракосочетаний, смерти удалось установить, что семья с такой фамилией в течение долгого времени жила в Шампани, в окрестностях Ножан-сюр-Сен, где занималась в основном фермерством (виноградорством). Жак Блакю, 1625 года рождения, занимавшийся перевозом грузов и людей по реке, имел несколько детей от двух браков. Старший сын от второго брака Эдме Блакю (1698–1767) обосновался в Париже, где в 1717 г. женился на Элизабет Гуенард и таким образом породнился с семьей столичных торговцев и адвокатов. Но и совершив такой скачок из провинциалов в средние страты Парижа, Блакю, конечно, остались далеки оттого, что называют «высшим светом».

Александр Гельвеций Жорж Блакю (в Турции со временем станет известен как Блак-бей – «господин Блак») родился 22 августа 1792 г. в Париже, а умер 21 мая 1836 г. в Ла-Валетте на Мальте. В Париже он обучался на юридическом факультете, вероятно планируя пойти по стопам отца. Ни причины, ни точная дата переезда Блакю в Турцию не известна. Известно, что он утвердился на Востоке «после наступления Реставрации»³⁸. Возможно, он прибыл в Турцию из Марселя. Возможно, со своим отцом, который был одним из адвокатов на процессе Людовика XVI в 1793 г.³⁹

---

³⁷ Koloğlu O. Osmanlı Basınının Doğuşu ve Blak Bey Ailesi. Istanbul, 1998. Необходимо учитывать вариации написания имени Блакю, которые затрудняют поиск исследователя. В документах, в дополнение к Blacque, встречаются: Blacques, Blacq, Vlaac, Blasque и Black.

³⁸ «Блакю был из тех французов, чье отвращение к Реставрации вынудило их еще молодых отправиться в изгнание на Восток». См.: L'Univers. France: dictionnaire encyclopédique. Paris, 1840. Т. 3. Р. 11.

³⁹ «Его отец – адвокат, защищавший во время Французской революции короля Людовика XVI, не найдя прибежища во Франции, эмигрировал в

и находился затем под арестом. Иногда можно встретить версию, что именно тогда отец Александра Блакю принял решение эмигрировать, если останется жив. И такая версия была бы правдоподобна, эмигрируй семейство Блакю после 1795 г. или в годы империи, но зачем это было бы им делать после наступления Реставрации? Когда Блакю появились в Турции и собственно в Смирне долгое время вообще ни один из исследователей не упоминал, как будто это было неважно, пока О. Кололу не провел расследование именно начала «турецкой эпопеи» Блакю. В 1994 г. в «Энциклопедии турецких и международных знаменитостей» в статье об А. Блакю О. Кололу четко указал: этот защитник Османской империи поселился в Измире в 1820 году⁴⁰. Изучение О. Кололу книг регистрации гражданских актов (браков, рождений и т.д.), осуществленных французским Консульством в Стамбуле, показало, что Александр Блакю, торговец, уже в 1820 г.⁴¹ в Смирне, женился на Марианне-Виктуар Росси⁴². Таким образом, скорее всего, сюда его привели дела коммерческие, неслучайно в первом же о нем упоминании в документах Смирны значится: «торговец». Но новое в

Османскую империю и поселился в Измире». См.: [Koloğlu O.] Blacque, Alexandre (1797-1837) // Türk ve Dünya ünlüleri Ansiklopedisi. Istanbul, 1984. S. 2.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Т.е., он здесь появился гораздо раньше 1824 г., чем полагал об этом Лагард.

⁴² В 1830 г. у них родился ребенок – Мари Элизабет Блак. Она была похоронена на католическом кладбище Ферикёй (Шишли) 25 октября 1867 года. Этот участок кладбища был приобретен Эдуардом Блакю (сыном Александра). Здесь же в 1872 г. будет похоронена некая Мария Гондо (Gondon), возможно, сестра Мари Элизабет. Что касается Эдуарда Блакю (1824–1895), то он был видным турецким дипломатом. Внук адвоката и сын журналиста, он закончил парижский колледж и с 18 лет работал при турецком правительстве переводчиком. Свободно владел турецким, французским, итальянским и английским языками. Одно время являлся редактором полуофициальной газеты на французском языке, «Курьер де Константинополь» (1846). Его дипломатические должности: атташе, а затем первый секретарь посольства Турции в Париже – 1853 г.; турецкий консул в Неаполе – 1860 г.; Временный поверенный в делах Турции в Вашингтоне – 1866 г., а также министр Турции в США – 1866–1873 гг. См.: Istanbul Encyclopaedia. Vol. 5. P. 2834–2835. Istanbul, 1961. В литературе так же упоминаются два особняка на Принцевых островах некоего Эдуарда Блакю, человека богатого, писателя и османского дипломата, который с 23 августа 1867 г. по 4 августа 1873 г. являлся полномочным послом Турции в США. О потомках А. Блакю и, в частности, об Эдуарде Блакю см.: Koloğlu O. Osmanlı Basınının Doğuşu ve Blak Bey Ailesi. Istanbul, 1998. S. 80–92.

историописании иногда оказывается хорошо забытым старым: в одной из французских энциклопедия XIX в. есть упоминание, что Александр Блакю, «негоциант из Смирны» основал в этом городе к 1820 г. газету, «призванную «поддерживать интересы наших соотечественников»⁴³.

Начавшееся греческое восстание побудило Александра оставить коммерцию и обратиться к журналистике, стать своеобразным «рупором» французских колонистов-торговцев в Смирне. С 1821 г., как указывает О. Кололу, он стал писать заметки в газете «*Le Spectateur Oriental*», издаваемой французом по фамилии Ру⁴⁴. Если считать, что ни у Кололу, ни у Лагарда, ни у Дехерена нет ошибок, и задаться целью как-то согласовать их данные между собой, то можно было бы предположить следующую хронологию событий. С 1821 г. по январь 1824 г. Ру издавал «*Le Spectateur Oriental*». Затем вместо нее на короткое время – до октября 1824 г. – появляется «*Smyrnéen*» Трикона, который перепродал ее тому же Ру. Ру в свою очередь сменил или же вернул газете старое название – «*Le Spectateur Oriental*» (октябрь 1824 – декабрь 1827). Редактором числился (по крайней мере, на июль 1826 г.) Комбе д'Андре дю Вар. После Ру, с августа 1826 г. собственником издания стал Дидье, а за ним примерно с февраля 1827 г. и Блакю. То ли одним из собственников, то ли формальным редактором при Дидье и Блакю был Вигурё. При этом Блакю сотрудничал в менявшейся собственности и названия газете с самого начала, т.е. с 1821 года.

Официально с 1827 г. встав во главе издания, новый собственник и руководитель «*Le Spectateur Oriental*» сразу же продемонстрировал свою враждебность официальной линии французского правительства относительно греческого восстания. Его товарищи по торговле в Смирне не доверяли филэллинам и боялись последствий необдуманных шагов со стороны своего правительства. Обеспокоенная своим завтрашним днем большая часть иностранцев,

---

⁴³ См.: *La grande encyclopédie: inventaire raisonné des sciences, des lettres et des arts*. Paris, 1885. Т. 6. Р. 986. Под этой газетой, впрочем, судя по тексту, опять подразумевается «*Курьер Смирны*». Но такая ассоциация между Блакю и «*Курьером Смирны*» была распространена во франкоязычной справочной литературе XIX века. См., напр.: *L'Univers. France: dictionnaire encyclopédique*. Paris, 1840. Т. 3. Р. 12; *Dictionnaire de la conversation et de la lecture: inventaire raisonné des notions générales les plus indispensables à tous, par une société de savants et de gens de lettres*. Paris, 1853. Т. 3. Р. 258.

⁴⁴ [Koloğlu O.] Blacque, Alexandre (1797–1837) // *Türk ve Dünya ünlüleri Ansiklopedisi*. Istanbul, 1984. S. 2.

проживающих в Леванте, противилась русской политике и хотела, чтобы тучи, сгустившиеся над Оттоманской империей, как можно быстрее рассеялись, и опять появилась возможность спокойно заниматься торговлей и промышленностью. Групповые интересы и смирнианская ментальность определили направленность симпатий А. Блакю в разгоравшемся конфликте. В «Spectateur Oriental» Блакю на разные лады комментировал убытки европейских торговцев, как от веяний Французской революции, так и от греческого восстания. Он подверг критике политику европейских государств, при этом особенно нападая на Россию и всячески защищая реформы Махмуда II, который в 1826 г. провел военную реформу и ликвидировал янычарское войско⁴⁵.

23 апреля 1827 г. Каподистрия избран президентом эллинистической республики. Блакю тот час же ожесточился против него. Он при этом не мог не учитывать, что Россия не позволит безнаказанно нападать на этого человека. Грекофобская и антирусская компания «Le Spectateur Oriental» не могла длиться долго перед лицом единого фронта России, Англии и Франции.

5 февраля 1827 г. Франция, Австрия и Пруссия поставили свои подписи под русско-английским соглашением от 24 апреля 1826 г. Страффорд-Каннинг официально стал посредником держав в Турции. 10 июня 1827 г. он снова получил отказ от турецкого правительства, чему «Le Spectateur Oriental» только радовался. Официальное присоединение Франции к русско-английскому антитурецкому альянсу – 6 июля 1827 г. эти три европейские державы подписали Лондонский протокол о согласованных действиях в пользу Греции – не изменило позиций ее подданных из «Le Spectateur Oriental».

Между тем, после заключения тройственного соглашения от 6 июля 1827 г. посол Франции в Константинополе получил распоряжение отныне тесно согласовывать свои шаги со своим русским коллегой чрезвычайным посланником и полномочным министром А.И. Рибопьером. Позиция Блакю стала совершенно недопустимой. Советнику Кастане (Castagné), после смерти Шмальца занявшему место консула в Смирне, было поручено донести до

---

⁴⁵ «Одним из первых он понял, что для того, чтобы остановить упорное продвижение русских к Дарданеллам, нужно цивилизовать Оттоманскую империю. Пылко по этой причине поддерживая Оттоманскую империю, он стал одним из ее самых красноречивых адвокатов» (L'Univers. France: dictionnaire encyclopédique. Paris, 1840. Т. 3. Р. 11).

Блакю очередное предупреждение. Как это следует из письма генерального консула в Смирне в константинопольское посольство от 3 августа 1827 г., Блакю на это предупреждение не без резона ответил, что, если бы его газета стала избегать статей на тему греческого восстания, интересующего всех жителей Леванта, то она потеряла бы большинство привычных читателей⁴⁶. Более того Блакю осмелился просить французское правительство в поддержке и протекции. 23 августа посол вновь пишет в Смирну, предупреждая через консула издателей, что первая же их тенденциозная публикация будет иметь следствием весьма серьезные меры против газеты и что редакторы отныне должны предоставить «эффективные гарантии» своей лояльности правительственному внешнеполитическому курсу. Консул отвечал, что редакторы в ответ на это требование запросили точные инструкции и конкретные директивы, чтобы их идеи ни в чем не противоречили мнениям консула. Никакого последствия этот демарш не имел: «Восточный обозреватель» продолжал в том же тоне⁴⁷.

Редакционная политика «*Le Spectateur Oriental*» была против общей восточной политики Франции. В конце концов, газета была запрещена на некоторое время.

11 октября 1827 г. посол предписал консулу на месяц приостановить издание газеты. Приказ исполнен 16 октября⁴⁸. На следующий день издатели подготовили протест. Одновременно они объявили своим подписчикам, что на период запрета «*Le Spectateur Oriental*» они будут издавать коммерческий листок, экземпляр которого Кастане и отправил послу на экспертизу с припиской, что он вероятно не должен препятствовать этому временному изданию по причине его исключительно коммерческого характера⁴⁹. В тот день, когда это письмо было оправлено из Смирны в Константинополь, в Наваринской бухте русская эскадра Гейдена, эскадра английского вице-адмирала Кодрингтона и эскадра французского вице-адмирала Анри де Реньи разгромили в Наваринской бухте турецко-египетский флот под командованием Ибрагима, после чего русская эскадра двинулась к Мальте и 27 октября прибыла в порт Ла-Валлетта⁵⁰.

---

⁴⁶ *Lagarde L. Notes sur les journaux française de Smyrne... P. 112.*

⁴⁷ *Ibid. P. 113.*

⁴⁸ *Nuzhet S. Türk Gazeteciliği 1831-1931. Istanbul, 1931.*

⁴⁹ *Lagarde L. Notes sur les journaux française de Smyrne... P. 113.*

⁵⁰ Подр. см.: Андриенко В.Г. До и после Наварина. М., 2002.

Разгром флота Османской империи вызвал неоднозначную реакцию в Англии и Франции. В монархических и консервативных кругах осуждалось участие в битве английских и французских эскадр, говорилось о том, что результат Наваринской битвы на руку России.

Несколькими днями спустя после Наваринского сражения Блакю и Вигурё выражают намерение издать в связи с этим событием специальную репликацию и спрашивают у консула на это разрешение. Но только 16 ноября «Восточный обозреватель» возобновил свои выпуски. Несмотря на то, что командование союзным флотом договорилось начать решительную борьбу с греческими пиратами и де Реньи составил Декларацию, подписанную русским и британским адмиралами 12 (24) октября 1827 г., в которой очерчивалась граница действий греческого флота и предусматривалась система мер борьбы с пиратством, «Le Spectateur Oriental» продолжает возмущаться тем, что флот союзников громит флот османской империи, в то время как греческие пираты наносят урон смирнской торговле⁵¹.

8 декабря 1827 г. послы трех держав объявили, что разрывают все связи с правительством Турции. Интересы французов должен был теперь защищать генеральный консул Голландии. Стаффорд-Каннинг и Гюилемино тотчас же погрузились на военные корабли. Сводная англо-французская эскадра располагалась на рейде Вурлы (Урлы). Здесь посол Франции и адмирал де Реньи приняли 18 декабря «депутацию от коммерсантов» французской колонии Смирны. Поскольку Блакю защищал доходы французских торговцев в Измире, то завоевал их доверие, заслужил «уважение» у французской диаспоры и вообще среди торговцев Смирны, почему, надо полагать, и входил в местную «депутацию торговцев». От лица депутации А. Блакю и некто Сальзани (Salzani) изложили им свои взгляды на общую ситуацию на Ближнем Востоке. Депутаты заверяли в своей приверженности родине и просили четких инструкций. Посла эти заверения мало убедили, хотя он со всей куртуазностью и ответил Блакю, что он мог бы поддержать его действия в той мере, в какой они способствовали бы продвижению французской политики на Ближнем Востоке.

---

⁵¹ О. Кололу охарактеризовал отношение Блакю к Наваринскому сражению одним словом: «разочарование». См.: *Koloğlu O. Osmanlı Basınının Doğuşu ve Blak Bey Ailesi. Istanbul, 1998. S. 17.*

Но А. Блакю продолжал гнуть свою линию. 29 декабря вышел в свет № 229 «Le Spectateur Oriental» со статьей Блакю, в которой тот резюмировал свои взгляды и взгляды своих товарищей «левантийцев» на разразившийся кризис⁵².

В середине XIX в. французские справочные издания, выражая свои внешнеполитические симпатии, весьма благосклонно оценили реакцию «Le Spectateur Oriental». «В своей статье, ставшей знаменитой, Блакю, предвидя политические последствия разгрома турецкого флота при Наварине, осмелился упрекать Англию и Францию за поддержку России в этом деле»⁵³. «По его мнению, а он был в те времена единственным публицистом, выразившим подобную точку зрения, Англия и Франция позволили играть собой Санкт-Петербуржскому правительству»⁵⁴. С его точки зрения, Греция могла бы быть спасена без столь радикального лекарства. «Затем весь мир пришел к такому выводу, но в те времена Франция мечтала только о том, как бы защитить греков от их мучителей, не задумываясь о том, что Россия может стать мучительницей турок»⁵⁵. Через 13 лет другой французский словарь практически повторил эту же информацию: После Наваринского сражения Блакю «не побоялся задеть предубеждения своих соотечественников и расценил разгром турецкого флота как огромную ошибку Франции»⁵⁶. С тем же сочувствием имя Блакю упоминается и в словаре Ларусса, и в истории Лависса⁵⁷.

«Le Spectateur Oriental» выражал разочарование. Правительство Франции обвинялось в слабости и недальновидности. В том, что оно потакает своим агентам, а не руководит ими, что инстинкт сохранения уступил жажде разрушения. Досталось отдельно и французскому послу⁵⁸. Это была фактически критика восточной политики ми-

---

⁵² Эта статья практически полностью воспроизведена в публикации Лагарда. См.: *Lagarde L. Notes sur les journaux française de Smyrne...* P. 114–119.

⁵³ *L'Univers. France: dictionnaire encyclopédique.* Paris, 1840. Т. 3. P. 11.

⁵⁴ *Ibid.*

⁵⁵ *Ibid.* P. 12.

⁵⁶ *Dictionnaire de la conversation et de la lecture: inventaire raisonné des notions générales les plus indispensables à tous, par une société de savants et de gens de letters.* Paris, 1853. Т. 3. P. 259.

⁵⁷ С четырьмя ошибками в одной короткой фразе: «В 1826 году Александр Блак основал в Смирне первую турецкую периодическую газету Восточный зритель (См.: *Le Spectateur de l'Orient*)» (История XIX века / Под ред. Э. Лависса, А. Рамбо. Т. 6, ч. 2. Революции и национальные войны. 1848–1870. М., 1938. С. 33).

⁵⁸ *Lagarde L. Notes sur les journaux française de Smyrne...* P. 119–20.

нистра Мартиньяка⁵⁹. Не очень только понятно, на что надеялся А. Блакю, ругая французскую политику под носом у Реньи...

Генеральный консул Кастане (Гюилемино к тому времени уже убыл во Францию) решил действовать и действовать радикально. 31 декабря 1827 г. он распорядился (в соответствии с эдиктом 1778 г.) закрыть газету⁶⁰. Адмирал Реньи отдал соответствующий приказ командиру «Romone»⁶¹ Шатонёфу. В тот же день 30 военных моряков исполнили этот приказ: оборудование демонтировано и передано генеральному консулу Голландии, а Блакю задержан. Он провёл три дня фактически под арестом на «Romone»⁶².

Мелих Гурзой в книге «Наши измирцы», комментируя эпизод с арестом типографии, пишет, что с XVII в. управление консульствами было передано частным лицам, в основном купцам и французские консулы в Измире позволяли себе совершить многие незаконные действия, лишь бы получить деньги от торговцев и других французских граждан, для того, чтобы вернуть те суммы, которые они заплатили за должность консула: вещи, которые выглядят странными на первый взгляд, на самом деле таковыми не являются, и атака французских солдат на газету на территории Османской империи была

---

⁵⁹ О. Кололу, проанализировал понимание Блакю причин войны, его отношение к национализму, борьбу с филлэллинскими мечтами и противодействие всем формам этнической дискриминации, мысли об эволюции Турции, логическим завершением которой должно стать экономическое объединение с Европой. См.: *Koloğlu O. Osmanlı Basınının Doğuşu ve Blak Bey Ailesi. Istanbul, 1998. S. 31–64.*

⁶⁰ *Lagarde L. Notes sur les journaux française de Smyrne... P. 121.*

⁶¹ *Ibid.*

⁶² Об этом вскользь упоминал Чарли МакФарлан: *MacFarlane Ch. Constantinople in 1828: a residence of sixteen months in the Turkish capital and provinces: with an account of the present state of the naval and military power, and of the resources of the Ottoman empire. London, 1829. 2 v. T. 1. P. 131–132.* О том же скорбели и французские либералы XIX в.: Реньи «от имени французского правительства» приказал остановить печатный станок «Курьера Смирны», а Блакю задержать. См.: *L'Univers. France: dictionnaire encyclopédique. Paris, 1840. T. 3. P. 12.* Одно из справочных изданий уточняет: Реньи сначала предложил Блакю денонсировать свою статью, но, получив отказ публициста, арестовал его на борту своего корабля. См.: *Dictionnaire de la conversation et de la lecture: inventaire raisonné des notions générales les plus indispensables à tous, par une société de savants et de gens de letters. Paris, 1853. T. 3. P. 259.* Другое издание указывает, что Блакю был арестован на борту «Sirène». См.: *La grande encyclopédie: inventaire raisonné des sciences, des lettres et des arts. Paris, 1885. T. 6. P. 986.*

нормальным явлением в тех условиях⁶³. Но, все же, судя по реакции, ничего «нормального» в этом потерпевшая сторона не видела, хотя режим капитуляций⁶⁴ такие меры не исключал.

Эти события произвели большое впечатление на все население Смирны. Французские торговцы попытались предпринять коллективный демарш, чтобы Кастане отменил свои строгие меры⁶⁵. Губернатор Смирны Хасан-бей запросил у генерального консула разъяснения, которые он собирался передать в Диван. Как, установил по официальной переписке Лагард, свобода (под залог) Блакю была возвращена после вмешательства его коллеги по торговой депутации г-на Сальзани⁶⁶.

Блакю, со своей стороны, живо протестовал против такого brutального попрания свободы прессы французами, он поторопился представить французскому правительству жалобу на действия Кастане и запросил возмещения убытков. Попытавшись поместить свою газету под протекцию турецкого правительства, он отправился во Францию искать справедливости суде⁶⁷. В 1828 г. Блакю обратился с петицией в Палату депутатов⁶⁸. Литературный словарь Керара добавляет, что петиция Блакю в Палату депутатов против Кастане была поддержана торговой палатой Марселя и издана в виде 36-страничной брошюры в Париже в 1828 году⁶⁹.

---

⁶³ *Gursoy M. Bizim Izmirimiz. Istanbul, 993.* А вот Селиму Нузету все же «странно», что через 40 лет после Французской революции, которая требовала свободы, демократии и прав человека, французское консульство решило попрасть свободу прессы, и иностранным солдатам было приказано атаковать собственность, принадлежавшую Османской империи. См.: *Nuzhet S. Türk Gazeteciliği 1831–1931. Istanbul, 1931.*

⁶⁴ Режим капитуляций, предоставленный Турцией, предусматривал изъятие иностранцев из местной юрисдикции и подчинение их юрисдикции своих консульств.

⁶⁵ *Lagarde L. Notes sur les journaux française de Smyrne... P. 122.*

⁶⁶ *Ibid.* Из письма Кастане следует также, что Вигурё укрылся на английском корабле «Cambrian».

⁶⁷ *Dictionnaire de la conversation et de la lecture: inventaire raisonné des notions générales les plus indispensables à tous, par une société de savants et de gens de letters. Paris, 1853. T. 3. P. 259; L'Univers. France: dictionnaire encyclopédique. Paris, 1840. T. 12.*

⁶⁸ *La grande encyclopédie: inventaire raisonné des sciences, des lettres et des arts. Paris, 1885. T. 6. P. 986.*

⁶⁹ *Quérard J.-M. La littérature française contemporaine: XIXe siècle. Paris, 1842. T. 1. P. 545.*

31 мая 1828 г. на заседании французского парламента герцог Сабран (Sabran), глава Комитета по петициям, выступил с сообщением о петиции А. Блакю, «бывшего издателя газеты «Le Spectateur Oriental». Из выступления Сабрана следовало, что автор петиции жаловался на закрытие его газеты и просил, чтобы генеральный консул Смирны предстал перед арбитражным судом и ответил за ущерб, нанесенный свободе и собственности Блакю. Докладчик при этом сообщил, что, по информации, собранной комитетом, в газете, которой руководил Блакю, публиковались статьи «неуместны и опасны». А 29 декабря в газете появилась очередная статья, которая и привела к закрытию издания: «в стране, где нормы наших внутренних законов не применимы»⁷⁰ консул, ссылаясь на 82 статью эдикта 1778 г., касающуюся администрирования в колониях Леванта, принял решение об аресте Блакю на борту корвета «Echo». Через три дня арестованный был выпущен под залог, дав обещание не издавать более свою газету и воздержаться от сотрудничества в каких-либо других газетах Смирны⁷¹. Сабран отметил, что Блакю мог обжаловать это решение в вышестоящих административных органах, и выразил недоумение, почему тот обратился в Палату с требованием предать суду представителя дипломатического корпуса Франции. На этом основании Комитет не может рекомендовать палате поставить рассмотрение петиции Блакю в повестку дня⁷².

Таким образом, жалоба Блакю осталась без ответа, но он не терял время, дожидаясь окончания тяжбы. Прежде всего, он постарался отменить распоряжение Кастане о запрете печатать периодические издания. Затем при моральной и материальной поддержке своих многочисленных друзей он основал в январе 1828 г. новый еженедельник – «*Courier de Smyrne*», – чей тон оказался столь же туркофильский, грекофобский и русофобский⁷³. Но это уже другая история...

---

⁷⁰ Archives parlementaires. Deuxieme serie. Paris, 1883. T. LIV. P. 425.

⁷¹ Ibid. P. 426.

⁷² Ibid.

⁷³ Lagarde L. Notes sur les journaux française de Smyrne... P. 122. С. Нузет однако, счел, что новая газета была все же «менее радикальна», чем старая, хотя и продолжала атаковать восточную политику Франции и поддерживать турок. См.: Nuzhet S. Türk Gazeteciliği 1831–1931. Istanbul, 1931.

МЕЦЕНАТ И ПАТРОН: ЛИЧНАЯ ПОДДЕРЖКА М.П. БЕЛЯЕВЫМ РУССКИХ КОМПОЗИТОРОВ

Д.Е. Луконин

Саратовский государственный университет,
кафедра туризма и культурного наследия
E-mail: Lukonin@info.sgu.ru

Митрофан Беляев, богатый петербургский лесопромышленник и меценат, осуществлял финансовую поддержку русских композиторов. Беляев учредил «глинкинские» премии, создал музыкальное издательство в Лейпциге, квартетные конкурсы, финансировал индивидуальную помощь и поддержку малоимущих композиторов. «Он был более дальновиден, чем любой предыдущий или последующий музыкальный патрон в Европе», – писал английский критик М. Монтегю-Натан. Все эти начинания, справедливо получившие впоследствии название «беляевского дела», были им вместе с основной частью личного капитала завещаны после смерти «Попечительному Совету для поощрения русских композиторов и музыкантов».

Ключевые слова: М. П. Беляев, беляевский кружок, русское искусство, предпринимательство и меценатство, русская художественная интеллигенция, повседневная жизнь.

MAECENAS AND PATRON BELAIEV'S INDIVIDUAL GRANTS TO RUSSIAN COMPOSERS

D.E. Lukonin

Mitrophan Belaiev, who was a wealthy timber merchant and a maecenas, realized financial support to russian composers. Belaiev established «The Glinka Prizes», founded a publishing house in Leipzig «Belaieff Verlag», held the Chamber-music competitions, provided funding for individual grants to needy musicians. «He was more far-seeing than any previous or subsequent musical patron in Europe», – wrote M. Montagu-Nathan. He bequeathed this cause to the «Curatorial Council for assistance to Russian composers and musicians» to carry on his business after his death.

Key words: Mitrophan Belaiev, Belaiev circle, Russian art, free enterprise and patronage of arts, Russian art intelligentsia, ordinary life.

В историю русского искусства М.П. Беляев вошел как один из крупнейших музыкальных меценатов. Наиболее известными формами его деятельности были издательская и концертная, а также

выдача от имени «неизвестного благотворителя» премий имени М.И. Глинки за выдающиеся музыкальные сочинения. Эти стороны деятельности мецената так или иначе рассмотрены в научной литературе¹. Гораздо менее освещенной оказалась личная поддержка М.П. Беляевым русских музыкантов, хотя уже в 1918 г. М. Монтегю-Натан обращал внимание своих соотечественников на то, что Беляев был не только меценатом русской музыки, но и патроном².

Беляев поддерживал творчество А.К. Глазунова, Н.А. Римского-Корсакова, А.П. Бородина, А.К. Лядова, Н.А. Соколова, И.И. Витола, А.Н. Скрябина, Н.Н. Черепнина и многих других. Далеко не всегда такую поддержку можно было назвать личной. Самым тесным было сотрудничество Беляева и Глазунова. В своих воспоминаниях композитор охарактеризовал его так: «Как мне ни нескромно сознаться, но я не могу не сказать, что вся дальнейшая широкая деятельность Митрофана Петровича создавалась на звеньях этого сближения со мною»³. Действительно, первой продукцией беляевского издательства стали отпечатанные в Лейпциге сочинения Глазунова, прологом к Русским симфоническим концертам стало исполнение его музыки в зале Санкт-Петербургского училища при церкви святого Петра⁴. Однако А.К. Глазунов был обеспеченным человеком (потомком известных купцов-книгопродавцев) и не нуждался в средствах для поддержания своего личного существования. Беляев, таким образом, играл в данном случае классическую роль мецената, заботящегося о развитии русского искусства. Он и вправду мог полагать, что для достижения этой цели необходима поддержка именно Глазунова, «будущего русского Бетховена»⁵.

---

¹ См., напр.: *Шефер Ф.* Издательская идея М.П. Беляева // Памяти Митрофана Петровича Беляева: Сб. очерков, статей и воспоминаний. Париж, 1929; *Вольман Б.Л.* Русские нотные издания XIX – начала XX века. Л., 1970; *Трайнин В.Я.* М. П. Беляев и его кружок. Л., 1975; *Davis R.B.* The Beauty of Belaieff. London, 2008; *Луконин Д.Е.* Издательская деятельность мецената Беляева // Туризм и культурное наследие. Саратов, 2011 Вып. 8.; *Он же.* Русские концерты Митрофана Беляева // Там же. Саратов, 2012. Вып. 9.

² *Montagu-Nathan M.* Belaiev – Maecenas of Russian Music // The Musical Quarterly. 1918. Vol. 4. No. 3 (Jul). P. 450.

³ *Глазунов А.К.* Памяти Митрофана Петровича Беляева... С. 18.

⁴ *Беляев В.М.* Александр Константинович Глазунов: Материалы к его биографии. Т. 1: Жизнь. Ч. 1. СПб., 1922. С. 92–94.

⁵ *Винклер А.А.* М.П. Беляев в истории русской музыки // Памяти Митрофана Петровича Беляева... С. 38.

Совершенно иное поведение предпринимателя можно проследить на примере А.Н. Скрябина, который, в отличие от А.К. Глазунова, был человеком, нуждающимся в средствах, и часто от возможности получения таких средств зависело осуществление его творческой деятельности. А.В. Оссовский, участник беляевского кружка, а впоследствии известный советский музыковед, интересовавшийся темой «Скрябин в беляевском кругу», писал: «М.П. Беляев, относившийся к Скрябину с особой заботливостью, выплачивал ему с 1898 г. <...> месячное содержание в 100 руб[лей] в виде аванса, постепенно погашавшегося из гонораров Скрябина за сочинения, принятые к печати издательством Беляева. В мае 1902 г., в связи с решением Скрябина оставить профессию в Московской консерватории, Беляев повысил это содержание до 200 руб[лей] в месяц»⁶. Возможно, что по поводу 1898 г. как начала описываемых финансовых отношений между Беляевым и Скрябиным А.В. Оссовский ошибается. Скорее всего, они установились раньше, в 1894–1895 годах. Такой позиции придерживается современный биограф А.Н. Скрябина А.И. Бандура⁷.

Однако, как бы ни сложилась хронология этих отношений, любопытно само их содержание. Индивидуальная финансовая поддержка предоставлялась благополучателю ежемесячно фиксированными суммами на благотворительной основе, отчуждение ее или возвращение при каких-либо условиях не предполагалось. Однако благополучатель брал на себя моральное обязательство по выполнению работ творческого характера и был обязан «отчитываться» ими за получаемые суммы. При этом оценка творческих работ в денежном эквиваленте производилась меценатом по согласованию с благополучателем. Таким образом, средства, направленные на личную поддержку композитора, выполняли не только благотворительную, но и стимулирующую функцию⁸.

---

⁶ Письма А.Н. Скрябина к А.К. Лядову / Предисл. и публ. А.В. Оссовского // Орфей. Пг., 1922. Кн. 1. С. 169.

⁷ В своей работе (Бандура А.И. Александр Скрябин. Челябинск, 2004. С. 61) он высказывает следующее мнение: «Начавшееся сотрудничество с Беляевым – это и новые обязанности, которые композитор почувствует очень скоро. Лето 1894 года – последние беззаботные «каникулы» в его жизни».

⁸ Подобный «стимулирующий» характер носили и многие другие начинания Беляева. Так он предложил значительную денежную сумму А.П. Бородину за издание оперы «Князь Игорь», надеясь сподвигнуть последнего на скорейшее ее завершение (см.: Бородин А.П. Письма: В 4 вып. М.; Л., 1928–1950. Вып. 4. С. 183). Однако и в этом случае, в отличие от отношений со Скрябиным, практически не читается характер «личной поддержки». Денежные

В своих письмах М.П. Беляев не стеснялся напоминать Скрябину о выполнении взятых на себя моральных обязательств. Эти напоминания зачастую висели над не вполне обязательным Скрябиным как тяжкий «дамоклов меч». В свою очередь, меценат, видимо, искренне полагал, что только такая политика подвигнет Скрябина заниматься творчеством, не откладывая свои планы «в долгий ящик». «Насчет концерта скажу тебе, что жду его не только 1-ю, но вслед за нею и остальные части, и вот по какой причине (или, вернее, причинам) <...> (далее следуют причины. – Д. Л.). Ты видишь, что тебе надо работать и в хвост, и в гриву, несмотря на праздники, а потом уж отдохнуть», – писал М.П. Беляев 12 апреля 1897 года⁹. «Ты обещал не задерживать остальных частей концерта, а теперь начинаешь уже кормить меня завтраками...» (30 апреля того же года)¹⁰. «Медовый месяц уж прошел, а ты, верно, все еще облизываешься и о сочинениях, должно быть, совершенно не думаешь? По крайней мере, в твоём последнем письме о них ни гу-гу...» (30 сентября 1897 года)¹¹. Ответы А.Н. Скрябина носят оправдательный характер, это слова человека, вполне понимающего и принимающего «правила игры». «Вот уже 2 дня сижу над этюдами и все-таки еще не окончил. Простите, если я еще на один, в крайнем же случае на 2 дня задержу их» (март 1895 года)¹². «Вы сердитесь на меня – и совершенно справедливо, но все же я достоин некоторого снисхождения. Работаю я теперь буквально целые дни; как встаю, сажусь за писание и так, не разгибаясь, и просиживаю до вечера; не выхожу даже погулять» (20 марта 1895 года)¹³.

Скрябин также не стеснялся напоминать Беляеву о его стороне обязательств, и часто, рассчитывая на любезность мецената, просил

средства, использованные меценатом, направлены на производство искусства, а не на человеческую личность. Именно поэтому в данном случае Беляев противился термину «меценатство», усматривая в нем нечто снисходительное по отношению к великому композитору и великому произведению. «Когда после премьеры «Игоря» кто-то за столом поднял тост в честь «мецената» Митрофана Петровича, Беляев сердито отрезал: «Я не меценат, а купец. Покупаю жемчуг. Знаете ли вы, за какую цену я его перепродаю, сколько зарабатываю?» (Витол Я. Воспоминания, статьи, письма. Л., 1969. С. 59). Разумеется, речь о «заработке» могла здесь вестись лишь в фигуральном смысле. С рыночной точки зрения издание «Князя Игоря» было весьма убыточным.

⁹ Переписка А.Н. Скрябина и М.П. Беляева. (1894–1903) / Введение и прим. В.М. Беляева. Пг., 1922. С. 85.

¹⁰ Там же. С. 86.

¹¹ Там же. С. 100.

¹² Скрябин А.Н. Письма. М., 1965. С. 91.

¹³ Там же.

увеличить причитающуюся ему «ставку» в счет будущего выполнения творческих работ. «Я к Вам имею маленькую просьбу, Митрофан Петрович. Если Вас не затруднит, вышлите мне для подкрепления моих оскудевших средств одну радужную» (6 апреля 1895 года)¹⁴. «...В скором времени я буду настолько неделикатен, что попрошу Вас о некотором подкреплении...» (23 апреля 1895 года)¹⁵. «...Мои финансы совершенно истощились, и я должен с крайней неделикатностью обратиться к Вам с просьбой о подкреплении. Не припишите это обстоятельство моему мотовству – веду я себя очень, очень скромно» (4 мая 1895 года)¹⁶. «Пожалуйста, Митрофан Петрович, вышлите поскорей <...>. Ну, если и больше вышлете, ведь не прокучу же я в самом деле» (18 марта 1896 года)¹⁷. «...Я вышел немного из бюджета, да и то только один месяц <...>. Опять-таки скажу, что если я и рассчитываю на Вашу любезность, то потому, что пока работаю и имею впереди, чем покрыть свой долг» (12 июня 1896 года)¹⁸.

С января 1898 г. М.П. Беляев упорядочивает отношения по индивидуальной финансовой поддержке композитора. «Дорогой Саша! <...> В отношении твоего личного счета у меня, предлагаю тебе делать так: когда ты поедешь в Петербург, то я тебе покажу книгу, в которой он ведется, мы его проверим к тому числу, и я тебе дам выписку, в которую ты сам (у себя) вноси высылаемые сочинения и получаемые деньги...»¹⁹. К письму от 15 марта 1903 г. Беляев прилагает выписку из книги, содержащей «личный счет» Скрябина, эта выписка охватывает период с апреля 1900 г. по конец 1902 года. По балансу между авансированными Беляевым суммами и суммами зачтенных «вознаграждений» за предоставленные сочинения видно как представлял себе меценат эту отрасль своей деятельности. На конец 1902 г. в дефиците у Скрябина находилось более 3000 рублей, что отчетливо свидетельствует о том, насколько подобная помощь и поддержка была далека от простых издательских и коммерческих взаиморасчетов²⁰.

Подобная форма поддержки позднее была распространена Беляевым на деятельность многих других нуждающихся композиторов.

---

¹⁴ Скрябин А.Н. Письма. М., 1965. С. 96.

¹⁵ Там же. С. 100.

¹⁶ Там же. С. 102-103.

¹⁷ Там же. С. 138.

¹⁸ Там же. С. 150.

¹⁹ Переписка А.Н. Скрябина и М.П. Беляева... С. 115.

²⁰ Там же. С. 188.

6 марта 1902 г. композитор Ф.С. Акименко писал Беляеву: «...Я Вам должен по моим соображениям 350 р[ублей], которые я надеюсь в течение года выплатить хотя бы своими сочинениями <...>. Меня этот долг немало тяготит, но все-таки надеюсь не остаться у вас в долгу. Я очень Вам благодарен и бесконечно признателен за Ваше любезное и редкое внимание по отношению ко мне»²¹. Похожие слова можно найти и в письме к Беляеву другого молодого композитора, Н.Н. Амани: «...Не могу скрыть от Вас, что мне все же совестно пользоваться Вашей помощью. Я так привык уже много лет пробиваться сам вперед тяжелым трудом<...>, что все еще не могу примириться с мыслью, что теперь, ничего не делая, пользуюсь Вашими средствами, – они кажутся мне незаслуженными. Когда еще я смогу отплатить Вам своими сочинениями?»²². Иногда эта помощь и поддержка носила смешанный характер. Так, Г.О. Дютш, получавший от мецената, по-видимому, безвозмездную помощь по болезни, предлагал превратить ее в определенную форму сотрудничества: «...Если же у Вас, Митрофан Петрович, будет надобность в каких-либо переложениях, то, будьте добрый, закажите мне. А то так проживать²³ мне просто стыдно становится...»²⁴. Еще более традиционно рассматривал свои взаимоотношения с М.П. Беляевым С.И. Танеев. Обращаясь с просьбой авансировать 100 рублей для «одного из бывших товарищей в настоящее время больного» или 1000 рублей для «очень близкого родственника», С.И. Танеев рассматривал эти денежные средства как долг перед издателем, который он собирался погасить будущими своими сочинениями («в счет 4 квартета», «в счет «Орестей»»)²⁵.

Просьба к издателю о выдаче денег в долг с обязательством погасить его своими будущими сочинениями не являлась редкостью в то время. Однако следует обратить внимание на то, что Беляев использовал не вполне традиционную практику. Очевидно, что при выдаче денег в долг предполагается возврат денежных средств в какой-либо форме. Если долг издателю не выплачен сочинениями, принятыми к изданию, и не может быть погашен суммой причитающегося гонорара, он продолжает оставаться долгом, и может быть возвращен деньгами. В большинстве же рассмотренных выше случаев беляевской поддержки первоначаль-

---

²¹ ГЦММК. Ф. 41. Д. 88. Л. 2-3.

²² Там же. Д. 106. Л. 3.

²³ Г.О. Дютш лечился на курорте в Каннах на средства М.П. Беляева.

²⁴ ГЦММК. Ф. 41. Д. 209. Л. 3.

²⁵ Там же. Д. 462. Л. 1-2; Д. 471. Л. 1-2.

ное авансирование денежных средств не предполагало никакого их возврата. В случае невыполнения творческих работ, принимаемых Беляевым «к отчету» за авансированные средства, личная поддержка могла быть прекращена, в худшем случае композитор мог лишиться навсегда помощи мецената, но выплаченные суммы все-таки не подлежали возврату.

Кроме подобной финансовой поддержки, в практике Беляева нередко были и случаи «чистой» благотворительности. Так осенью 1895 г. он подарил А.Н. Скрябину рояль. Этот поступок вызвал искреннюю и горячую признательность молодого композитора²⁶. Будущему известному музыкальному критику В.Г. Каратыгину Беляев помог с получением специального образования. Вот как вспоминал об этом сам Каратыгин: «...виолончелист Е.Г. Беллинг, музыкальный деятель, имя которого встречается еще в “Записках” Глинки, рассказал однажды про меня М.П. Беляеву. Далее последовало знакомство его с моими композиторскими опытами и определение меня в частные ученики Н.А. Соколова (1897), причем М[итрофан] П[етрович] в течение нескольких лет оплачивал эти занятия <...>. Вместе с возможностью приобретения технического образования я получил доступ на известные “беляевские пятницы” ...»²⁷.

Особой отраслью благотворительности являлась помощь и поддержка тяжело и неизлечимо больных музыкантов. По письмам Г.О. Дютша можно заключить, что Беляев финансировал его лечение на курортах. В одном из писем Дютш сообщает, что 8 августа 1887 г. получил предыдущий денежный транш и просит переслать еще 400 рублей для того, чтобы остаться на Кавказе до 1 сентября²⁸. Той же осенью Дютш побывал в Крыму и собирался вернуться в Петербург, чтобы приступить к дирижерской работе, однако «сердитое письмо» М.П. Беляева изменило его планы. В письме, скорее всего, Беляев настаивал на продолжении лечения, и Дютш отбыл для этой цели в Европу²⁹.

Однако самый яркий пример подобного рода благотворительности – это многолетняя финансовая поддержка (с 1900 г. и до смерти мецената) неизлечимо больного композитора Аmani. Н.Н. Аmani,

---

²⁶ Скрябин А.Н. Письма... С. 119–120.

²⁷ Каратыгин В.Г. Памяти Н.А. Соколова // Орфей. Пг., 1922. Кн. 1. С. 118.

²⁸ ГЦММК. Ф. 41. Д. 207. Л. 4.

²⁹ Там же. Д. 209. Л. 2–3. В 1888 г. Г.О. Дютш перенес ряд операций (см.: Письма А.К. Глазунова к М.П. Беляеву // Глазунов. Исследования. Материалы. Публикации. Письма: В 2 т. М., 1959–1960. Т. 2. С. 328–332). В 1891 г. в возрасте 34 лет он умер.

как сообщал Н.Н. Черепнин «был приемным сыном одного значительного и состоятельного лица, которое заботилось о нем до самой своей смерти <...>. Он был чрезвычайно интеллигентен, недурно образован и хорошо воспитан <...>. Амани был необычайно одарен музыкально <...>. Со смертью приемного отца Амани забота об Николае Николаевиче перешла к М.П. Беляеву. Эту свою непрерывную <...> заботу Митрофан Петрович производил, как и всегда в подобных случаях, тайно, из своих личных средств»³⁰. 7 января 1901 г. Амани писал Беляеву из Палермо: «...Если бы Вы не дали мне возможности уехать из Петербурга, я, вероятно, уже покоился бы на Волковском <...>. Вы единственный встретившийся мне в жизни человек, который так прямо и просто подошел ко мне и помог в трудный момент моей жизни»³¹. Беляев во многом взял на себя не только финансовую помощь, но и организацию лечения композитора: он переводил его из одной лечебницы в другую (Италия – Германия – Ялта – снова Германия), переписывался с лечащими врачами, заботился об условиях медицинского наблюдения. «...Спешу поблагодарить Вас за новое проявление доброй отеческой заботливости обо мне, выразившееся в предложении пригласить ко мне сиделку, – писал Амани Беляеву в октябре 1901 г. из Фалькенштейна. – Недели две тому назад был очень тяжелый момент в моей болезни <...>, кризис продлился 3–4 дня <...>, теперь никакой необходимости приглашать сиделку больше нет...»³². В ответ на заботы Беляева Амани в своих письмах подробно описывал течение своей болезни, как бы «отчитываясь» за израсходованные средства. Композитор ненадолго пережил своего патрона: после смерти М.П. Беляева заботу о нем принял на себя Попечительный совет. Музыкальное наследие Амани, увидевшее свет в беляевском издательстве, было невелико, но, по оценке Н.Н. Черепнина, «всё им написанное носит на себе печать подлинного, изящного и искреннего, благородного по стилю дарования»³³.

Деятельность М.П. Беляева, по мнению М. Монтегю-Натана, можно поставить в сравнение с деятельностью многих европейских музыкальных фондов и меценатов. В частности, это относится к Фонду Палмера, который был создан для исполнения и публикации новых британских работ в области композиции, к поддержке национальной камерной музыки господами Б.В. Коб-

---

³⁰ Черепнин Н.Н. Воспоминания музыканта. Л., 1976. С. 69–70.

³¹ ГЦММК. Ф. 41. Д. 106. Л. 1.

³² Там же.

³³ Черепнин Н.Н. Указ. соч. С. 69.

бетом и Т. Данхиллом, к оказанию индивидуальной помощи национальным композиторам господину Б. Гардинером и др. По версии английского критика, многое из беляевского опыта было почерпнуто Фондом «Carnegie British Composers' Trust»³⁴. Однако, в работе М.П. Беляева были черты, отличающие ее от деятельности музыкальных фондов. Это, в первую очередь, взаимоотношения, связанные с патронажем композиторов, и особенности, вытекающие из этих отношений. Для многих беляевцев их благотворитель действительно был чем-то большим, чем просто меценатом, образ его в их глазах приобретает черты патрона, отца.

Так композитор А.А. Копылов, по словам Беляева, называет его «отцом» в личной переписке³⁵. Ф.С. Акименко говорит о «чисто отцовском участии» со стороны Беляева, которое его «очень трогает»³⁶. Наконец, Н.Н. Амани рассматривает Беляева как «единственного человека», «более чем родного», ибо «от родных и близких я слыхивал только упреки, испытывал неприятности, а то и тяжкие страдания»³⁷. На исходе 1901 г., полагая что его конец близок, Амани завещал Беляеву все свое имущество, «находящееся в целых 4-х корзинах»³⁸. В октябре 1902 г. он еще раз подтвердил свое намерение и, справедливо полагая, что самому Беляеву вряд ли пригодятся его вещи, наметил, как можно было бы их распределить среди друзей (таким образом, Беляев выступал в роли душеприказчика). Впрочем, добавлял он, «упомянутое распределение моего имущества я предоставляю Вам изменять в деталях как угодно и очень был бы рад, если... Вы сами что-нибудь захотели оставить себе на память...»³⁹.

Беляев находил возможным следить за «моральным обликом» своих подопечных. Он, например, укорял А.К. Глазунова за чрезмерное увлечение алкоголем⁴⁰, а А.Н. Скрябина за рассеянность и безалаберность⁴¹. Глазунов не случайно отмечал, что «у Беляева есть

---

³⁴ Montagu-Nathan M. Op. cit. P. 450–451.

³⁵ РО РИИИ. Ф. 8. Разд. XII. № 6. Л. 2.

³⁶ ГЦММК. Ф. 41. Д. 88. Л. 3.

³⁷ Там же. Д. 106. Л. 3.

³⁸ Н.Н. Амани был очень беден (Там же. Д. 132. Л. 3).

³⁹ Там же. Д. 136. Л. 4. М.П. Беляеву так и не пришлось выполнить волю опекаемого им композитора. Н.Н. Амани скончался спустя 11 месяцев после смерти своего патрона.

⁴⁰ ОР РНБ. Ф. 187. Д. 785. Л. 9–10об.

⁴¹ См.: Переписка А.Н. Скрябина и М.П. Беляева. С. 86–87, 90–91, 96, 107, 121–122.

страсть учить людей и наказывать их»⁴². Беляев требовал точности и аккуратности в деловой переписке, учил молодежь правилам ее ведения и сам старался служить в этом примером. Многие его уроки не пропали даром. В.А. Золотарев, например, так писал Беляеву: «...Такого аккуратного корреспондента, как Вы, конечно, и не найти другого <...>. На меня переписка с Вами действует, так сказать, дисциплинирующе: Ваша аккуратность обязывает и меня на таковую же. И не только с Вами: везде, где переписка носит деловой характер, я следую Вашему правилу...»⁴³. Иногда, впрочем, подопечные Беляева полагали, что слишком глубокое вторжение патрона в их личную жизнь недопустимо. Так однажды случилось с А.К. Лядовым. «Мне очень жаль, что Вы во мне видели только одну сторону моего характера – «доброе малого», – писал он Беляеву, – но во мне есть и другая сторона, которая никогда не выносила над собой ни «исправительных мер», ни насилия, ни власти, хотя бы все это делалось во имя любви, дружбы или родства. Я моментально разрывал всякую связь, если она становилась для меня неудобна»⁴⁴. Справедливости ради, следует заметить, что отношения Беляева и Лядова вовсе не были разорваны после этого инцидента, а, напротив, сделались еще более теплыми и дружескими. Иную реакцию мы видим в письме А.К. Глазунова, – это, скорее, попытка конформизма. «...Я при всем желании не обижаться, не мог быть спокоен, прочитав твое первое письмо»⁴⁵. Я даже не отвечал так скоро на него, ибо не желал написать излишних глупостей и решил вообще подождать, чтобы успокоиться. Прости опять, что пишу это. Всегда повторяю, чтобы мы, будучи на ты, чем я дорожу, преследовали бы равенство»⁴⁶.

Особая форма гармонии установилась в отношениях между М.П. Беляевым и А.Н. Скрябиным. Как вспоминал А.В. Оссовский, «человек упрямой воли и крутого нрава, переходившего порой в самодурство <...>, Беляев полюбил Скрябина, столь несхожего с ним по душевному строю, воспитанию, культуре, самой искренней, глубокой, верной любовью. Она распространялась одинаково и на Скрябина-композитора и на Скрябина-человека, и выливалась на каждом шагу их взаимоотношений в трогательнейших действиях и

---

⁴² Глазунов А.К. Письма, статьи, воспоминания. М., 1958. С. 155.

⁴³ ГЦММК. Ф. 41. Д. 230. Л. 1.

⁴⁴ РО РИИИ. Ф. 8. Оп. 12. Д. 45. Л. 19.

⁴⁵ Письма А.К. Глазунова к М.П. Беляеву // Глазунов. Исследования. Материалы. Публикации. Письма... Т. 2. С. 367.

⁴⁶ Там же. С. 338.

поступках Митрофана Петровича, неизменно направленных ко благу Скрябина, – нужды нет, что в иных случаях эти действия получали неуклюжую или грубоватую внешнюю оболочку»⁴⁷. Так композитор неоднократно просил своего патрона «быть строгим» к нему, «побранить» его⁴⁸. Вероятно, такое отношение мобилизовало его и подстегивало к творчеству. Эту просьбу Беляев выполнял с неизменным удовольствием. «Дорогой Саша! <...> Между нами будь сказано – ты препорядочная скотина!» (21 января 1898 года)⁴⁹. «Дорогой Саша! Как возьмешься за перо, чтобы писать тебе, так и начинай ругаться. Ну, не свинья ли ты порядочная?» (27 марта 1898 года)⁵⁰. «...Если ты потерял голову, то объяви об этом в полицию, ибо иначе тебе самому ее никак не найти» (22 января 1999 года)⁵¹. 3 ноября 1903 г. А.Н. Скрябин с удовлетворением писал жене из Петербурга, где он остановился, как всегда, у М.П. Беляева: «Доехал благополучно. Митроша ругался и ласкал вместе. Мил бесконечно»⁵².

Наконец, Беляев устраивал для своих подопечных путешествия по Европе с целью ознакомления с образцами европейской культуры, расширения кругозора путем наблюдения природы и нравов чужих краев, – это считалось очень полезным для людей творческой профессии. Подобную поддержку также можно считать особой формой патронажа. Беляев не просто финансировал поездку, а, скорее, «брал с собой», показывая как надо «правильно» путешествовать: составить маршрут, остановиться в удобном месте и пр. «Большая выгода с ним путешествовать та, – писал А.К. Глазунов В.В. Стасову, – что он человек практичный, а это в дороге драгоценно»⁵³. Беляев путешествовал по Европе стремительно, и программа его поездок была очень насыщенной: быстрые переезды из города в город, посещение большого количества музеев, концертов, выставок. Самые известные из таких поездок – это путешествия летом 1884 г. с А.К. Глазуновым и летом 1895 г. с А.Н. Скрябиным⁵⁴. В 1898 г. должна была состояться беляевская поездка по Европе с А.К. Лядовым. Но композитор в последний

---

⁴⁷ Оссовский А.В. Воспоминания. Исследования. Л., 1968. С. 71–72.

⁴⁸ Скрябин А. Н. Письма... С. 87, 162.

⁴⁹ Переписка А.Н. Скрябина и М.П. Беляева... С. 114.

⁵⁰ Там же. С. 121

⁵¹ Там же. С. 140.

⁵² Скрябин А.Н. Письма. С. 291.

⁵³ Глазунов. Исследования. Материалы. Публикации. Письма... Т. 2. С. 278.

⁵⁴ См.: Луконин Д.Е. Русский купец на отдыхе и лечении (малоизвестные страницы жизни Митрофана Беляева) // Туризм и культурное наследие. Саратов, 2004. Вып. 2. С. 33–62.

момент отказался: «Дорогой Митрофан, – писал он, – мне очень не хочется ехать за границу. Не в коня корм! Вместо удовольствия – я буду мучиться <...>. У меня нервы совсем расстроены и мне необходимо провести лето спокойно, без всяких волнений, без сильных ощущений...»⁵⁵. Как видно, эта форма поддержки была достаточно редким явлением меценатской деятельности Беляева и относилась только к самым близким по духу композиторам, с которыми у купца сложились дружеские отношения. А.В. Оссовский отмечал, что «при жизни М.П. Беляева предпринятое им дело было больше, чем только издательство, больше, чем просто концерты и покровительство искусству. И это большее давала самая личность Митрофана Петровича»⁵⁶.

На денежные вспоможения нуждающимся музыкантам после своей смерти М.П. Беляев завещал капиталы, образуемые после ликвидации его имущества душеприказчиком С.П. Беляевым (братом М.П. Беляева), и некоторые другие суммы. К 1 ноября 1910 г. этот капитал составил 109900 рублей. Как и в случае с другими капиталами, предполагалось расходование процентов с указанной суммы⁵⁷. Однако после смерти М.П. Беляева из этого вида благотворительности деятельности исчезли характерные черты патронажа, связанные с самой личностью благотворителя. Попечительный совет, которому Беляев передал свои капиталы и меценатские функции склонен был рассматривать поддержку композиторов с более формальных сторон, таких, в частности, как художественная значимость представленного произведения или соответствие его принятому в беляевском кружке направлению.

Сразу после смерти М.П. Беляева стали возникать непрерывные трения между Попечительным советом и А.Н. Скрябиным. Уже в феврале 1904 г. Совет принял решение о прекращении ежемесячной финансовой поддержки Скрябина⁵⁸. Скрябин же, в свою очередь, настаивал на «моральной оправданности» сохранения того положения дел, которое существовало при жизни мецената. В письме к А.К. Лядову он писал: «Я понимаю, что если придержи-

---

⁵⁵ РО РИИИ. Ф. 8. Разд. XII, № 45. Л. 59–59об.

⁵⁶ [Оссовский А.В.] М.П. Беляев и основанное им музыкальное дело. Краткий очерк. СПб., 1910. С. 22.

⁵⁷ Там же. С. 19–21.

⁵⁸ А.В. Оссовский полагал, что такое решение было вызвано настойчивостью делопроизводителя Совета Ф.И. Груса, убедившего душеприказчиков в невозможности данного финансового расхода виду отсутствия такового в завещании М.П. Беляева (см.: Оссовский А. В. Воспоминания, исследования. Л., 1968. С. 85).

ваться буквы устава, то вы совершенно правы, и я ни на что претендовать не могу, но вместе с тем тебе, конечно, очевидно, что, оставляя прежние условия со мной, вы точнее исполнили бы волю Митрофана Петровича <...> (Беляев. – Д.Л.) хотел подкрепить это письменным обязательством, если бы я тому не воспротивился»⁵⁹. Те же аргументы были приведены Скрябиным и в официальном письме на имя душеприказчиков М.П. Беляева: «В ноябре 1903 года Митрофан Петрович хотел дать мне письменное обязательство выполнять эти условия, но я отклонил это»⁶⁰.

В конце 1904 г. А.Н. Скрябин получил очередную глинкинскую премию, размером которой остался недоволен. В письме к своей покровительнице М.К. Морозовой он так описывал ситуацию: «...Каждый год в ноябре я получал из Петербурга премию за мои сочинения. Премия эта учреждена Беляевым (так называемая Глинкинская). Последние 2 года я получал по 1500 рублей, и у меня были основания думать, что и в этом году мне выдадут столько же. Но случилось иначе, я получил всего 500 рублей»⁶¹. Скрябин нуждался в деньгах и рассчитывал на щедрость душеприказчиков Беляева. Когда же этого не случилось, он попросил М.К. Морозову возместить ему неожиданный убыток «заимообразно, с тем, что на будущий год, когда я надеюсь снова получить премию, или вообще при 1-й возможности я вам эту тысячу возвращу»⁶². В другом письме А.Н. Скрябин так отзывался о неожиданном уменьшении размеров премии: «Не велика штука бородавка, а все к носу прибавка! И за 500 спасибо! Я не только не удивился, но и не ожидал большего»⁶³. Очевидно, что уже к концу 1904 г. Скрябин постепенно начал освобождаться от иллюзий по поводу деятельности Попечительного совета.

1905 г. характеризовался настороженностью отношений между А.Н. Скрябиным и Попечительным советом. С одной стороны,

---

⁵⁹ Скрябин А.Н. Письма... С. 301.

⁶⁰ Там же. С. 300. На короткое время индивидуальная финансовая поддержка А.Н. Скрябина была продлена.

⁶¹ Там же. С. 327.

⁶² Там же. С. 328. Чрезвычайно показательной являлась эта ничем не оправданная, фактически иррациональная надежда на премию следующего года. Она в полной мере показывала зависимость композитора от беляевского покровительства. Скрябин продолжал в конце 1904 г. писать и мыслить так, как если бы М. П. Беляев был еще жив. Что же до его преемников, то по их поводу он питал гораздо меньше иллюзий.

⁶³ Там же. С. 323.

Скрябин как бы проверял Совет «на прочность». «Так как я боялся, что совет не будет мне платить также щедро, как это делал Беляев, – писал он жене 19 февраля, – то я для пробы послал самые маленькие и слабые из всех моих вещей, за которые, как видишь, получу обычное вознаграждение. Я писал тебе, что назначил за них 300⁶⁴, это я сделал нарочно. Теперь, через несколько времени, я пошлю 5–6 сочинений и, таким образом, буду в состоянии выслать тебе побольше денег»⁶⁵. Со своей стороны, члены Совета были возмущены действиями А.Н. Скрябина. А.К. Лядов, например, написал Н.А. Римскому-Корсакову 10 апреля 1905 г.: «Неужели же это «музыка будущего»? Неужели все это мы должны издавать? А сколько претензий у автора! 15 тактов гримас называет «Фантастической поэмой». Вот фантастическое-то нахальство и самообожание!!!»⁶⁶. Н.В. Арцыбушев, член-заместитель Н.А. Римского-Корсакова, по воспоминаниям А.В. Оссовского, выразился еще яснее и короче: «Скрябин плюнет, а мы ему плати сто-двести рублей!»⁶⁷. В августе 1905 г. А.Н. Скрябин переслал для издания четыре прелюдии для фортепиано, гонорар за них он просил выдать ему авансом в обход обычной процедуры. Для выполнения этой просьбы Скрябина было необходимо специальное решение Попечительного совета. Вопрос был решен положительно, но А.К. Лядов не смог удержаться от иронии. «...Так как Скрябин не захочет взять за каждую прелюдию по 5 коп[еек], ему за 4 прелюдии надо уплатить 400 руб[лей]», – писал он А.К. Глазунову⁶⁸.

Развязка в этой двойственной ситуации наступила на рубеже 1905–1906 гг., когда за очередные три пьесы А.Н. Скрябина ввиду их краткости ему был предложен гонорар по 50 рублей за каждую. Композитор счел это действие жестом намеренного оскорбления и выражением «желания фирмы Беляева» порвать с ним «всякие сношения»⁶⁹. В ответ он принял решение прекратить издание своих сочинений в беляевском издательстве, но после переговоров с Советом согласился на гонорар по 100 рублей за пьесу. Свою позицию он

---

⁶⁴ В ответ на предложение А.Н. Скрябина Совет сообщил композитору, что не может заплатить более чем по 100 рублей за каждую из вещей, имея ввиду «высшие цены», какие когда-либо платил покойный М.П. Беляев за подобные сочинения.

⁶⁵ Скрябин А.Н. Письма... С. 358.

⁶⁶ Римский-Корсаков Н.А. Полн. собр. соч.: Литературные произведения и переписка: В 8 т. М., 1955–1982. Т. 6. С. 32.

⁶⁷ Оссовский А.В. Воспоминания. Исследования... С. 85.

⁶⁸ Скрябин А.Н. Письма... С. 391.

⁶⁹ Там же. С. 402.

подробно изложил в письме к В.В. Стасову, в котором просил престарелого критика о «совете и помощи», вероятнее всего полагая, что авторитетный Стасов сможет воздействовать на политику Попечительного совета. «Вам, конечно, небезызвестно, что я порвал свои сношения с фирмой Беляева, – писал он 11 июля 1906 г. – Посылать <...> свои рукописи после нанесенной мне обиды считаю унижительным, да и чем я гарантирован, что мне не предложат за следующее сочинение 10 рублей?! <...> Вот уж не ожидал, что произойдет такая катастрофа. Еще менее ожидал, что этим затруднительным положением я буду обязан товарищам по искусству!»⁷⁰.

В это время А.Н. Скрябин был озабочен изданием своего нового большого произведения «Поэма экстаза». Однако удовлетворить амбиции и финансовые запросы композитора было далеко не просто. Уже в самом конце своей жизни М.П. Беляев назначил за трехчастную Третью симфонию Скрябина рекордно высокий гонорар в 2000 рублей. Теперь композитор был уверен, что новая (одночастная) «Поэма экстаза» достойна несравненно более высокой оплаты в 5000 рублей⁷¹. После кризиса в отношениях с Попечительным советом он пытался пристроить свое произведение в коммерческое издательство Б.П. Юргенсона, снизив предполагаемый размер гонорара до 4000 рублей. Но Б.П. Юргенсон, как и следовало ожидать, ответил отказом. Можно согласиться с выводом биографа Скрябина А.И. Бандуры о том, что «ничего, кроме удивления, такие «завышенные претензии» у издателей вызвать не могли»⁷². Создается впечатление, что Скрябин даже не предполагал, в каком уникальном положении он находился, пользуясь покровительством М.П. Беляева.

Вдобавок ко всему «Поэма экстаза» отнюдь не вызывала восторга у членов Попечительного совета. Н.В. Арцыбушев, например, предлагал снять ее исполнение с программы Русских симфонических концертов. В ответ на это Н.А. Римский-Корсаков якобы писал ему следующее: «Экстаз» вещь сильная и длинная и его пристроить нелегко. <...> Скрябин тяжел, но интересен»⁷³. Считалось, что таким образом Римский-Корсаков выступил в защиту творения Скрябина. Однако в данной публикации содержалась весьма показательная ошибка. Правильная цитата такова:

---

⁷⁰ Скрябин А.Н. Письма... С. 425–426.

⁷¹ Там же. С. 390.

⁷² Бандура А.И. Александр Скрябин... С. 188.

⁷³ Римский-Корсаков Н.А. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 364.

«Экстаз вещь скверная и длинная»⁷⁴. То есть, если Римский-Корсаков и защищал Скрябина, то делал это своеобразно. Его мысль состояла в том, что если даже в «беляевских концертах» не будет исполнена «скверная и длинная» работа Скрябина, на протяжении многих лет бывшего близким другом покойного мецената, то кто же тогда вообще возьмется исполнить это произведение?⁷⁵ Такая реакция в нынешнее время кажется очень необычной, так как речь идет именно о «Поэме экстаза», крупнейшем в художественном плане произведении А.Н. Скрябина, ставшем впоследствии «визитной карточкой» композитора.

В 1907 г. Скрябину была нанесена очередная «обида» – впервые за много лет ему вообще не была присуждена глинкинская премия. «Я жалею не о «премии, – писал композитор М.К. Морозовой, – но о деньгах, которые мне так нужны»⁷⁶. Позднее присуждение Скрябину глинкинских премий также сопровождалось большим скрипом. В 1911 г. «Прометей» вызвал долгие сомнения членов Совета⁷⁷, а в 1913 г. премирование Скрябина было раз и навсегда прекращено по категорическому ультиматуму А.К. Глазунова: либо Совет перестает рассматривать его сочинения в качестве претендующих на премию, либо сам Глазунов выйдет из состава Совета⁷⁸.

Приблизительно по такому же сценарию развивались отношения Совета с другим композитором-«беляевцем» Ф.С. Акименко, увлекшимся в начале XX в. модернистскими изысканиями. Не обладая талантом, сравнимым со скрябинским, он по направлению

---

⁷⁴ См.: Летопись жизни и творчества А.Н. Скрябина / Сост. М.П. Прянишникова и О.М. Томпакова. М., 1985. С. 156.

⁷⁵ Об издании «Поэмы экстаза» А.Н. Скрябину, в конечном итоге, все-таки удалось договориться только с издательством Беляева. Размер гонорара был существенно ниже, чем первоначально ожидаемый. «Беляевцы» были готовы выплатить Скрябину 1500 рублей, да и то с дополнительным условием, что кроме партитуры композитором также будет сделано четырехручное переложение (см.: *Скрябин А.Н. Письма...* С. 474).

⁷⁶ Там же. С. 489.

⁷⁷ «Прометей» все же был премирован после бурного заседания, закончившегося поздно ночью, – вспоминал А.В. Оссовский. – На следующее утро, в необычно ранний час, меня вызвал к телефону Лядов. На мой недоуменный вопрос о причинах столь раннего звонка Анатолий Константинович смущенно ответил: «Знаешь ли, плохо что-то спалось ночью. Все не идет с ума мысль: подписать-то протокол о премировании мы подписали, но хороши же мы будем, когда недельки через две узнаем, что Скрябина свезли на Удельную» (*Оссовский А.В. Воспоминания. Исследования...* С. 83–84).

⁷⁸ Там же. С. 84.

творческого развития и даже по некоторым внешним особенностям был весьма схож с последним. Вот какой его замечательный портрет нарисовал в своих воспоминаниях Л.Л. Сабанеев: «Акименко был очень оригинальным существом. Это был человек, совершенно оторванный от земной поверхности. Его мысли и фантазии вращались в каких-то странных мирах, среди областей, совмещавших в себе одновременно астрономию, какую-то салонную мистику и детские сказочки. Была какая-то оригинальная утонченность в нем <...>. Его сочинения, обычно очень небольшие..., были снабжены очень высокими заглавиями, в которых участвовали и серафимы, и сатурновы кольца, и туманности... Он был, по видимому, очень большого о себе мнения, но прирожденная внешняя скромность заставляла его не говорить о себе»⁷⁹.

В 1903–1906 гг. Ф.С. Акименко жил за границей, во Франции, и, не имея там прочного положения, постоянно испытывал нужду в денежных средствах. Пошедши навстречу композитору и учитывая его многолетнюю принадлежность к беляевскому кружку, Попечительный совет предоставлял ему денежные авансы в обход принятых правил. Однако увлечение Акименко модернизмом беспокоило руководство беляевского фонда. Развязка в этой неустойчивой ситуации наступила летом 1906 года. Присланные Акименко для печати в беляевском издательстве новые произведения показали А.К. Глазунову очень слабыми. Учитывая, что Глазунов был единственным из членов Попечительного совета, присутствовавшим в это время в Петербурге, на его долю и выпало ответить «композитору французской школы»⁸⁰. Ответ этот оказался крайне показательным: «Я проиграл все от начала до конца, – писал А.К. Глазунов, – и, не отрицая интереса в Ваших произведениях позднейшего периода, тем не менее должен признаться, что новое направление Вашей музыки мне не по сердцу. Смеею предполагать, что и сотоварищи мои разделяют мое мнение⁸¹. Я горько извиняюсь перед Вами, что высказываю вам все это, но мне ужасно больно, что Вы – чистокровный русский – так скоро утратили свою национальность. Переселитесь опять в Россию и покиньте Францию!»⁸².

---

⁷⁹ Сабанеев Л.Л. Воспоминания о Скрябине... С. 83.

⁸⁰ Так насмешливо называл его Н.А. Римский-Корсаков в письме к А.К. Глазунову от 16/29 июня 1906 года (см.: *Римский-Корсаков Н.А.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 177).

⁸¹ Имеются в виду члены Попечительного совета.

⁸² Глазунов А.К. Письма, статьи, воспоминания... С. 319.

Еще более подробно Глазунов сообщает о своих претензиях к творчеству Ф.С. Акименко в письмах к Н.А. Римскому-Корсакову. «...[Я] высказал крайнее сожаление по поводу того, что направление его музыки так губительно поддавалось влиянию современной французятини...»⁸³. «Что за пошлость называть по-французски «En Petite Russie» неумело и грубо сделанную парафразу на известную тему... <...> Может быть, приехав на родину, Акименко излечится от французского недуга; если же у него мания величия, то его музыкальной деятельности – крышка»⁸⁴. В свою очередь, Акименко отдельно апеллировал к Н.А. Римскому-Корсакову как к своему учителю, с которым у него существовали доверительные отношения⁸⁵. Однако в этом случае (как и в подавляющем большинстве других) Римский-Корсаков выступил в единстве с Советом. «Стоя во главе беляевского издательства вместе с Ал[ександром] Конст[антиновичем] и Ан[атолием] Конст[антиновичем], я ведь имею право иметь свое мнение, тождественное с мнением их, а не с вашим? – писал он Ф.С. Акименко 11/24 июня 1906 г. – Так вот мнение общее нас трех и руководило нас в наших поступках»⁸⁶.

Любопытно, что и Глазунов, и Римский-Корсаков высказывали суждения, нелюбезные для Акименко, так сказать, «подружески», искренно считая его своим сотоварищем по беляевскому делу. «...Боюсь, чтобы Акименко, подобно Скрябину, не обиделся на меня», – опасался А.К. Глазунов⁸⁷. Акименко, однако, обиделся и разорвал свои отношения с фондом, написав в адрес Глазунова резкое письмо, предназначенное для Попечительного совета⁸⁸. Римский-Корсаков, со своей стороны, хотя и предполагал, что у Акименко «aber недовольно сюда»⁸⁹, тем не менее жалел своего ученика. «В конце концов, быть может, всего лучше будет, если Акименко обидится на Вас, – писал он Глазунову, – и, выбравив всех нас, оставит в покое;

---

⁸³ Римский-Корсаков Н.А. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 176.

⁸⁴ Там же. С. 178.

⁸⁵ Еще до отъезда Ф.С. Акименко во Францию Римский-Корсаков проявлял заботу о своем ученике. В письме А.С. Аренскому он находил возможным писать даже так: «Мне хотелось бы обставить его [Акименко] настолько хорошо в материальном отношении, чтобы он мог иметь время для своих занятий и сочинения» (Там же. Т. 7. С. 230).

⁸⁶ Там же. С. 314.

⁸⁷ Глазунов А.К. Письма, статьи, воспоминания... С. 317.

⁸⁸ Римский-Корсаков Н.А. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 180.

⁸⁹ Там же. С. 177.

но в эту минуту его немножко жалко»⁹⁰. Так и решено было поступить. Акименко еще раз было выслано «в нарушение Устава» 200 рублей с тем, чтобы окончательно покончить отношения с ним⁹¹.

И еще один факт из этой истории представляется интересным для изучения технологии работы беляевского фонда. Обжегшись на выяснении «дружеских отношений» с «обидчивыми» А.Н. Скрябиным и Ф.С. Акименко, члены Попечительного совета постепенно выработали формальные правила работы фонда, необходимые для его стабильного функционирования. К их числу относился, например, порядок ответов соискателям денежных средств. «Очень сожалею, – писал Н.А. Римский-Корсаков Ф.С. Акименко, – что таковое мнение⁹² я Вам высказывал (высказывал его Вам также, кажется, и Ал[ександр] Конст[антинович]); между тем заправила всяких других издательских фирм обыкновенно не высказывают своего мнения композиторам, сочинения которых издавать не берутся, а отказывают под благовидными предложениями или просто без объяснения причин. Так и мы впредь будем поступать»⁹³. Таким образом, характерные формы патронажа, выработанные при жизни М.П. Беляева, оказались трудно осуществимыми для «коллективного патрона» в лице Попечительного совета и исторически остались связанными исключительно с личностью самого мецената.

---

⁹⁰ Римский-Корсаков Н.А. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 177.

⁹¹ Там же. С. 178.

⁹² Иначе говоря, критическое мнение о его произведениях.

⁹³ Римский-Корсаков Н.А. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 314–315.

ИСТОРИКИ ТРАГИЧЕСКОЙ СУДЬБЫ: П.Г. ЛЮБОМИРОВ И П.Г. ВАСЕНКО

В.В. Митрофанов

Южно-Уральский государственный университет
(филиал в г. Нижневартовске),
кафедра гуманитарных и естественнонаучных дисциплин
E-mail: viktor-n1962@mail.ru

В статье анализируется творческая судьба известных русских историков, представителей последнего поколения петербургской школы. В советский период жизнь обоих исследователей сложилась трагически. На основе новых архивных материалов вносятся существенные дополнения о судьбе П.Г. Васенко.

Ключевые слова: историография, П.Г. Любомиров, П.Г. Васенко, новый период творчества, советский период, арест.

HISTORIANS OF TRAGIC FATE: P.G. LIUBOMIROV AND P.G. VASENKO

V.V. Mitrofanov

The article analyzes the creative life of the famous Russian historians, the latest generation of St. Petersburg's school. In the Soviet period, the life both researchers has developed a tragedy. Based on new archival materials substantial additions about the fate of P.G. Vasenko were made.

Key words: Historiography, P.G. Lyubomirov, P.G. Vasenko, a new period of creativity, the Soviet period, arrest.

В последнее время исследователи активно занимаются изучением судеб историков, творческое наследие которых вошло в золотой фонд отечественной историографии. Прежде всего, это относится к представителям науки, как продолжавшим работать в постреволюционной России, так и в силу разных обстоятельств покинувшим ее пределы. В литературе эту категорию научных деятелей принято условно разделять на «старых специалистов» и «красных профессоров»¹. В работах, посвященных данной про-

---

¹ См.: Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии

блеме стоит конкретный человек, ученый-историк, его личная и творческая судьба. Авторы данных трудов не только обозначили индивидуальность главных персонажей своих исследований, но и представили их через призму «научной стратегии» и «поведенческой практики в научном сообществе»².

Известно, что наивысшей стадией партийно-идеологического прессинга «старых специалистов», явилось так называемое «Академическое дело»³. Его жертвами стали более ста сотрудников столичных научных и учебных учреждений, в том числе четыре академика (С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле, Н.П. Лихачев, М.К. Любавский) и девять членов-корреспондентов АН СССР. Всем им было предъявлено обвинение в создании контрреволюционной организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России» с целью свержения советской власти и восстановления монархии.

Среди гонимых за мифические преступления ученых оказались и ближайшие ученики С.Ф. Платонова – главного персонажа искусственно организованной травли – Павел Григорьевич Любомиров и Платон Григорьевич Васенко. Но если исследовательский интерес к научной биографии первого в исторической литературе на протяжении многих лет оставался вполне стабильным и год от года продолжает шириться и развиваться⁴, то личная и творческая

(1930–1950-е гг.) Брянск, 2005; Историк и власть: советские историки сталинской эпохи. Саратов, 2006; *Андреева Т.В., Соломонов В.А.* Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов / Отв. ред. А.Н. Цамутали. 1887–1941. Саратов, 2006; *Брачев В.С.* Служители исторической науки. СПб., 2010; Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х–середина 1950-х гг. / под ред. В.П. Корзун. М., 2011; и др.

² Трансформация образа советской исторической науки... С. 372–451.

³ См.: Академическое дело, 1929–1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1: Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993; *Акинъшин А.Н.* Судьба краеведов (конец 20-х – начало 30-х годов) // ВИ. 1992. № 6–7; *Ананьич Б.В., Панях В.М.* Принудительное «соавторство» (К выходу в свет сборника документов «Академическое дело 1929–1931 гг.» Вып. 1) // In memoriam: Ист. сб. памяти Ф.Ф. Перченка. М., 1995; *Бердинских В.А., Воробьева И.А., Даниошенко В.С.* Репрессированная наука // Вестн. Вятск. пед. ун-та. Сер. Краеведение. 1997. Вып. 1; *Каганович Б.С.* Начало трагедии: (Академия наук в 1920-е годы по материалам архива С.Ф. Ольденбурга) // Звезда. 1994. № 12; и др.

⁴ См.: *Соломонов В.А.* «Отношение П.Г. [Любомирова] к университету было чрезвычайно бережным и любовным»: С.Н. Чернов о саратовском периоде жизни П.Г. Любомирова // СКС. Саратов, 2002; *Он же.* Историк – страдающий: П.Г. Любомиров // Историк и власть: советские историки ста-

судьба второго попала в поле зрения историков относительно недавно⁵ и оттого нуждается в дальнейшем глубоком и всестороннем изучении.

Работы последнего времени, посвященные П.Г. Любомирову⁶, позволили дополнить отдельные малоизвестные страницы научной биографии ученого. Используемые в них новые архивные материалы, позволили иначе взглянуть на творческую лабораторию историка в период работы над магистерской диссертацией о Нижегородском ополчении, полнее раскрыть его неподдельный интерес к Смутному времени в 1920-е гг., оценить его профессорско-преподавательскую деятельность в Томском университете и многое другое.

Немаловажное значение для характеристики условий, в которых П.Г. Любомирову пришлось трудиться в Саратовском университете и причин ухода из него, имеют мемуарные зарисовки современников, публичные и печатные выступления как учеников и коллег ученого, так и его явных недоброжелателей⁷.

линской эпохи... С. 251–277; *Он же*. «Чувствую себя очень неопытным в делах литературных...» (Письма П.Г. Любомирова С.Ф. Платонову 1912–1929 гг.) // История и историческая память. Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов, 2011. Вып. 4. С. 221–259.

⁵ См.: *Солодкин Я.Г.* П.Г. Васенко (К истории изучения русской публицистики XVI–XVII веков в Санкт-Петербургском университете) // Российские университеты в XVIII–XX веках: Сб. науч. статей. Воронеж, 2002. Вып. 6; П.Г. Васенко (Основные направления исследовательской деятельности) // Вестн. Чуваш. гос. пед. ун-та им. И.Я. Яковлева. Чебоксары, 2002. № 5(29); *Сиренов А.В.* Поздние редакции Степенной книги // АЕ за 2004 год. М., 2005; *Усачев А.С.* Забытое мнение о Степенной книге (Из неопубликованного наследия М.Я. Диева) // Там же; *Митрофанов В.В.* С.Ф. Платонов и П.Г. Васенко (творческие и личные взаимоотношения) // ВИ. 2006. № 7.

⁶ См.: *Митрофанов В.В.* П.Г. Любомиров как исследователь Сибири // *Мира не узнаешь, не зная края своего: Материалы 9-х краеведческих чтений.* Нижневартовск, 2005; *Он же*. П.Г. Любомиров в Томском университете // *Западная Сибирь: история и современность: Краеведч. зап. Тюмень, 2005. Вып. 7; Он же*. О программе П.Г. Любомирова по источниковедению // ВИД: классическое наследие и новые направления: материалы XVIII науч. конф. Москва, 26–28 янв. 2006. М., 2006; *Он же*. Об «одной из самых любимейших исторических тем» С.Ф. Платонова (С.Ф. Платонов и П.Г. Любомиров о Нижегородском ополчении времени Смуты) // Клио. 2006. № 1.

⁷ См.: *Кушева Е.Н.* П.Г. Любомиров в Саратовском университете: Страницы воспоминаний // *Историографический сборник.* Саратов, 1991. Вып. 15; Доклад Е.П. Подъяпольской на траурном заседании ученого совета ГИМ'а, посвященном памяти профессора П.Г. Любомирова / Публ., вступ. статья и коммент. В.А. Соломонова // *Новейшая история Отечества XX–XXI вв.: Сб.*

В 2011 г. в очередной раз был переиздан главный труд всей жизни П.Г. Любомирова – «Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1612 годов»⁸, снабженный в качестве послесловия обстоятельным историко-биографическим очерком, составленным доктором исторических наук А.А. Кузнецовым⁹.

И все же следует констатировать, что, несмотря на большое количество исследований о П.Г. Любомирове, «история его жизни и творчества еще ждет своих исследователей»¹⁰.

В отличие от непростой судьбы П.Г. Любомирова, творческий и жизненный путь П.Г. Васенко в послеоктябрьский период оказался несоизмеримо трагичен и безысходен. Ему выпал жребий испытать не только пытки моральные, но и физические! До сих пор многие факты его биографии остаются весьма туманными и неопределенными. До недавнего времени его имя в том или ином качестве мелькало лишь в исследованиях, посвященных С.Ф. Платонову¹¹. Позже появились работы, приоткрывающие завесу неизвестности в творческой и личной трагедии ученого¹², справедливо причисляемого к «крупнейшим специалистам и знатокам древнерусской истории и письменности»¹³.

науч. тр. Саратов, 2009. Вып. 3; *Андреева Т.В., Смирнова Т.Г.* П.Г. Любомиров и С.Н. Чернов // Русская наука в биографических очерках. СПб., 2003; *Меерсон Г.* Люди «свободной чистой науки» с феодально-монархическим паспортом // На культурном фронте. 1931. № 5–6; *Микин Г.* Огонь по проповедникам помещье-буржуазным взглядов в исторической науке // Там же. № 15–19.

⁸ См.: *Любомиров П.Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1612 годов // Подвиг Нижегородского ополчения: В 2 т. Нижний Новгород, 2011. Т. 2. С. 11–454.

⁹ См.: *Кузнецов А.А.* Слово о Павле Григорьевиче Любомирове и его сверстниках-коллегах // Там же. С. 454–478.

¹⁰ *Куреньшев А.А.* Судьба историка. П.Г. Любомиров. 1885–1935 // Историографический сборник. Саратов, 2001. Вып. 19. С. 114.

¹¹ См.: *Колобков В.А.* С.Ф. Платонов в Санкт-Петербургском университете // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры: Сб. науч. тр. СПб., 1994; *Брачев В.С.* «Дело» академика С.Ф. Платонова // ВИ. 1989. № 5; *Он же.* Феномен С.Ф. Платонова и наша историческая наука // Платонов С.Ф. Смутное время. СПб., 2001; *Цамутали А. Н.* Глава петербургской исторической школы: Сергей Федорович Платонов // Историки России. XVIII – начала XX века. М., 1996; *Бычков С.П., Корзун В.П.* Введение в историографию отечественной истории XX в: Учеб. пособие. Омск, 2001; и др.

¹² См.: Сноска № 5.

¹³ *Брачев В.С.* Служители исторической науки... С. 293.

Важно подчеркнуть, что составленный Д.О. Серовым список печатных работ ученого (См.: *Серов Д.О.* П.Г. Васенко: Материалы к библиографии

До сего времени окончательно невыясненным оставались даже точная дата, место смерти ученого и его захоронения, до сих пор не установленного¹⁴. Однако, новые архивные материалы дают полное основание опровергнуть ранее выдвинутую версию о гибели П.Г. Васенко в период его лагерного заключения¹⁵, о чем свидетельствует его переписка с В.Д. Бонч-Бруевичем, занимавшемся организацией литературного музея в Москве, завершившаяся в сентябре 1934 г.¹⁶ и письмо, адресованное В.И. Мальшеву от 7 августа 1940 года¹⁷. А сведения, полученные из ЗАГС'а г. Владимира позволяют окончательно установить точную дату и место смерти ученого – 10 апреля 1942 г., гор. Владимир.

О ранней биографии П.Г. Васенко известно, увы, немного. Его отец, выходец из небогатой дворянской семьи, дослужился до генерал-лейтенанта по адмиралтейству. Брат Николай, в монашестве Никифор, являлся архимандритом. В 1897 г. П.Г. Васенко

(1899–1929) // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1992. Вып. 2. С. 419–429) далеко не полный и нуждается в уточнении и дополнении (см.: Митрофанов В.В. П.Г. Васенко о «Сказании Авраамия Палицына» (Подг. к публ. и коммент.) // ИА. 2008. № 6. С. 207. Прим. 3).

¹⁴ В одних изданиях указано, что П.Г. Васенко скончался в 1934 г. (см.: Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками... Т. 1. С. 313; Александр Евгеньевич Пресняков: Письма и дневники 1899–1927. СПб., 2005. С. 918), в других – в 1941 г. (см.: Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками / Сост.: Л.Г. Дубенская и А.М. Дубровский. М., 2001. С. 193). Д.О. Серов, ссылаясь на свидетельство Н.Н. Покровского (1983), отмечал: «П.Г. Васенко умер в блокадном Ленинграде в 1942 г.» (см.: Серов Д.О. П.Г. Васенко: Материалы к биобиблиографии... С. 421). По данным В.С. Брачева судьба ученого сложилась следующим образом: 7 февраля 1930 г. он был арестован по групповому «делу академиков». 8 августа 1931 г. – приговорен к 5 годам ссылки на Урал. 22 февраля 1933 г. – досрочно освобожден... Проживал во Владимире. В апреле 1942 г. – скончался (см.: Брачев В.С. «Дело историков». 1929–1931 гг. СПб., 1998. С. 117–118). А.И. Солженицын упоминал П.Г. Васенко в числе заключенных Соловецкого лагеря (см.: Солженицын А.С. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собр. соч. М., 1991. Т. 6. С. 28). О кончине историка в Ленинграде в блокадный 1942 г. указывал в личной беседе с автором настоящей публикации и А.В. Мельников.

¹⁵ См.: Советская Россия: 1917–1991. Государство, политика, экономика, наука, культура, литература, искусство. Свод персоналий см.: Митрофанов В.В. С.Ф. Платонов и П.Г. Васенко ... С. 162.

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 560. Л. 31, 36.

¹⁷ ОР ИРЛИ. Ф. 4949. Оп. 2. Д. 270. Л. 1–2. Автор выражает сердечную благодарность доктору исторических наук, профессору А.В. Сирену за предоставление данного источника.

окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, после чего стараниями С.Ф. Платонова был оставлен при университете без стипендии на два года – по 1 июня 1899 г., для приготовления к профессорскому званию¹⁸.

В 1895 г., будучи студентом VIII семестра, П.Г. Васенко представил на конкурс свое первое научное исследование «Состав, служебное устройство и хозяйственное обеспечение гарнизонных и полевых войск в южных городах Московского государства в XVI – первой половине XVII века»¹⁹, отмеченное золотой медалью.

В записке о наградах давалась весьма высокая оценка представленной на конкурс работе, представляющей собою, по мнению рецензента, «тщательное собрание и внимательную группировку данных, относящихся к теме». Ее автор, отмечалось далее, «с одинаковым прилежанием разрабатывает как тексты, уже изученные другими исследователями, так и новые тексты недавно опубликованных документов», взявший «себе за правило, не полагаться ни в каком случае на чужое наблюдение или чужой вывод». Одновременно с этим в отзыве отмечались «самостоятельность», «практическая наблюдательность», умение делать «собственные заключения», позволившие не только дополнить, но и исправить неточности предшествующих исследований по данной теме. В заключении рецензент подчеркивал, что претендент на награду «дорожит каждой мельчайшей подробностью», а само сочинение «производит впечатление серьезного, тщательного и самостоятельного научного труда»²⁰.

---

¹⁸ См.: Годичный акт о состоянии и деятельности императорского Санкт-Петербургского университета за 1897 год, составленный ординарным профессором В.К. Ернштедтом. СПб., 1898. С. 41, 89.

¹⁹ См.: *Васенко П.Г.* Состав, служебное устройство и хозяйственное обеспечение гарнизонных и полевых войск на южной окраине Московского государства в XVI – первой половине XVII столетия // Годичный акт за 1895 год: Отчет о состоянии и деятельности императорского Санкт-Петербургского университета за 1895 год, составленный ординарным профессором Х.Я. Гоби. СПб., 1896. С. 73. Спустя четверть века ученый вернулся к вопросу, затронутому в студенческом сочинении, в следующих работах: «Заметках к истории служилого класса в Московском государстве. Атаманы служилые – поместные» (Дела и дни: Ист. журнал. Пг., 1920. Кн. 1), «Заметки к истории служилого класса в Московском государстве. Казаки поместные, беломестные и кормовые» (Там же. 1922. Кн. 3).

²⁰ Отчет о состоянии и деятельности императорского Санкт-Петербургского ун-та за 1895 год... С. 73–75.

Таким образом, к моменту завершения университетского курса обучения у П.Г. Васенко уже сформировались все необходимые признаки настоящего серьезного исследователя. Большая часть заслуги в этом принадлежала С.Ф. Платонову, сыгравшего ключевую роль в жизни П.Г. Васенко, направляя на первых порах его научную работу и оказывая всяческое содействие при устройстве на службу.

В научном творчестве историка при желании можно выделить несколько ключевых этапов. Первый был связан с его работой над магистерской диссертацией о «Степенной книге»²¹, второй – с деятельностью в Археографической комиссии, членом которой по представлению С.Ф. Платонова он стал в 1906 г.²² и, наконец, третий, практически не известный – с исследованием «Сказания» Авраамия Палицына.

Историк, по утверждению Д.О. Серова, в 1921 г. «начинает подготовку монографии <...>. Судя по всему, на протяжении 1920-х гг. им было создано фундаментальное исследование памятника»²³, однако доподлинная «судьба этого труда неясна»²⁴. В указанный отрезок времени П.Г. Васенко было опубликовано десять статей, отражавших тематику его. Рукопись последней работы²⁵ была обнаружена в ОР РНБ²⁶. Несмотря на то, что ее название похоже на прижизненное издание²⁷, можно предположить ее самостоятельный характер²⁸. Для подкрепления этой мысли приведем ряд аргументов. Первая была написана в 1924 г. и по объему больше, чем вторая, датированная автором 13 декабря 1926 года. Текстологический анализ двух текстов позволяет выяснить основные их отличия. При этом П.Г. Васенко активно полемизи-

---

²¹ См.: *Васенко П.Г.* Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904. Ч. 1.

²² См.: *Митрофанов В.В.* С.Ф. Платонов и П.Г. Васенко... С. 159, 165. Прим. 47.

²³ *Серов Д.О.* П.Г. Васенко: Материалы к биобиблиографии... С. 422.

²⁴ *Солодкин Я.Г.* П.Г. Васенко (К истории изучения русской публицистики...). С. 133.

²⁵ См.: *Васенко П.Г.* Забелинский список шести глав «Истории» А. Палицына и его значение // ИА. 2008. № 6.

²⁶ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 2. Ч. 2. Д. 6802. Л. 1–6.

²⁷ См.: *Васенко П.Г.* Забелинская редакция первых шести глав «Истории» Палицына // Сб. статей в честь академика А.И. Соболевского. Л., 1928.

²⁸ Подр. см.: *Митрофанов С.Ф.* П.Г. Васенко о «Сказании Авраамия Палицына»... С. 209.

рует с П.Г. Любомировым²⁹ по ряду принципиальных вопросов, по другим принимает его позицию. Сравнение отдельных, наиболее важных частей указанных работ позволяет выяснить следующее:

Алгоритм сравнения:	Из текста работы 1924 г.	Из текста из работы 1926 г.
Название работы:	«Забелинский список первых шести глав «Истории» А. Палицына и его значение».	«Забелинская редакция первых шести глав «Истории» Палицына».
Оценка исследования П.Г. Любомирова:	«превосходное исследование»	«обстоятельная работа»
Методы работы П.Г. Любомирова характеризуются следующим образом:	«с чрезвычайным вниманием и вдумчивостью до малейших подробностей изучил Забелинский список».	«С обычными своими тщательностью и наблюдательностью обследовал...».
По мнению П.Г. Васенко П.Г. Любомиров пришел...	«...к целому ряду остроумных и интересных выводов».	«...теми интересными заключениями».
Основные выводы П.Г. Любомирова сводятся к следующему:	<p>«1. Что академическая редакция, составленная по моим и его наблюдениям, скорее всего в 1612 г.</p> <p>2. По его утверждению первоначальным наброском первых шести глав «Истории» была редакция Забелинского списка.</p> <p>3. Самый же третий список названному ученому представляется копией с авторского черновика.</p> <p>4. ... редакция третьего списка короче академической редакции, не содержит по сравнению с ней никаких новых фактических сообщений и носит на себе следы тревоги и безотрадности, охвативших многих русских людей.</p>	<p>Любомиров относит ее создание к концу 1610 – началу 1611 г.</p> <p>... о Забелинский список представляет собою копию с авторского черновика.</p> <p>Что Забелинский список является рукописью особой, более краткой и первоначальной редакции...</p> <p>...вызванное настроениями этого времени и трактуемое...</p>
«История» представляет собой особое сказание на учительную тему:	«Киих ради грех... попусти... бог... праведное свое наказание» на русских людей.	Трактуящее тему, «киих ради грех попусти Господь <...> праведное свое наказание».

В работе, опубликованной в 2008 г.³⁰, содержатся и некоторые другие сведения, например о «дефектности черновика», приводится более обстоятельная аргументация, в выводе отмечается,

²⁹ См.: Любомиров П.Г. Новая редакция «Сказания» Авраамия Палицына. (К литературной истории «Сказания» // Сб. статей по русской истории, посвященных С.Ф. Платонову. Пб., 1922.

³⁰ См.: Васенко П.Г. Забелинский список шести глав «Истории» А. Палицына...

что Забелинская редакция, «как исторический источник», не представляет большого значения, так что его «можно оставить в стороне», хотя для «литературной истории замечательного памятника» она имеет «очень большое значение». А порядок и изложение аргументации разнятся:

1. Прежде всего, мы согласны с проф. Любомировым в том, что 3-й список является копией с авторского...	3. Безусловно, верны также соображения проф. Любомирова, что Забелинский список восходит к авторскому черновику.
2. Что Забелинский список представляет собой рукопись, содержащую особую редакцию первых шести глав «Истории» наиболее краткую.	1. Забелинский список содержит особую и более краткую редакцию, чем академическая.
3. Редакции и в том, что она не содержит в себе новых сообщений сравнительно с редакцией академического списка.	2. ...что Забелинская редакция не дает нового фактического материала по сравнению с академической.
4. Предлог «за» имеет 2 значения: «до» и «перед» и «в течении» и «в продолжении».	4. Предлог «за» имеет часто значение: «в», «в течении».
5. «Киих ради грех... попусти... Бог... праведное свое наказание».	5. «киих ради грех попусти Господь... праведное свое наказание».

Следовательно, мы имеем дело с действительно новой работой историка, которая является частью монографического исследования о письменном памятнике периода Смутного времени.

Упомянутое ранее письмо, обращенное к В.И. Малышеву, позволяет судить о масштабе замысла ученого, этапах работы над исследованием и предположительно его судьбе: «...у меня была готова еще в 1925 году первая часть большого труда о Палицыне (листов на 14), а к 1930 году я оканчивал 2-ую часть этой работы и намеревался приступить к 3-й и последней»³¹. Следовательно, предположение Д.О. Серова о «фундаментальном исследовании» оказалось верным. Остается лишь не ясным, почему ученый, подготовив полностью первую часть, не издал ее, но при этом счел возможным опубликовать отдельные фрагменты своей монографии.

Для обеспечения семьи самым необходимым П.Г. Васенко брался за любую работу: «в одно и то же время публиковал в журнале “Труды и дни” статью по истории служилого класса в Московском государстве, а в “Архиве истории труда” – работу об условиях жизни промышленных рабочих Русско-Американской компании». Многие ученые, сделавшие имя в науке в первые го-

³¹ ОР ИРЛИ. Ф. 4949. Оп. 2. Д. 270. Л. 1.

ды XX в., занимаясь изучением «родных» научных проблем, вскоре вынуждены были «приспосабливаться к условиям жизни, к спросу, ища себе места в новом мире, <...> стали разрабатывать ранее совершенно чуждые им темы»³².

Новые архивные материалы позволяют уточнить предложенную ранее периодизацию научного творчества историка и выделить четвертый этап. Условно его можно назвать «владимирским», связанным с местом проживания ученого после его освобождения из лагеря и написанием биографических произведений. В 2004 г. А.В. Сиренов опубликовал, как он считал «последнюю книгу» П.Г. Васенко³³, на рукопись которой ему указал А.В. Мельников. Оказывается это не так.

Со ссылкой на А.В. Сиренова, заметим: «отсидев три года на Соловках, он (П.Г. Васенко. – В. М.) вышел на свободу»³⁴, когда и предложил директору Государственного литературного музея В.Д. Бонч-Бруевичу³⁵ написать «о забавных и курьезных происшествиях...». «Находясь в ссылке, Васенко не мог пользоваться биографическими справочниками и должен всецело полагаться на свою память при описании тех или иных реалий эпохи»³⁶. Не исключено также, что к моменту подготовки «сборника анекдотов» П.Г. Васенко, «вероятно, как и ряд других участников “Академического дела” был досрочно освобожден из ссылки»³⁷.

---

³² Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России... С. 114.

³³ См.: Васенко П.Г. Мелочи прошлого быта...

³⁴ Здесь же пребывал в заключении и близкий друг С.Ф. Платонова В.Г. Дружинин, осужденный на 5 лет, но реально отбывший наказание 1 год и 4 месяца. Затем он находился в административной ссылке в г. Ростове Ярославской области (см.: Бухерт В.Г. К истории приобретения архива С.Ф. Платонова (Из переписки В.Д. Бонч-Бруевича) // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы. СПб., 2011. С. 229).

³⁵ Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич (1873–1955), партийный и государственный деятель, доктор исторических наук, этнограф, с 1933 г. директор Центрального литературного музея в Москве, с 1945 г. директор Музея истории религии и атеизма АН СССР в Ленинграде.

³⁶ Сиренов А.В. От издателя // Васенко П.Г. Мелочи прошлого быта... С. 3, 5, 6.

³⁷ Серов Д.О. П.Г. Васенко: Материалы к биографии... С. 421.

Как проходило освобождение арестованных по «делу Платонова» свидетельствует В.Г. Дружинин в письме к В.Д. Бонч-Бруевичу от 3 ноября 1932 г. Ссылаясь на лагерные разговоры он подчеркивал: «...прямо не дают

Без всякого сомнения, писать П.Г. Васенко мог только после освобождения. Новые архивные материалы позволяют уточнить хронологию и детали работы над этой рукописью и «Воспоминаниями», о которых не упоминалось вообще.

Следует согласиться с А.М. Дубровским, отмечавшем, что после жестоких мер против историков, власть сменила гнев на «милость», и оставшиеся в живых³⁸ «вернулись из ссылки, не реабилитированные, а лишь помилованные»³⁹. В их числе оказался и П.Г. Васенко. Ему, как и остальным, было запрещено жить в крупных городах, поэтому местом своего пребывания он избрал г. Владимир, «в котором бывал еще до революции, когда ездил по разным городам России, собирая данные о списках Степенной книги»⁴⁰.

«Владимирский» период жизни П.Г. Васенко можно отчасти реконструировать, опираясь на выявленную, хотя и не в полной сохранности, его переписку с В.Д. Бонч-Бруевичем⁴¹. Указанный источник важен, прежде всего, при раскрытии творческих планов историка, уточнения сведений о его материальном и душевном состоянии.

Начало заочному общению двух ученых положило небольшое по объему письмо из Москвы, напечатанное на машинке и подписанное В.Д. Бонч-Бруевичем, бывшим в то время заместителем Председателя комиссии по устройству Центрального литературного музея. Что именно побудило В.Д. Бонч-Бруевич обратиться к опальному историку до сих пор остается невыясненным. Возможно, на П.Г. Васенко он вышел через своего старинного знакомого В.Г. Дружинина или же по собственной инициативе, как это произошло и в случае с Дружининым, которому, как и позже Васенко, он предложил написать воспоминания. Но каким бы то ни был в конечном итоге ответ на этот вопрос, известно, что видный деятель революции, занимавший ответственный пост в

из лагерей освобождения и надо пройти через адм[инистративную] ссылку, после чего дают свободу» (*Бухерт В.Г. Указ. соч. С. 229*).

³⁸ С.Ф. Платонов умер в Самаре в 1933 г., С.В. Рождественский в 1934 г. в Томске.

³⁹ *Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России...* С. 120.

⁴⁰ *Сиренов А.В. От издателя...* С. 5. Однако, эти сведения требуют дополнительных подтверждений.

⁴¹ Переписка П.Г. Васенко с Государственным литературным музеем с предложением музею рукописей «Мелочей прошлого быта» и «Воспоминаний». 25 августа 1933 – 23 сентября 1934 г. // РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 560. Л. 1–28.

сфере музейного строительства, В.Д. Бонч-Бруевич оказывал сильную помощь и другим ученым, оказавшимся в трудной ситуации. Так, например, на свой страх и риск, он вступил в переписку с сыном С.Ф. Платонова Михаилом, по поводу приобретения «интересного архива рукописей, как его самого (С.Ф. Платонова. – В. М.), так и других авторов, а также обширное эпистолярное наследство», указав на М.М. Сарачинчева как официального представителя Литературного музея, с которым следовало «войти в переговоры»⁴². «При безусловной поддержке и помощи С.Г. Струмилина и В.Д. Бонч-Бруевича, – по утверждению Т.В. Андреевой и Т.Г. Смирновой, – им (Е.Ф. Любомировой-Березовой, С.Н. Чернову, Н.Л. Рубинштейну, Е.Н. Кушевой и Е.П. Подъяпольской. – В. М.) достаточно быстро (в течение 1936–1941 гг.) удалось подготовить посмертное издание избранных трудов П.Г. Любомирова»⁴³. И таких образцов бескоростного участия В.Д. Бонч-Бруевича в судьбах российских ученых можно привести великое множество.

Теперь абсолютно точно известно, что именно Бонч-Бруевич предложил П.Г. Васенко приобрести его рукопись «Мелочи прошлого быта» для нового музея, что подтверждает и письмо Васенко к его директору: «Если нельзя будет в ближайшем будущем поместить мою работу (речь идет о первой главе “Воспоминаний” в “Звеньях”, может быть, Вы ее предложите Музею для приобретения, как собрались по Вашей инициативе любезно сделать с моей рукописью “Мелочи прошлого быта”»⁴⁴.

В письмах, в чем и состоит их историографическая ценность, затрагиваются, по сути, две важные проблемы – творческая работа П.Г. Васенко и обстоятельства его пребывания в административной ссылке.

Ситуация, в которой оказался П.Г. Васенко, только что освобожденный из лагеря, как свидетельствуют его письма, была трагической, а один из организаторов литературного музея соглашался принимать для фондов собранное «с 1926 г. и ранее даже не первоклассное». При этом он объяснял свою позицию тем, что «в общей массе материалов и документов и не первоклассное имеет свое значение». Здесь же советовал: «Воспоминания пишите, также и анекдоты». При этом сообщалось о высылке бумаги,

---

⁴² Бухерт В.Г. Указ. соч. С. 230–231.

⁴³ Андреева Т.В. Смирнова Т.Г. П.Г. Любомиров и С.Н. Чернов... С. 466.

⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 560. Л. 8.

что свидетельствует, с одной стороны, о заинтересованности в трудах ученого, а с другой – о его финансовых трудностях. Текст небольшой приписки: «Сегодня получил Вашу рукопись». По всей видимости, речь идет о тексте «Мелочи прошлого быта», которая к этому времени уже была подготовлена и представлена в редакцию сборника «Звенья»⁴⁵.

28 сентября 1933 г. П.Г. Васенко было направлено второе письмо с информацией о том, что его рукопись в редакции еще не обсуждалась, и предлагалось передать ее в музей, который имел намерения ее приобрести. При этом оговаривалось важное для П.Г. Васенко обстоятельство – финансовое: «Музей уплатит меньше, чем если бы они были напечатаны в сборнике “Звенья”, купит, как рукопись, для архива, но все-таки Вы получили бы за нее сейчас же известное количество денег, которые Вам так необходимы»⁴⁶.

В своем ответном послании П.Г. Васенко писал:

««Глубокоуважаемый Владимир Дмитриевич! Спешу ответить на Ваше письмо от 28.09.33. Прежде всего, благодарю Вас за присылку информационного письма, которое кое-кому покажу из интересующихся Музеем. Затем, что касается моей переписки за 1927 год – начало 1930 года, то она, если ее сохранила моя семья, которую запрошу специально, находится в Ленинграде (но она мала и ничтожна) и в последствии, т.е. когда я вернусь в Ленинград, будет мной переслана в Ваш Музей, gratis, как я уже Вам и писал.

Когда же это будет, не знаю. Срок мне оставшийся чрезвычайно велик. Мои хлопоты о моем возвращении. Буду хлопотать и я, подав соответствующее заявление⁴⁷. Моя инвалидность и невозможность для семьи содержать меня (если бы я жил с ними, не нужно было бы тратиться на оплату помещения, пересылку продуктов и т.д. вот мотивы ходатайства)⁴⁸. Кроме того полное амнистирование восстановило бы меня в правах на пенсию. Иначе же грозит в будущем голодная

---

⁴⁵ Документ с предложением для музея рукописи и двух копий датируется 17 февраля 1934 г (РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 3043. Л. 225).

⁴⁶ Там же. Д. 560. Л. 2–2об.

⁴⁷ Аналогичное ходатайство было предпринято и М.К. Любавским, отбывавшим пятилетнюю ссылку в Уфе, адресованное на имя прокурора СССР Акулова (См.: *Дегтярев А.Я.* Письмо академика М.К. Любавского (1934 г.) прокурору СССР по поводу «академического дела» // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова... С. 220–227).

⁴⁸ В подобной же ситуации находился и В.Г. Дружинин: «Я составляю большую обузу для сына, у которого на руках моя больная жена, т.е. мать, собственная семья – его жена и дочь 3-х лет» (*Бухерт В.Г.* Указ. соч. С. 229).

смерть. Да и вообще я нуждаюсь уже в некотором уходе за мной в виду состояния моего здоровья.

С другой стороны писание «Воспоминаний», чем я сейчас увлечен, облегчилось бы в Ленинграде, где мне легче было бы наводить необходимые для точности повествования справки. Поэтому возвращения в Ленинград жажду чрезвычайно, но когда это состоится, не знаю. Обращаюсь к Вашему любезному предложению о приобретении рукописи «Мелочи прошлого быта» в Музей. Мне действительно деньги нужны, что называется «до зарезу». С другой стороны напечатание моей работы в «Звеньях» тоже было бы очень приятно и важно. Поэтому я хотел бы знать: 1) Закрывается ли приобретение рукописи «Мелочи прошлого быта» напечатание ее в «Звеньях»? (И здесь оставляю в стороне вопрос о гонораре. Если б Музей приобретя рукопись напечатал бы ее затем в «Звеньях», как свою собственность, а мне бы прислал несколько (штук 20–15) оттисков. Я бы принимая во внимание неотложную нужду в деньгах счел себя удовлетворенным. 2) Какую сумму считает возможным и справедливым предложить мне Музей за мой рукописный труд? 3) Когда я мог бы получить деньги? Еще раз благодарю Вас за участие. С полным уважением Платон Васенко. 05.10.1933»⁴⁹.

Принципиально важно упоминание о «Воспоминаниях», над которыми в это время работал ученый, переживший моральное унижение и колоссальные, поистине нечеловеческие физические страдания.

Эпистолярные П.Г. Васенко позволяют восстановить как общую структуру задуманной работы, так и названия отдельных ее разделов. Первая глава «Что мне рассказали мать, и отец о прошлом моей старшей родни – до их брака (ноябрь 1861)» была окончена им не позднее 26 декабря 1933 г. (этим числом датируется письмо, в котором он сообщает об этом). Здесь же приводится и краткое ее содержание: «В ней я сообщил сведения о своих прадеде, дедах и т.д., известные мне по рассказам моих родителей, даю кое-какие штрихи для приближения прошлого быта» и намерение отослать текст рукописи в Москву. 3 марта 1933 г. П.Г. Васенко первую часть своих воспоминаний отослал в Литературный музей с просьбой «предложить ее на рассмотрение Фондовой комиссии и, в случае приобретения Музеем, выслать незамедлительно деньги за нее».

---

⁴⁹ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 560. Л. 3–4.

Все известные на сегодня почтовые обращения П.Г. Васенко свидетельствуют о его безвыходном материальном положении, он постоянно торопит адресата с высылкой денег, т.к. «крайне нуждается» в них, отчего согласен на любые варианты – продать рукопись либо музею, либо сборнику «Звенья».

«Пользуясь, случаем, – писал П.Г. Васенко, – позволю себе обратиться с усердной большой просьбой. В ответе на Ваше предложение предложить “Мелочи...” Музею я ответил 5.10 согласием, которое подтвердил письмом от 6.11, Вами полученном»⁵⁰. Тогда же В.Д. Бонч-Бруевич просил секретаря подготовить рукопись для рассмотрения, на что 13 января 1934 г. получил краткий ответ: «Рукопись Васенко не поступала»⁵¹.

Одновременно с этим для большей заинтересованности автора и ускорения присылки желаемых материалов В.Д. Бонч-Бруевич продолжал писать: «в нынешнем году более широко, чем в прошлом <...> скупаем все подобные материалы, а потому присылайте их как можно скорее, чтобы я поставил их на рассмотрение нашей Фондовой комиссии. Стоимость их будет немедленно Вам выслана»⁵².

Неопределенность с местонахождением уже высланных рукописей не нашутку встревожила П.Г. Васенко, и обращаясь к В.Д. Бонч-Бруевичу, он замечал, что это – сущее «недоразумение, которого Вы и я стали жертвой», что рукопись «Мелочи прошлого быта»⁵³ была им выслана «еще в 20-х числах августа прошлого года», прося адресата «усердно сделать распоряжение о незамедлительном розыске названной рукописи, рассмотрении ее на Фондовой комиссией и наивозможной скорой высылке определенных за нее денег»⁵⁴. Правда, очень скоро рукопись означенной работы была обнаружена в

---

⁵⁰ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 560. Л. 8-8об.

⁵¹ Там же. Л. 13.

⁵² Там же. Л. 13а.

Как видно из «Протоколов заседаний оценочной (приемочной) фондовой комиссии за период с 14 мая 1932 по 28 декабря 1933 г.» и «Предложения материалов от организаций, учреждений и частных лиц», в музей поступили на рассмотрение следующие аналогичные материалы: П.В. Белопольский «Воспоминания о прошлом», «Запретные сказки и анекдоты, записанные Е. Барановым»; и др. (Там же. Д. 3033. Л. 114, 135).

⁵³ «122 листа тетрадного размера + один, 2 листа двойных, т.е. содержащих 161 номер анекдотических списков (один или два №№ двойные, т.е. 11 и 11а и т.п.)» (Там же. Л. 15-16).

⁵⁴ Там же. Д. 3033. Л. 15-16.

редакции «Звеньев», после чего незамедлительно передана на рассмотрение экспертной комиссии⁵⁵, оценившей ее в 250 рублей⁵⁶, а 3 марта 1934 г. в Музей поступил и текст «Воспоминаний» ученого⁵⁷.

Долгожданная материальная поддержка оказала и существенное моральное воздействие на П.Г. Васенко, с воодушевлением занявшимся работой над последующей главой воспоминаний – «Семья моя до моего рождения и мое детство до гимназии (1861–1883)». Ученый предлагал Музею приобрести также и дневники своей покойной супруги за период с конца XIX – до начала XX в., посвященные ее интимной жизни и переписки с разными лицами⁵⁸. В ответном письме В.Д. Бонч-Бруевича от 20 марта 1934 г. высказывалась искренняя заинтересованность в упомянутых материалах: дневниках жены П.Г. Васенко и продолжении его собственных «Воспоминаний», но только тогда, «когда все будет готово и закончено вполне...»⁵⁹.

1 апреля 1934 г. вторая часть воспоминаний была выслана в Музей, однако документального подтверждения о ее получении обнаружить пока не удалось. Тогда же П.Г. Васенко сообщал В.Д. Бонч-Бруевичу, что «работает над третьей частью – «Мои гимназические годы» и четвертой – «Университет»⁶⁰.

Абсолютно очевидно, что работа над воспоминаниями продвигалась быстро и весьма продуктивно. Однако ее растянутость во времени и фрагментарность, что не было в компетенции и интере-

---

⁵⁵ П.Г. Васенко об этом информировали 27 февраля 1934 г.

⁵⁶ Указанная сумма за вычетом 2 руб. 40 коп. на почтовые расходы, была незамедлительно переведена П.Г. Васенко (РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 560. Л. 28–29).

Музей покупал и более ценные материалы. Архив князя Щербатова, например, приобрели за 1000 руб.; четыре письма Кони – за 50 рублей (Там же. Д. 3034. Л. 10–10об.). Для сравнения: в 1930 г. килограмм белого хлеба стоил 6 коп., килограмм сахара – 60 коп., пара ботинок – 25–30 руб., заработная плата забойщика составляла 100–120 руб., горного техника – 200–250 руб., чернорабочего – 35–40 рублей (См.: История России, 1917–1940: Хрестоматия / Сост. В.А. Мазур и др., ; под ред. М.Е. Главацкого. Екатеринбург, 1993. С. 322).

⁵⁷ Официальный бланк предложения «Воспоминаний» для фондовой комиссии рукописи датирован 8 марта 1934 года. Объем рукописи – 96 листов рукописного текста (РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 3043. Л. 262).

⁵⁸ Там же. Л. 28–29.

Софья Владимировна, урожд. Никонова долгое время занималась литературной деятельностью. Автор книги «Год Великого испытания (1812 г.)», выдержавшей 6 переизданий, составитель указателя к 21 тому ПСРЛ.

⁵⁹ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 3043. Л. 27.

⁶⁰ Там же. Д. 560. Л. 35–35об.

сах Литературного музея, вынудили его директора в предельно жесткой, не терпящей двусмысленности форме известить П.Г. Васенко о том, что Музей «никогда никому не заказывал никаких рукописей. Нас это совершенно не интересует. Так что получать у Вас *по частям* (курсив мой. – В. М.) эту рукопись мы не можем». Необходимо найти возможность публикации их в «том или другом журнале. Куда Вам и следует обратиться с предложением написать воспоминания». Впрочем, если «"Воспоминания" у Вас будут готовы и <...> нигде печататься не будут, то Вы можете в *общем порядке* (курсив мой. – В. М.) обратиться к нам в музей, который и рассмотрит их как таковые, как архивную единицу. Но, повторяю, *получать частями и оплачивать их частями* (курсив мой. – В. М.) мы не можем, так как это не входит в наши задачи»⁶¹.

На этом переписка между П.Г. Васенко и В.Д. Бонч-Бруевичем обрывается и дальнейшее возможное общение между ними остается туманным. Не установлена судьба и «Воспоминаний» ученого, обнаружение и публикация которых, поможет на частном примере биографии П.Г. Васенко раскрыть многие важные грани семейной, общественной и университетской жизни в России конца XIX – начала XX века.

Не в первый раз утверждаешься в мысли, что «поколение историков, родившихся в 1880-е гг., чье формирование пришлось на первые два десятилетия XX в., <...> из-за политических процессов, идеологических переворотов <...> в полной мере себя реализовать не могли»⁶². И жизненные перепетии двух ярких представителей отечественной исторической науки – П.Г. Любомирова и П.Г. Васенко, убедительное тому подтверждение.

---

⁶¹ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 560. Л. 36–36об.

⁶² Кузнецов А.А. Слово о Павле Григорьевиче Любомирове... С. 75.

ПУБЛИКАЦИИ

УДК 94(47)+929Гераклитов

АВТОБИОГРАФИЯ ПРОФЕССОРА САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА А.А. ГЕРАКЛИТОВА

В.А. Соломонов

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: solomonovva@mail.ru

Публикация отражает основные вехи жизни и научно-педагогической деятельности видного саратовского историка и общественного деятеля, профессора Саратовского университета А.А. Гераклитова.

Ключевые слова: А.А. Гераклитов, автобиография, Саратов, исторический архив, Саратовский университет, история мордовского народа.

THE AUTOBIOGRAPHY OF THE PROFESSOR OF SARATOV UNIVERSITY A.A. GERAKLITOV

V.A. Solomonov

The publication reflects the milestones of life, scientific and educational activities of the Saratov prominent historian and public figure, a professor of the Saratov University A.A. Geraklitov.

Key words: A.A. Geraklitov, autobiography, Saratov, historical archives, Saratov University, history of Mordvin people.

Среди ученых Саратовского университета своей самобытностью и широтой научного кругозора особенно выделяется имя профессора Александра Александровича Гераклитова (18 (30).11.1867 – 11.04.1933), общепризнанного знатока истории местного края, архивиста, специалиста по палеографии, бумажным водяным знакам и истории мордовского народа.

Будучи известным краеведом и палеографом, с открытием историко-филологического факультета А.А. Гераклитов был приглашен на преподавательскую работу в Саратовский университет. Начиная с 1918 г. он читал курс по истории колонизации и социально-экономического развития края в XVI–XVIII вв., вел практи-

ческие занятия по вспомогательным историческим дисциплинам: русской палеографии, дипломатике, описанию рукописей, хронологии, русской допетровской сфрагистике и латинской палеографии. Во время этих занятий он широко привлекал архивные документы из коллекций бывшей Саратовской Ученой Архивной Комиссии (СУАК) и хранящегося в университетской библиотеке рукописного собрания профессора И.А. Шляпкина. В 1920-е гг. по инициативе А.А. Гераклитова в университете была предпринята большая коллективная работа – семинарий со студентами-историками по разработке и изучению ревизских сказок III ревизии Завального и Узинского станов Пензенского уезда. «Для выработки цифрового материала, – по воспоминаниям Ю.А. Кузнецовой, – была разработана статистическая таблица, богатый бытовой материал выносился в примечания. Перед студентами ставилась задача: помимо умения разнести все сведения сказки по пунктам таблицы и в примечания, на основе проработанного материала написать историю данного (обычно разноместного) населенного пункта»¹.

Предпринятая А.А. Гераклитовым первая попытка освоения богатых архивных материалов осталась не завершенной. Однако, отдельные ее результаты нашли свое частичное отражение в публикациях Ю.А. Кузнецовой и Е.П. Подъяпольской².

Без оценки выдающейся роли А.А. Гераклитова невозможно представить сегодня и историю возникновения при университетской библиотеке отделения рукописей и старопечатных книг, а также многосложную работу по систематизации и описанию его богатейших коллекций. Много сил и времени ученый потратил на создание при педагогическом факультете Саратовского университета «отделения мордовского языка и культуры, получившего свое начало в виде частных занятий со слушателями из мордвы в 1925 г. и к 15 июля <...> 1930 г. давшего уже два выпуска педагогов для мордовской средней школы»³.

---

¹ Кузнецова Ю.А. Александр Александрович Гераклитов: Материалы для биографии // Учен. зап. Саратов. ун-та. Саратов, 1959. Вып. науч. библ-ки (Гр. НБ СГУ. Вып. 2). С. 123.

² См.: Кузнецова Ю.А. К истории колонизации Сердобского уезда: (Материалы для историко-географического словаря) // Гр. Н.-В. науч. о-ва краеведения. Саратов, 1928. Вып. 35, ч. 2; Подъяпольская Е.П. О поместном землевладении и колонизации в районе Аткараского уезда // Изв. Краевед. ин-та изучения Ю.-В. области при Саратов. ун-те. Саратов, 1927. Т. 2.

³ Гераклитов Александр Александрович. (Автобиография): Машинопись. [Саратов], 10.VII.1930 г. // Архив СГУ. Д. 28 (А.А. Гераклитов). Л. 73об.

Немногим университетским гуманитариям известно, что последние три года жизни А.А. Гераклитова прошли под знаком тяжелого душевного стресса: из-за болезни гортани и потери трудоспособности⁴ он вынужден был 8 июня 1930 г. подать заявление об уходе с преподавательской работы.

Сообщая в письме В.И. Веретенникову от 24 августа 1930 г. о своем незавидном положении, Александр Александрович писал: «Еще в начале прошлого года у меня обнаружилась опухоль в гортани, лишившая меня способности человеческой речи. Но за лето, после отдыха, опухоль пропала и голос вновь вернулся, так что я спокойно прозанимался со слушателями вплоть до февраля с[его] г[ода]. В феврале опухоль вновь появилась и на этот раз в более злокачественной форме. Не помогли ни клиническое лечение, ни поездка в Сочи. В конце концов, чтобы спасти меня от злой напрасной смерти, пришлось срочно сделать трахеотомию, и я теперь хожу с серебряным горлом. Относительно свойства опухоли наши и приезжие профессора разногласят: по одним это туберкулез, по другим – рак. В одном лишь согласны все специалисты: голос ко мне не вернется. Как не горько это было, но пришлось покориться неизбежности и 8 июня я подал заявление об уходе из у[ниверсите]та и просьбу об исходатайствовании мне пенсии. Дальше пошла слякотная история, и я не стану утруждать ею Вашего внимания. Кратко лишь скажу, что сильно сомневаюсь, чтобы ко мне был применен новый закон о пенсиях научным работникам и у меня складывается уверенность, что придется получить гроши, на которые по нынешним временам не проживешь, тем более при разных семейных обязательствах, на мне лежащих.

Одновременно с этим произошло и еще одно неожиданное обстоятельство. Основываясь, м[ежду] пр[очим], и на том, что у меня туберкулез легких (стадия переходная от В – С), жрецы Асклепия после операции определили мне месяц жизни и, т[аким]

---

⁴ В выданном 12 июня 1930 г. А.А. Гераклитову медицинском заключении наблюдавший за течением его заболевания Н. Николаев отмечал: «Клиническая картина заболевания укладывается в форму туберкулезного процесса гортани. Ввиду стойкого поражения гортани при общем упадке сил проф[ессор] Гераклитов А.А. должен быть признан как педагог абсолютно нетрудоспособным. Проф[ессор] Гераклитов А.А. около 1 ½ лет находится под моим наблюдением. Вначале заболевание гортани проявлялось в форме ларингита. Б[оль]ному неоднократно давался совет временно воздержаться от преподавательской деятельности и работы в архивах, но в силу объективных условий он этого выполнить не мог, процесс прогрессировал и вылился в вышеуказанную форму, а посему нужно считать, что утрата трудоспособности и произошла в условиях, связанных с преподавательской деятельностью» (Там же. Л. 81–81об.).

о[бразом], уже в конце июня я бы должен был переселиться в лонно Авраамле. Между тем, я не только жив до сего дня, но и чувствую себя значительно крепче и обнаруживаю в себе не только волю к жизни, но и желание и кое-какие силы к работе»⁵.

О возвращении к любимому преподавательскому ремеслу мечтать А.А. Гераклитову было бесполезно. В итоге ученый с тревожной безысходностью признавался: «Грустно после стольких лет работы видеть крушение всего, чему ты отдавал свою душу. Исторический архив пошел к черту, рукописное отделение в забросе, а теперь большие сомнения и на счет дальнейшей участи последнего моего детища – мордовского отделения»⁶.

Александр Александрович Гераклитов ушел из жизни в возрасте 66 лет, так и не успев завершить многого из намеченных некогда творческих планов. За четверть века своей научной и педагогической деятельности в высших учебных заведениях, государственных и общественных архивных учреждениях он проявил себя как весьма проникновенный и вполне сформировавшийся исследователь, опубликовавший 70 научных работ по краеведению, истории мордовского народа и книговедению. Не имея за плечами университетского образования, А.А. Гераклитов, тем не менее, навсегда останется в памяти волжан как «один из тех представителей духовных и умственных сил нашего города, чья деятельность определяла высокий интеллектуальный уровень Саратова и составляла его славу и гордость»⁷.

Тем горше и печальнее сознавать тот неоспоримый факт, что, несмотря на внушительное научно-педагогическое наследие А.А. Гераклитова⁸, о жизненном и творческом пути этого самоотверженного подвижника исторической науки мы до сих пор почти

---

⁵ Письмо А.А. Гераклитова В.И. Веретенникову от 24 августа 1930 г. Машинописная копия // ОРК ЗНБ СГУ. Личный фонд А.А. Гераклитова.

⁶ Там же.

⁷ Попкова Н.А. Александр Александрович Гераклитов (к 125-летию со дня рождения) // Краеведческие чтения. Доклады и сообщения IV–VI чтений. Саратов, 1994. С. 107.

⁸ См. список трудов и обзор архивных фондов А.А. Гераклитова: Кузнецова Ю.А. Александр Александрович Гераклитов: Материалы для биографии // Учен. зап. Сарат. ун-та. Саратов, 1959. Вып. науч. библ-ки (Тр. НБ СГУ. Вып. 2). С. 125–127; Гераклитов А.А. Воспоминания / Подгот. текста, публ., коммент. и вступ. статья Н.А. Попковой. Саратов, 2004. С. 19–24; Искюль С.Н. Обзор фонда А.А. Гераклитова // Историографический сборник. Саратов, 1974. Вып. 2 (5). С. 181–187; Любенко В.И. Материалы личного архива А.А. Гераклитова в фондах научной библиотеки Саратовского университета // Там же. Саратов, 1987. Вып. 13. С. 147–150.

ничего не знаем. Специальной литературы на эту тему не много⁹. Поэтому любые ранее неизвестные документальные материалы, так или иначе характеризующие его жизнь и деятельность, для науки представляют исключительный интерес.

Публикуемый ниже архивный документ представляет собой развернутое жизнеописание А.А. Гераклитова как архивного деятеля, научного сотрудника и преподавателя высшего учебного заведения, составленное 10 июля 1930 года.

Наряду с другими материалами автобиография ученого была необходима руководству педагогического факультета для возбуждения перед университетской администрацией и центральными органами власти ходатайства «по вопросу назначения доц[ента] А.А. Гераклитова на должность профессора по каф[едре] истории мордовского народа»¹⁰.

Текст документа за отсутствием рукописного оригинала приводится по машинописной копии, хранящейся в Архиве СГУ в составе личного дела А.А. Гераклитова¹¹, и публикуется в полном объеме, с сохранением всех стилистических особенностей и необходимыми в подобных случаях комментариями и уточнениями. Встречающиеся в тексте авторские сокращения, кроме общепринятых, раскрываются квадратными скобками.

*Вст. статья, публ. и коммент.
В.А. Соломонова*

---

⁹ См.: Соколов С.Д. Саратовцы – писатели и ученые // Тр. СУАК. Саратов, 1913. Вып. 30; Хованский Н.Ф. Краткие биографии некоторых членов Саратовской ученой архивной комиссии за 25 лет ее существования // 25-летие Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1911; Кузнецова Ю.А. Указ. соч.; Дербов Л.А. Историческая наука в Саратовском университете. Саратов, 1983; Попкова Н.А. Александр Александрович Гераклитов (к 125-летию со дня рождения)...; Она же. Александр Александрович Гераклитов // Гераклитов А.А. Воспоминания...; Соломонов В.А. «В изучении источника он выступает мастером большого калибра» (С.Н. Чернов о научной деятельности А.А. Гераклитова) // АВЕС: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. В.А. Лопатина. Саратов, 2007. Вып. 5.

¹⁰ Сопроводительное письмо деканата педфака в Правление университета от 18 июня 1927 г. // Архив СГУ. Д. 28 (А.А. Гераклитов). Л. 43. Помимо публикуемой автобиографии А.А. Гераклитова в делопроизводство по указанному вопросу входило еще ряд документов: два отзыва о его работе, составленные С.Н. Черновым и П.Г. Любомировым, выписки из протоколов заседаний общественно-экономического отделения от 1 июня 1927 г., заседания деканата педфака СГУ от 6 июня 1927 г. и двух опросных листов на А.А. Гераклитова (Там же).

¹¹ Гераклитов Александр Александрович (Автобиография). Саратов, 10 июля 1930 г. [Машинопись] // Архив СГУ. Д. 28 (А.А. Гераклитов). Л. 71–76об.

ГЕРАКЛИТОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ (Автобиография)

Родился 18 ноября¹ ст[арого] ст[иля] 1867 г. в Камышине, где отец² мой занимал в то время должность секретаря городской (шестигласной) думы. С начала 1868 г. отец перешел на службу в Саратовскую Казенную палату и с “первым пароходом” семья перебралась на жительство в Саратов³.

Учился сначала в немецкой начальной школе, а затем в местной классической гимназии, курс которой окончил в 1887 г. и в том же году поступил для получения высшего образования на историческое отделение историко-филологического факультета Казанского Университета. Однако, уже во второй половине ноября того же 1887 г. вынужден был уйти из Университета, причем уход мотивировался т[ак] наз[ываемыми] “домашними обстоятельствами”. Имелось в виду через некоторое время, когда академическая жизнь войдет в нормальную колею, поступить в другой (Московский) университет, но жизнь сложилась иначе: болезнь матери и сестры⁴, и связанные с этим тяжелые материальные положения семьи, вынудили в первую очередь думать о поддержке ей, о приискании хоть какого-нибудь заработка, а мечты об образовании отложить до лучшего будущего.

В январе 1888 года поступил, а в марте того же года зачислен в штат Саратовской Казенной палаты писцом II разряда и, дослужившись до должности помощника столоначальника, пробыл в ней до 1898 года, все время мечтая вырваться из этого болота. Исконное влечение к природе, еще более обостренное нудностью и бессмысленностью канцелярской службы, в связи с некоторыми течениями общественной мысли того времени в особенно заманчивых красках рисовали занятия сельским хозяйством в обстановке крестьянского быта. В 1898 г. я уехал в деревню и попытался жить крестьянским трудом на купленном отцом клочке земли, но, как и полагается интеллигенту того времени, из затеи моей ничего кроме разочарования не вышло и пришлось вновь обратиться хоть и к противоположному, но привычному занятию: в 1903 г. поступил конторщиком в Управление Рязанско-Уральской ж[елезной] д[ороги] в Саратове, где и прослужил около 8 лет, а затем перешел на службу в отдел народного

здравия Саратовской губернской земской управы, где до 1916 г. занимал должность делопроизводителя.

Как видно из изложенного, служебная моя карьера сложилась далеко не блестяще и при таком условии канцелярская служба, гнетущая сама по себе, должна была действовать особенно угнетающе. Чтобы не дать засосать себя обывательской тине и не задохнуться окончательно нужно было искать какой-то выход и для меня он нашлся сначала в чтении (гл[авным] обр[азом], по истории), а затем и в общении с людьми приблизительно одного со мной положения и душевного склада. В нач[але] апреля 1908 г. я вступил в число членов Саратовской губернской ученой архивной комиссии⁵, где и нашел обстановку, в которой мог “отдыхать душой” от служебных дрязг и семейных неурядиц. В то время комиссия как раз переживала период демократизации и дело ее вела группа лиц, память которых должна бы надолго сохраниться в истории культурной жизни Саратова и его края. Здесь я нашел и общество, и занятия себе по вкусу. Карьеры в общепринятом смысле не сделал, впрочем, и здесь, хотя неоднократно представлялась возможность занять должность товарища председателя и председателя к[омисс]ии, но руководящая группа работников, принявшая меня в свою среду, гналась не за званием, а за пользой общего дела, как она ее понимала. В начале 1909 г. я был избран на должность хранителя исторического архива, какую занимал много лет подряд, а с 1914 г. по необходимости принял кроме того и обязанности правителя дел (т.е. ученого секретаря). С комиссией, после ряда переименований и преобразований живущей теперь в местном обществе краеведения⁶, я не порвал до сего дня, состоя почетным членом общества и председателем мордовской секции его. В связи с архивной комиссией я должен упомянуть еще об одной “службе”, не включенной в мой трудовой список. В июне 1918 г. по предложению т[оварища] Рязанова⁷ я принял на себя обязанности уполномоченного Главного архивного управления по Саратовской г[убернии] и с небольшими перерывами стоял здесь во главе архивного дела до 1 января 1921 года.

Осенью 1917 г. при Саратовском университете открыт историко-филологический факультет⁸ и в ноябре я был приглашен занять должность библиотекаря факультета. В эту должность я вступил 1 декабря 1917 г. (позднейшая дата в труд[овом] списке

ошибочна) и, т[аким] о[бразом], началась университетская моя работа. В июне 1918 г. избран на должность младшего ассистента по кафедре русской истории (в труд[овом] списке ошибочно указана кафедра философии), в апреле 1919 г. – штатным доцентом, в октябре 1928 г. – утвержден профессором по кафедре мордовского языка и культуры. Кроме того, за время существования в Саратове Института Народного образования⁹ в течение нескольких лет преподавал на положении доцента и там (эта служба также не включена в труд[овой] список). Помимо преподавания в университете же занимал до 1929 г. должность заведывающего Отделением рукописей и старопечатных книг фундаментальной библиотеки¹⁰. Несмотря на десятилетний стаж, и эта работа почему-то не включена в трудовой список. Кроме всех этих должностей значусь, или значился, по избранию как: член библиотечной к[омисс]ии у[ниверсите]та, председатель мордовского языка и культуры Педфака, почетный член Саратовского О[бщест]ва краеведения и председатель мордовской секции на нем, д[ействительный] член Исследовательского института имени М. Горького при Саратовском гос[ударственном] университете, д[ействительный] ч[лен] Казанского и Самарского о[бщест]в археологии, истории и этнографии, д[ействительный] ч[лен] О[бщест]ва Нестора Летописца в Киеве, д[ействительный] ч[лен] Московского Археологического Института и почти всех существующих ученых архивных комиссий.

Таков в общих чертах мой формулярный список. Как видно из него мою рабочую жизнь можно разделить на три полосы: чиновничество, архивная комиссия и университет. О первой полосе много говорить не приходится: чиновником я был в силу горькой необходимости и, стараясь добросовестно отработать свое жалованье, все время как волк глядел в лес. Но и из нее я извлек кое-что пригодившееся впоследствии: практическое знание порядков старого канцелярского делопроизводства, и из жизни в деревне – знакомство с ней и с сельским хозяйством. Что касается архивной комиссии, то фактически она была моим университетом. Постоянное и тесное сотрудничество с членами ее, заинтересованными преимущественно археологией и этнографией, по необходимости заставило войти в курс этих наук, а когда я принял на себя заведывание архивом, то уже по обязанности пришлось заняться те-

ми дисциплинами, которые облегчали и осмысливали занятие архивным делом. Кое-какие познания в иностранных языках открыли доступ к богатой литературе по так называемым вспомогательным историческим дисциплинам и (правда, самоучкой) удалось, не выезжая из Саратова, основательно ознакомиться не только с архивоведением вообще, но и со смежными дисциплинами: палеографией, дипломатикой, хронологией, сфрагистикой и т.д. Т[ак] к[ак] Исторический архив в главной своей массе заключал в себе документы по Саратову и его краю, то для понимания и надлежащей оценки их пришлось вплотную взяться сначала за историю самого Саратова, затем губернии, а потом вообще Поволжья и населяющих его народностей. При этом обнаружилось, что архивные документы освещают многие вопросы краевой истории иначе, чем-то делали местные историки, а отсюда возникла необходимость самостоятельного их пересмотра и печатных выступлений с результатами своих небольших исследований. Так, в недрах комиссии началась моя литературная деятельность и я стал историком-краеведом.

Чем же отплатил ей за свою выучку? До перехода в университет все свои силы и помыслы я отдавал комиссии. Трудно говорить о себе и решать вопрос, остался ли я в долгу или расплатился с ней. Официальные отчеты могут подтвердить, что в период с 1909 по 1917 г. со стороны собственно архивного хозяйства Саратовская комиссия быстро заняла одно из первых мест в ряду однородных учреждений. Объем ее исторического архива с 12000 №№, принятых мною при вступлении в должность, к концу моего заведывания возрос до 150000 №№, притом представлявших не беспорядочную грудку, как раньше, а разобранных по фондам и годам, уложенных в вязки по полкам, а не валявшихся где попало. На все дела и документы были заведены описи, в значительной пропорции карточные. Мало того, удалось выпустить несколько томов печатных описаний архива¹¹ и опубликовать ряд наиболее интересных заключающихся в нем документов¹². В значительной степени благодаря этому, авторитет комиссии настолько поднялся, что на архивном съезде в мае 1914 года¹³ не стоило почти никакого труда выхлопотать ей от Русского Исторического Общества ежегодную субсидию в 3000 р[ублей], что закрепило и материальное положение комиссии.

По должности первого уполномоченного Главархива мною положено начало Саратовскому архивному бюро и той репутации, которой оно до недавнего времени по справедливости пользовалось, подыскано для него помещение, организован штат служащих, сосредоточено и взято на учет огромное количество ведомственных архивов. М[ежду] пр[очим], удалось образовать особый военный отдел Губархива, где были сосредоточены и приведены в порядок дела 64 воинских частей. К сожалению, этот отдел вместе с сложившейся при нем библиотекой исчез бесследно при ближайших моих приемниках по заведыванию Губархивом¹⁴.

Беру на себя смелость думать, что и в жизни Саратовского университета работа моя, получившая большую широту и наукообразность, не прошла совершенно бесплодно. Так, я заявляю претензию на долю участия в образовании при Педфаке единственного пока в Союзе высшего учебного заведения специально для мордвы – отделения мордовского языка и культуры, получившего свое начало в виде частных занятий со слушателями из мордвы в 1925 г. и к 15 июля сего 1930 г. давшего уже два выпуска педагогов для мордовской средней школы. Но если честь по организации этого отделения я и должен делить с некоторыми товарищами по факультету (гл[авным] обр[азом], с проф[ессором] П.С. Рыковым¹⁵), то существующее при фундаментальной библиотеке университета отделение рукописей и старопечатных книг, бесценное по содержанию, своим возникновением, приведением в порядок обязано, смею сказать, исключительно мне. Это удостоверено официально Правлением Университета, дирекцией библиотеки и библиотечной комиссией.

Чтобы дать некоторое понятие о своей ученой физиономии прилагаю список того, что мною напечатано, не утаивая и таких работ, которые я теперь, напр[имер], и не считаю заслуживающими печати. Но помимо этих имеется несколько готовых к печати работ, которым едва ли суждено увидеть свет. Так, по линии работы еще в архивной комиссии можно назвать “Описание документов и бумаг М.Н. Галкина-Врасского”¹⁶ – примерно на 30 печатных листов. Как на отголосок моих занятий в университете вспомогательными историческими дисциплинами укажу на “Курс русской допетровской сфрагистики”¹⁷ (ок[оло] 8–10 печ[атных] л[истов]) и “Систематический сборник филиграней из русских документов XVII века”¹⁸ объемом до 15 печ[атных] листов и стоивший

мне стольких же лет упорного труда. По истории Поволжья – “Самара и Самарский узел XVII в. по записям в книгах Печатного Приказа”, работа на 6–7 лл., погибла где-то в недрах Самарского о[бщест]ва А[рхеологии], И[стории и] Э[тнографии]¹⁹. По мордве (кроме мелких статей) ждут напечатания “Сборник выписок из печатных источников, касающихся истории мордвы”²⁰ (лл. 6–7) и “Библиография русской литературы о мордве”²¹, заключающая больше 350 названий с моими аннотациями.

10/VII – 1930 г.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ А.А. ГЕРАКЛИТОВА

1. Рукописное Евангелие музея Саратовской ученой архивной комиссии // Саратовский духовный вестник. 1908. № 33.
2. Новое приобретение местной архивной комиссии // Там же. № 52. С. 2–4.
3. Столбцы из исторического архива Саратовской ученой архивной комиссии // Тр. СУАК. 1909. Вып. 25. С. 1–114.
4. Некоторые данные о садоводстве и погоде в минувшем столетии // Саратовский садовод. 1909. № 5.
5. К вопросу о начальной истории Саратовского Спасо-Преображенского монастыря // Саратовский духовный вестник. 1910. № 8.
6. Увек. Витебск, 1910. – 8 с. См. также: Увек. Древний город на Волге // Тр. Ставропол. учён. архивн. комиссии. 1910. Вып. 2. С. 1–7.
7. Столбцы из исторического архива Саратовской учёной архивной комиссии // // Тр. СУАК. 1910. Вып. 26. С. 9–31.
8. Документы XVII века Саратовского Радищевского музея // Там же. С. 32–58.
9. Очерки из жизни и быта эльтонских соляных ломщиков и возчиков второй половины XVIII века // Там же. С. 59–82.
10. Фамильные бумаги дворян Жуковых // Там же. С. 254–259.
11. Отчет по историческому архиву за 1909 г. // Там же. С. 52–60.
12. Краткая опись «калачовского» фонда исторического архива Саратовской учёной комиссии // Там же. 1911. Вып. 27. С. 5–39.
13. По поводу находки в Саратове каменного креста с надписью XVII века // Там же. С. 1–8.

14. Учреждение в Саратове Соляного Комиссарства (1747 г.) // Тр. СУАК. Вып. 28. С. 1-137.
15. Мелочи из прошлого Саратовского края (по архивным документам) // Там же. С. 1-19.
16. Записки хранителя [исторического] архива А.А.Гераклитова // Там же. С. 50-54.
17. Френ Х. Монгольский город Укек на реке Волге / Перевод с немецкого // Ставрополь, 1911. - 16 с.
18. XV Археологический съезд в Новгороде. (Отчет о командировке) // // Тр. СУАК. 1912. Вып. 29. С. 41-57.
19. Часоводец Решетов и устройство им городских часов в Саратове // Там же. С. 58-61.
20. Материалы для истории Саратовского Поволжья: (Столбцы Московского архива Министерства юстиции) // Там же. С. 62-87.
21. Из архивной пыли // Церковь. 1913. № 7.
22. Архивы Саратовской губернии // Тр. СУАК. 1913. Вып. 30. С. 3-31.
23. Обзор «Пугачевских» дел из Астраханского губернского архива // Там же. С. 33-51.
24. По поводу записи 1682 г. на Прологе [библиотеки] Братства Св[ятого] креста в Саратове // Там же. С. 53-60.
25. Список Саратовских и Царицынских воевод XVII века // Там же. С. 61-82.
26. Гербы Дубенских // Гербовед. 1913. Май. С. 83-86.
27. Акты и грамоты Кирилло-Белозерского монастыря (Из архива Саратовской архивной комиссии) // Тр. СУАКА. 1914. Вып. 31. С. 3-27.
28. Где был построен Саратов в 1590 г. // Там же. С. 29-37.
29. Несколько документов из коллекции П.А. Можайкина // Там же. С. 201-204.
30. Опись документов и дел исторического архива. Вып. I: Дела «Сенатские». Саратов, 1914. - X+428 с.
31. Об учреждении полиции в Тульской губернии // Тр. Тульск. арх. комиссии. 1915. Кн. 1. С. 151-154.
32. Исторические архивы при учёных архивн// Тр. СУАК. 1915. Вып. 32. С. 57-71.
33. Несколько документов из исторического архива Саратовской комиссии // Там же. С. 73-110.
34. Отчет по историческому архиву за 1914 год // Там же. С. 195-212.

35. Опись документов и дел исторического архива. Вып. III: Дела серии «Документ». Саратов, 1916. С. 1-75.
36. Саратовские пожары 1800 и 1801 гг. // Тр. СУАК. 1916. Вып. 33. С. 5-18.
37. Первая квартира саратовских епископов // Там же. С. 19-22.
38. Поимка в Петровске Викентия Мигурского // Там же. С. 23-24.
39. Саратов: Краткий исторический очерк. Саратов, 1919. – 34 с. (2-е изд. – Саратов, 1923. – 33 с.)
40. Один из бумажных водяных знаков XVII века // Сб. статей по русской истории, посвящённых С.Ф. Платонову. Пб., 1922. С. 305-313.
41. Отделение рукописей и старопечатных книг Саратовского университета // Студенческая мысль. 1923. № 3-4. С. 21-22.
42. Новый труд по истории Юго-Востока России: (Рец. на книгу [А.] Хвощева «Очерки по истории Пензенского края») // Там же. № 5.
43. История Саратовского края в XVI-XVIII вв. Саратов, 1923. – 375 с.
44. К истории волжского транспорта в конце XVII века // Тр. Н-В ОК. 1924. Вып. 34, ч. 2. С. 11-25.
45. Рецензии на работы: П.А. Преображенского «Колонизация Самарского края» и «Беглые крестьяне Самарского края в XVIII в.», М.Н. Тихомирова «К истории колонизации Самарского края» и П.А. Архангельского «К истории единоверия в Николаевском уезде Самарской губернии» // Краеведение. 1924. № 4. С. 487-489.
46. Долговечны ли наши архивы // Архивное дело. 1925. Вып. 2. С. 8-15.
47. Саратовские бобыли: (По сказкам 1723-1724 гг.) // Учен. зап. СГУ. 1925. Т. 3, вып. 3. С. 75-87.
48. Прошлое Саратова // Весь Саратов: Альм.-справ. на 1925 год. Саратов, 1925. Отд. 2. С. 65-71.
49. До питання про початок Московського друкарства // Бібліологічні Вісті. 1925. Ч. 3. С. 93-97.
50. Рецензия на издание Всеукраинской Академии наук: Иван Каманін, Александра Вітвіцька. Водяни знаки на папері Українських документів XVI-XVII вв. (1566-1651). Київ, 1923 // Книга и культура. 1926. С. 8-13. Перепечатано в пражском журнале «Slavia» за 1927 г.
51. Три издания без выходных листов XVI в. из библиотеки Саратовского университета: (К вопросу о начале книгопечатания в Москве) // Учен. зап. СГУ. 1926. Т. 5, вып. 2. С. 1-20.

52. Саратовская мордва: (К истории мордовской колонизации в Саратовском крае) // Изв. Краевед. ин-та [изучения] Южно-Волжской области [при СГУ]. 1926. Т. 1. С. 137-155; карта.
53. До біографії Онисима Міхайловича Радышевського // Бібліологічні Вісті. 1926. Ч. 1. С. 63-64.
54. Археологические памятники Саратовского края, упоминаемые в документах XVII-XVIII вв. // Тр. Н-В ОК. 1926. Вып. 35, ч. 1. С. 85-86.
55. Мордовский «беляк» // Изв. Краевед. ин-та изучения Южно-Волжской области [при СГУ]. 1927. Т. 2. С. 103-112.
56. Мордовские должностные лица // Там же. С. 113-123.
57. Мордовские «зимницы» // Там же. С. 125-130.
58. Кирдановская мордва // Там же. С. 133-136.
59. Раздача мордвы «по жеребью» боярам «для крещения» // Там же. С. 139-142.
60. Четверозвангелия без выходу поч. XVII ст. // Бібліологічні Вісті. 1928. № 1. С. 17-26.
61. Роль Саратова и Самары XVII в. в жизни мордвы // Изв. Н.-В. Ин-та Краевед. им. М. Горького. 1929. Т. 3. С. 221-233.
62. Дозоры Нижегородской мордвы 96 и 122 гг. // Там же. С. 237-245.
63. К вопросу о границе между «мокшей» и «эрзей» в нач. XVII в. // Бюллетень Ленинградского общества исследования культуры финно-угорских народностей. 1929. Вып. 4. С. 7-15.
64. Арзамасская мордва: (По писцовым и переписным книгам XVII-XVIII вв.). Саратов, 1930. - 152 с. (Учён. зап. СГУ. 1930. Т. 8, вып. 2).

Архив СГУ. Д. 28 (А.А. Гераклитов). Л. 71-76об.

Примечания

¹ Из воспоминаний А.А. Гераклитова: «...я здесь заявляю, что родился в г[ороде] Камышине в ноябре 1867 г. Говорю в ноябре, ибо дня рождения не только я, но и отец мой в точности не знал. Кажется, 18-ое ноября, но в метрике указано 23-е» (*Гераклитов А.А. Воспоминания... С. 35*).

² Гераклитов Александр Ермолаевич (1840-?), сын священника; отец А.А. Гераклитова.

³ Из воспоминаний А.А. Гераклитова: «Своей родиной я считаю прекрасный город Саратов, так как весной 1868 г. родители мои переселились сюда на постоянное жительство. Отец даже перебрался еще зимой, мать же

со мной и бабушкой последовали за ним на первых пароходах. По словам отца, он бежал из Камышина, несмотря на хорошие материальные условия службы, чтобы не спиться с круга. Городишко был глухой, все знакомы друг с другом и пьянство повальное. Приходилось выть с волками, чтобы не нажить себе врагов» (*Гераклитов А.А. Воспоминания... С. 35*).

⁴ Из воспоминаний А.А. Гераклитова: «Милая моя мама родилась, должно быть, в феврале 1851 г. <...>. Родилась мать в Астрахани, где тогда жили ее родители. <...>

Детство ее прошло в большой бедности и в забросе. Бабушке было не до ребенка, так как приходилось тяжелым трудом зарабатывать на жизнь, а отца своего она мало видела, ибо при беспорядочной жизни он редко и мало бывал дома.

Воспитание матери ничем не разнилось от того, которое давалось и остальным мещанским детям. Общая серость жизни омрачалась еще бедностью и семейными раздорами отца и матери. Отец, впрочем, по-своему любил свою единственную дочку и даже пытался выучить её грамоте. Но ученье шло неумело и урывками и мать до конца жизни могла читать только по печатному, причем довольно громко, хотя и шепотом, складывала слова. Так что, когда впоследствии мы с отцом писали ей письма, то рисовали их печатными буквами. Писать она не могла совершенно, даже не умела подписывать своей фамилии» (*Гераклитов А.А. Воспоминания... С. 34*).

⁵ *Саратовская ученая архивная комиссия (СУАК)* – общественная научная организация, созданная в 1886 г. Подр. об этом см.: *Захаров В.М., Захарова Т.А. Саратовская ученая архивная комиссия (1886–1920)*. Волгоград, 2005; *Земли родной минувшая судьба (Саратовская ученая архивная комиссия и документальное наследие края)*. Саратов, 2007.

⁶ *Саратовское общество истории, археологии и этнографии (ИСТАРХЭТ)*, созданное на базе существовавшей с 12 декабря 1886 г. СУАК, действовало с 21 июня 1920 г. по 29 сентября 1923 г. (см.: *Данилов В.Н. «Золотое десятилетие» саратовского исторического краеведения (1920-е годы)* // *Поволжский край*. Саратов, 2000. Вып. 11. С. 171–174).

⁷ *Рязанов Давид Борисович* [наст. имя и фам. Гольдендах Давид-Симха Зельман Беров] (1870–1938), историк, источниковед и архивист, действительный член АН СССР (1929), заведующий ГУАД (1918–1920), создатель и первый директор ИМЭ.

⁸ На протяжении всей дореволюционной истории Саратовского университета, учрежденного в 1909 г. в составе одного медицинского факультета, современники не раз высказывали мысль о том, чтобы он как можно скорее «сделался прежде всего университетом по существу, т.е. обогатился бы всеми факультетами, которые в совокупности составляют университет в полном смысле этого слова» (*Саратовский вестник*. 1909. 8 дек.)

Однако заветная мечта саратовцев о полнокровном, «каноническом» университете была реализована только после Февральской революции: тогда удачно совпали объективные и субъективные обстоятельства. С одной стороны, этому способствовала научная миграция в годы Первой мировой войны, когда весной 1915 г. из Киева в Саратов эвакуировался университет Св. Владимира (подр. см.: *Малинин Г.А. Киевский университет в Саратове* //

Поволжский край: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1984. Вып. 7: Вопросы социально-экономической и политической истории; *Соломонов В.А.* «Мы жили с киевлянами очень дружно» (О пребывании киевских высших учебных заведений в Саратове в годы Первой мировой войны) // *Цивилизация на пороге тысячелетия: Сб. науч. ст. Балашов, 2001. Т. 1, вып. 2).* С другой – февраль 1917 г., на короткое время, до утверждения тоталитарного режима, установивший автономию общества от государства, вынудил Временное правительство обратиться к реализации общественных интересов.

Окончательное решение этого вопроса было поручено Комиссии по реформе высшего образования при Временном правительстве во главе с известным общественным деятелем профессором М.М. Новиковым. Разработанный и представленный 30 мая 1917 г. в правительство проект предполагал открытие новых факультетов в составе Саратовского университета уже в 1917/18 учебном году. Для этого имелась вся необходимая материальная база. К тому же первоначальное устройство гуманитарного факультета не требовало специальных построек, достаточно было нескольких лекционных аудиторий и комнат для семинарских занятий. Отличным подспорьем в учебном процессе, по мнению членов комиссии, могла стать и университетская библиотека, к тому времени уже имевшая в своих хранилищах немало печатных и рукописных раритетов (подр. см.: *Артицевич В.А.* Книжные коллекции в фондах Научной библиотеки при СГУ // *Тр. НБ при СГУ. Саратов, 1947. Вып. 1; Султанова Н.В.* Коллекции книг А.Д. Нессельроде в Научной библиотеке // Там же; *Грозевская А.Н.* Книжная коллекция А.П. и Н.П. Барсуковых в Научной библиотеке Саратовского университета // *Тр. НБ СГУ. Саратов, 1959. Вып. 2; Бурьян Л.К. И.А. Шляпкин и Научная библиотека СГУ // Там же; Попкова Н.А.* Книги из библиотек саратовских усадеб в фонде Научной библиотеки университета // *Историк и историография: Материалы науч. конф., посвященной 90-летию со дня рождения Л.А. Дербова. Саратов, 1999); Она же.* Книжное собрание П.М. Мальцева в научной библиотеке Саратовского университета // *История и историческая память: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов, 2011. Вып. 3).*

В итоге 1 июля 1917 г. постановлением Временного правительства в составе Саратовского университета был открыт историко-филологический факультет (РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 518. Л. 115; ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 718. Л. 34).

⁹ 9 декабря 1918 г. на базе существовавшего в Саратове с 1913 г. двухгодичного учительского института был создан педагогический институт, в 1919 г. переименованный в Институт народного образования (ИНО). С апреля 1922 г. – педагогический факультет Саратовского университета (См.: *Культурное строительство в Саратовском Поволжье: Документы и материалы. Ч. 1. 1917–1928 гг. / Сост. Г.А. Малинин, З.Е. Гусакова. Саратов, 1985. С. 265).*

¹⁰ «В 1919 году согласно дореволюционным университетским традициям специалисту-историку Гераклитову поручается организация рукописного отделения фундаментальной библиотеки университета, куда в то время поступили такие значительные в количественном и качественном отношении книжные собрания, как библиотеки И.А. Шляпкина, А.П. и Н.П. Барсуковых, П.М. Мальцева, М.К. Ушкова.

Александр Александрович подошел к порученному делу со свойственной ему обстоятельностью: он выбирал не только рукописные книги, как предполагалось вначале, но и первопечатные книги отечественные и европейские, раритеты, которых немало было в поступивших собраниях» (Понкова Н.А. Александр Александрович Гераклитов... С. 11–12).

¹¹ Из отзыва С.Н. Чернова: «В старой Архивной Комиссии А.А. Гераклитову был поручен ее обширный и богатый содержанием Исторический Архив. Он много способствовал дальнейшему росту и упорядочению этого драгоценного собрания и вместе с этим провел большую работу по созданию для него описей. Из них мне известны три напечатанных и одна в рукописи. Из напечатанных первая – серии “документов разных” – вышла в 1910 г. в составе 777 №№ (см.: *Гераклитов А.* Столбцы из исторического архива СУАК // Тр. СУАК. 1910. Вып. 26); в 1916 г. появилось ее продолжение в 466 №№ (см.: *Гераклитов А.А.* Описание документов и дел исторического архива. Вып. 3. Дела серии «Документ». Саратов, 1916). К ней очень тесно примыкает “Краткая опись Калачовского фонда...”, вышедшая в 1911 г. и насчитывающая 378 №№ (см.: *Гераклитов А.А.* Краткая опись «Калачовского» фонда исторического архива Саратовской ученой комиссии // Тр. СУАК. 1910. Вып. 27; Калачов Николай Васильевич (1819–1885), историк, правовед, археограф, архивист, акад. Петерб. АН (1883). Личный фонд ученого в настоящее время хранится в ГАСО). В 1914 г. вышла опись серии “сенат” в 3825 №№ (см.: *Гераклитов А.А.* Описание документов и дел исторического архива. Вып. 1: Дела «Сенатские». Саратов, 1914). Все описи, кроме “Калачовской” снабжены указателями, сильно облегчающими – ос[обенно] богато развитой “предметный” указатель – пользование ими. При “Калачовской” описи напечатано приложением несколько документов и писем. Следует особенно заметить, что при составлении описи серии “Сенат” А.А. Гераклитов поставил себе “непременным условием” “не доверяя заголовкам, заносить в опись название дела только ознакомившись, путем прочтения, с содержанием его” и что поэтому огромное количество дел серии в его описи носит измененный или даже совсем заново составленный заголовок. Местами, не довольствуясь этим, А.А. Гераклитов переводил свою опись в коротенькое описание. Все это делает его опись серии “сенат” чрезвычайно удобною для пользования, – хотя отдельные погрешности в описи некоторых дел и ставят препятствия к их правильному использованию. Очень хорошо составлено и продолжение описи серии «документов разных»; зато их основные 777 №№ описаны не всегда удачно, что и естественно, так как их опись была по времени первою» («В изучении источника он выступает мастером большого калибра» (*Соломонов В.А.* «В изучении источника он выступает мастером большого калибра»... С. 266).

¹² См.: *Гераклитов А.А.* Материалы для истории Саратовского Поволжья. Столбцы Московского архива Министерства юстиции // Тр. СУАК. 1912. Вып. 29; *Он же.* Акты и грамоты Кирилло-Белозерского монастыря (Из архива Саратовской архивной комиссии) // Там же. 1914. Вып. 31.

¹³ В 1914 г. по инициативе РИО в Петербурге прошел съезд Губернских ученых архивных комиссий, обсудивший насущные вопросы архивного дела и археографии.

¹⁴ 4 июля 1918 г. в Саратове был создан Центральный губернский архив (губархив) и учреждена должность уполномоченного Главного архивного

управления по Саратовской губернии. По предложению Д.Б. Рязанова ее занял А.А. Гераклитов.

¹⁵ Рыков Павел Сергеевич (1884–1942), историк, археолог и краевед, профессор Саратовского университета (1922–1937), директор СОМК (с 1923), Н.-В. института краеведения им. М. Горького (с 1924), председатель Н.-В. бюро краеведения (с 1931), заведующий сектором науки Саратовского крайоно (1931–1933). Подр. о нем см.: *Малов Н.М.* Советский археолог Павел Сергеевич Рыков (к 125-летию со дня рождения) // *Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009)* / Отв. ред. И.С. Каменецкий, А.Н. Сорокин. М., 2010; *Малов Н.М., Павлова Л.С.* Профессор Павел Сергеевич Рыков – первый декан исторического факультета Саратовского университета (к 125-летию со дня рождения) // *История и историческая память: Межвуз. сб. науч. тр.* / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов, 2010. Вып. 1.

¹⁶ Из отзыва С.Н. Чернова: «Большим шагом вперед была составленная А.А. Гераклитовым опись “архива” М.Н. Галкина-Врасского, оставшаяся, к сожалению, в рукописи (см.: Архив СПб ИИ РАН. Ф. 32) и по своему объему (с предисловием, биографией владельца архива, приложениями и указателями – 30 печ[атных] л[истов]) едва ли доступная для печати в ближайшем будущем. “Архив” Галкина-Врасского в своей основной части состоит из писем, всегда особенно трудных для составителя описи. Думается, что А.А. Гераклитову удалось довольно удачно разрешить некоторые специфические трудности их описи, хотя в вопросе о приемах включения в опись помет на письмах адресата (Галкина-Врасского) и не оказалось полного единообразия. Выборка документов и писем для приложений мне представляется в общем удачной. В биографии Галкина-Врасского с особенной подробностью рассказан ее саратовский период; много свежего в ее среднеазиатском и рижском периодах. Составлена она по разнообразному материалу, но в центре работы изученный автором в подробностях личный архив Галкина-Врасского. Пользование самой описью чрезвычайно облегчено подробными указателями и пояснительными замечаниями ее составителя в самом ее тексте» («В изучении источника он выступает мастером большого калибра» (*Соломонов В.А.* «В изучении источника он выступает мастером большого калибра»... С. 266–267).

Галкин-Враской Михаил Николаевич (1834–1916), государственный и общественный деятель, этнограф, саратовский губернатор (1870–1879), член Государственного Совета (1896–1916). Личный фонд М.Н. Галкина-Враского в настоящее время находится в ГАСО).

¹⁷ Имеется в виду не опубликованная работа А.А. Гераклитова «Сфрагистика до-Петровского времени», текст которой хранится в Архиве СПб ИИ РАН (Ф. 32).

¹⁸ Речь идет о капитальном труде А.А. Гераклитова «Систематический сборник филиграней на русских документах XVII века: (Атлас рисунков, предваренных критическим разбором материала)», увидевшего свет лишь через 30 лет после смерти автора (см.: *Гераклитов А.А.* Филиграния XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963). Осуществить это издание стало возможным «...благодаря усилиям крупнейшего специалиста в области филиграноведения С.А. Клепикова,

который считал работу Гераклитова “капитальным вкладом в мировую историю водяных знаков”, имеющим “большое научное значение наравне с работами Брике, Хивуда и Мошина-Тралича”. Особую ценность альбома Гераклитова для отечественных исследователей Клепиков видел в том, что “в этом сборнике филиграней очень ярко вырисовывается ассортимент бумаги, бывшей в употреблении на Московском печатном дворе в первой половине XVII в.”» (Попкова Н.А. Александр Александрович Гераклитов... С. 12).

¹⁹ Имеется в виду неопубликованная работа А.А. Гераклитова «Самара и Самарский край XVII века по записям в книгах Печатного приказа», рукопись хранится в Архиве СПб ИИ РАН (Ф. 32).

²⁰ Установить местонахождение и судьбу данной рукописи не удалось.

²¹ Рукопись неопубликованной работы А.А. Гераклитова «Библиография русской литературы о мордве (около 400 названий с аннотациями)» в настоящее время хранится в Архиве СПб ИИ РАН (Ф. 32).

УДК 94(47)+929Чернов

**«ЛЮБЛЮ ГОРЬКИЙ И ЕГО СЛАВНОЕ,
ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ СТУДЕНЧЕСТВО, ЕГО ИНСТИТУТ
И МОИХ ПО НЕМУ ТОВАРИЩЕЙ»
(Из эпистолярного наследия С.Н. Чернова)**

А.А. Кузнецов

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского,
кафедра историографии и источниковедения
E-mail: nalbuz@mail.ru

В.А. Соломонов

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: solomonovva@mail.ru

Статья представляет новые и малоизвестные факты биографии крупного русского историка С.Н. Чернова. Источниками являются письма С.Н. Чернова С.И. Архангельскому. Новая информация о С.Н. Чернове дополняет представления о последних годах его жизни.

Ключевые слова: историография, С.Н. Чернов, С.И. Архангельский, Н.М. Добротвор, Саратов, Горьковский государственный педагогический институт.

**«I LOVE GORKY AND ITS NICE, REMARKABLE STUDENTS,
ITS INSTITUTE AND MINE ON IT OF COLLEAGUES»
(From S.N. Chernov's epistolary heritage)**

A.A. Kuznetsov, V.A. Solomonov

The article deals with new and previously unknown facts of the biography of the famous Russian historian S.N. Chernov. The sources are letters of S.N. Chernov to S.I. Arhangelsky. The new information on S.N. Chernov supplements representations about last years his lives.

Key words: Historiography, S.N. Chernov, S.I. Arhangelsky, N.M. Dobrotvor, Saratov, Gorky state pedagogical institute.

Имя и труды Сергея Николаевича Чернова (28.01 (10.02).1887 – 26.12.1941) благодаря многочисленным публикациям, освещавшим различные стороны его научно-педагогической и общест-

венной деятельности¹, известны не одному поколению российских и зарубежных историков. Круг исследовательских интересов ученого был чрезвычайно широк и многообразен².

С открытием в 1917 г. в Саратове историко-филологического факультета С.Н. Чернов сразу же изъявил желание стать его полноправным членом. И уже 21 октября того же года он направил в Совет факультета Саратовского университета заявление с просьбой о зачислении его приват-доцентом по кафедре русской истории. 27 ноября 1918 г. историк был утвержден в звании профессора, оставаясь таковым вплоть до своего ухода из университета³.

Преподавательская деятельность С.Н. Чернова в Саратове отражала сначала, в основном, его научно-исследовательские интересы дореволюционных лет («История литовско-русского государства до 1569 г.» и «История Среднего и Нижнего Поволжья до конца XVII в.»). Позже внимание историка привлекли вопросы исторической географии, методологии источниковедения и истории политических движений 10–20 гг. XIX века. Наряду с этим он довольно активно и плодотворно занимался изучением декаб-

---

¹ См.: *Порох ИВ.* Некоторые вопросы истории общественного движения в России в первой половине XIX в. // Учен. зап. СГУ. Саратов, 1960. Т. 68; *Дербов Л.А.* Историческая наука в Саратовском университете. Саратов, 1983; *Мионов В.Г., Широкова В.В.* С.Н. Чернов в Саратовском историческом краеведении // Российская провинция XVIII–XX веков: Реалии культурной жизни: Материалы III Всерос. науч. конф. Пенза, 25–29 июня 1995 г. Пенза, 1996. Кн. 2; *Андреева Т.В.* Некоторые вопросы истории либерального движения в освещении С.Н. Чернова // Третьи мартовские чтения памяти С.В. Окуня: Материалы науч. конф. СПб., 1997; *Максимов Е.К.* К биографии Сергея Николаевича Чернова // Историк и историография: Материалы науч. конф., посвященной 90-летию со дня рождения Л.А. Дербова. Саратов, 1999; *Сергеев М.Е.* Воспоминания о Бестужевских курсах и Саратовском университете / Вступ. статья, публ. и коммент. Т.В. Андреевой // Деятели русской науки XIX–XX веков. СПб., 2000. Вып. 2; *Андреева Т.В., Соломонов В.А.* Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов. 1887–1941 / Отв. ред. А.Н. Цамутали. Саратов, 2006; *Соломонов В.А.* 1928 год в судьбе профессора Сергея Николаевича Чернова: (к истории одного университетского конфликта) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. 2008. Т. 8. Сер. История. Международные отношения, вып. 1. С. 63–68; *Соломонов В.А., Шишкина Т.А.* С.Ф. Платонов и саратовское научное сообщество: (Из эпистолярного наследия ученого) // Историографический сборник. Саратов, 2008. Вып. 23; и др.

² См.: Список научных трудов С.Н. Чернова // Чернов С.Н. У истоков русского освободительного движения: Избр. статьи по истории декабризма / Под ред. Б.Е. Сыроечковского, И.В. Пороха. Саратов, 1960. С. 408–415.

³ Арх. СПб ИИ РАН. Ф. 297 (С.Н. Валк). Оп. 1. Д. 249. Л. 8, 14.

ристского движения, осмыслением жизни и творческого наследия Н.Г. Чернышевского, непосредственно участвуя в создании на саратовской земле мемориального Дома-музея его имени.

О внутреннем мире ученого и его педагогическом мастерстве ярче всех отзывалась в своих воспоминаниях М.Е. Сергеенко, коллега С.Н. Чернова по службе в Саратовском университете:

«Он был прекрасным лектором и преподавателем, в высокой степени обладал “чувством истории”, которое живой водой взбрызгивает прошлое, превращает его в кровно-близкое, заставляет жить одной с ним жизнью. Он увлекал своих слушателей и учеников и стилем своего преподавания и очарованием, исходившим от всего его существа. <...> С[ергей] Н[иколаевич] был – явление на Руси редкое – человеком принципиальным и от убеждений своих не отрекся бы за все золото мира; не считал он нужным о них и умалчивать. Он любил родину, Россию, и говорил о родине тогда, когда само понятие “родина” считалось гнусной буржуазной выдумкой; он был верующим человеком и не отрекался от своей веры в то время, когда вера в Бога числилась среди признаков не только буржуазной темноты, но и опасного несогласия с советским курсом»⁴.

Вероятно, именно эти особенности личности С.Н. Чернова – открытость, независимость в оценке происходящего и преданность нравственным идеалам – и явились поводом к началу идеологического прессинга ученого с последующим отстранением его в 1928 г. от должности профессора и изгнанию из Саратовского университета⁵.

В дальнейшем С.Н. Чернов работал в Институте русской литературы АН СССР (1931–1936), преподавал в Ферганском пединституте (1931–1936). А в первых числах сентября 1937 г., будучи приглашен на должность профессора Горьковского педагогического института, историк обосновался в Горьком.

Приняли С.Н. Чернова в институте поначалу хорошо, да и ему самому как будто «в нем понравилось»⁶. Обращаясь в письме

---

⁴ Сергеенко М.Е. Указ. соч. С. 299–300.

⁵ Архив СП ИИ РАН. Ф. 297 (С.Н. Валк). Оп. 1. Д. 249. Л. 12–12об. Подр. об этом см.: Соломонов В.А. 1928 год в судьбе профессора Сергея Николаевича Чернова: (к истории одного университетского конфликта)...

⁶ Отпуск из письма С.Н. Чернова Е.Н. Кушевой от 19 сентября 1937 г. // Коллекция документов по истории Саратовского университета В.А. Соломонова (Саратов).

к Е.Н. Кушевой, Сергей Николаевич сообщал: «Читаю два сводных курса большим аудиториям: один II и IV (последнему в повторение) 19 в. до реформ вел[иких], другой I учит[ельский] и IV пед[агогический] (последнему повтор[ение]) от начала и до Екат[ерины] II вкл[ючительно]. Павел идет в пристяжку к первому курсу, как и общий вводный обзор Екат[ерины]. <...> С II к[урсом] надо вести практ[ические] зан[ятия]; может быть, возьму декабристов; с III надо вести семинарий: хотел бы, если они выдержат, взять мою молодость, – т.е. Смуту, – может быть, прямо раскрепощенное теперь Нижегород[одское] Ополчение или Пушкина, о котором я давно мечтаю»⁷.

Но уже через месяц его работа в Горьком стала превращаться в крошечный ад. В октябре Сергея Николаевича «...не только сильно загрузили в П[едагогическом] И[нституте], но и очень затруднили по “переподготовке” учителей. При этом, – сообщал он Е.Н. Кушевой, – работать приходится все время по 3 линиям: “др[евняя]” р[усская] ист[ория], XIX в. и ист[орическая] геогр[афия], что очень мешает сосредоточению». Кроме этого его неотступно преследовал мучительный вопрос, – из какого источника он сможет пополнить «нижегородское свое содержание, которое, с вычетами, фактически свелось когда к 800, а когда и менее. Сейчас, – признался историк в письме к Е.Н. Кушевой, – я штопаю институтские дыры лекциями на стороне, но быть грампластинкою меня не веселит. Правда, Институт кормит меня обещаниями повысить ставку, но я думаю, что он этого не сделает до введения штатно-окладной системы, к введению которой, впрочем, меня в Нижнем [Новгороде]

---

⁷ Письмо С.Н. Чернова Е.Н. Кушевой от 25 октября 1937 г. // Коллекция В.А. Соломонова.

Сохранились воспоминания о преподавательской деятельности С.Н. Чернова в Горьком, оставленные И.А. Кирьяновым (1918–2007), бывшим студентом Горьковского пединститута, позже ставшим известным нижегородским краеведом: «Как сейчас, помню его лекции по истории России, которые он читал без всяких текстов и конспектов, даже не поднимаясь на кафедру. Обычно он приходил в аудиторию и садился на стул почти в центре аудитории. Вслед за ним лаборантка приносила стопу различных книг, в том числе Карамзина, Соловьева и Ключевского, а так же С.Ф. Платонова. По ходу занятия он брал, не глядя, очередной том, раскрывал его на закладке и, взглянув на текст, продолжал свою речь <...>. Все мы дружно восхищались его свободной речью, и мне <...> становилось, как-то жаль терять время на запись его рассказа. По моему мнению, это был настоящий Ученый с большой буквы (ГОПАНО. Ф. 7875. Оп. 2. Д. 10. Л. 2).

скорее всего уже не будет. Поэтому я считаю себя как-то обманутым Институтом». Не оправдались надежды ученого и в плане научно-методического обеспечения лекционного процесса: «Иной раз перед лекцией бегаешь, ищешь книгу, как в Саратове в 1917–[19]18 г. О том, старом, и вспомнить страшно, а это, новое, переносить тяжело.

Потом меня “изучают”, – т.е. мое преподавание, и слушая и читая стенограммы⁸. Тоже – не радость». «Читаю лекции, веду занятия, консультирую, коллоквирую, экзаменую, заседаю и прочее⁹. А сам хочу домой», потому что «мне здесь так скучно, что могу запить, чего, как сами понимаете, следует остерегаться...». «Весь охвачен мыслью уйти из Г[орького], но не знаю, когда и как это удастся сделать», – подводя итог своим переживаниям, констатировал историк¹⁰.

---

⁸ Из материалов партсобрания ГППИ от 21 октября 1937 г.: «Некоторые преподаватели политически не воспитывают студентов. Так, например, проф[ессор] Чернов, характеризуя Бенкендорфа, говорил о нем в лекции как о передовом, культурном и талантливом человеке своего времени»; «Правильно о нем здесь ставился вопрос. Он не может дать материал политически остро. Но это не значит, что его нельзя использовать. Мы изучаем его работу. Он игнорирует новый учебник по Истории СССР <...>. Стенографированные лекции Чернова нельзя брать в основу при подготовке к государственным экзаменам <...>. На Литфаке <...> пришлось слышать тезис, что реформы Петра I носят ограниченный характер и по причине дикости и отсталости масс. Это троцкистский тезис. К таким вещам надо присматриваться и на них необходимо реагировать. Он просто рассказывает, но не делает политических выводов» (ГОПАНО. Ф. 932. Оп. 1а. Д. 8. Л. 40об.). Спустя два месяца: «Проф[ессор] Чернов (история СССР), о котором говорят, что политически неправильно строит свои лекции, должен быть изучен»; «Лекции Чернова не марксистские. Надо решить вопрос: может ли Чернов перестроиться»; «В лекциях проф[ессора] Чернова есть чисто буржуазные высказывания, как напр[имер], развитие взгляда о призвании варягов, момент, трактованный буржуазными историками в целях необходимости доказать надклассовый характер государства» (Там же. Оп. 1. Д. 144. Л. 90–91).

⁹ С.Н. Чернов также вел в Горьком студенческий кружок по изучению истории СССР. Сохранились темы докладов студентов II курса: Протасин – «Сибирский поход Ермака», Кирьянов – «Кремль города Горького», Рождественская – «О первом томе истории Сибири Г.Ф. Миллера», Каплин – «О Правде Ярославичей», Селиванова – «О Большом Мурашкине», Мочалов – «О Волго-Камской Болгарии» (Там же. Ф. 907. Оп. 1. Д. 846. Л. 4).

¹⁰ Письма С.Н. Чернова Е.Н. Кушевой от [19 октября 1937 г.], [25 марта 1938 г.] и отпуск из письма от [? июня 1938 г.] // Коллекция В.А. Соломонова.

Но уже спустя год ученый оговаривался в письме к тому же корреспонденту: «...Не делайте из сказанного вывода, что я хочу непременно совсем уйти из Г[орького]; ради его чудесных студентов, я готов отдать ему часть времени, но – я старик, и не могу жить так, как прожил эти три года...» (Письмо С.Н. Чернова Е.Н. Кушевой от 15 мая 1939 г. // Там же).

Однако расстаться с Горьким С.Н. Чернову оказалось не просто. Руководство вуза было настроено решительно и категорически выступило против его ухода из пединститута, возбудив в Наркомпросе ходатайство об оставлении Сергея Николаевича в Горьком. В письме к Е.Н. Кушевой он сообщал: «Положение моих дел таково: 1) зам[еститель заведующего] каф[едрой] частным письмом уведомил меня, что “решительно не согласен” с моим уходом, считает, что я должен остаться еще на год, с нагрузкой в 2 месяца; уверен, что я останусь; сказал об этом дирекции; оставляет в силе поручения; уезжает на 2 нед[ели] из Г[орького]. Письмо было от 13.VII. Это – замечательное письмо. 2) Я тотчас написал ему, что не останусь и прошу снять с меня поручения, а в дирекцию послал повторную просьбу об освобождении. 3) Дирекция отношением от 14 уведомила Ком[иссию] по ист[ории] АН, что не находит возможным освободить меня от работы в ГПИ, но нагрузит меня всего на 2 м[есяца]. 4) Декан, через которого я послал заявление об освобождении, молчит. 5) Стороною узнал, что решено возбудить в НКПр ходатайство о моем оставлении в Г[орьком]. Впечатление мое такое: в Г[орьком] хотят или получить такое “оставление” в НКПр, т.е. устроить мне “заповедные годы” до “государева указа”, или просто так затянуть дела, чтобы потом орать, что я срываю занятия и пр[очее], и тем заставить меня, как в прошлом году, остаться. Мне кажется, что на второе они возлагают более надежд, чем на первое. Мне вместе с тем кажется, что приемника мне они и не ищут и не желают искать. Думается, что едва ли я ошибаюсь»¹¹.

С.Н. Чернов в свою очередь был настроен так же решительно, и ни на какие уговоры горьковчан не поддавался: «Из Горького мне приходится уходить: а) тяжело, б) желание домашних, в) ультиматум академического начальства. <...> Знаю, что надо уходить, но трудно уходить: так полонили меня студенты...»¹².

Вскоре необходимый компромисс был найден: освободив С.Н. Чернова от чтения лекций в Горьковском пединституте, Наркомпрос, оставил за ним руководство аспирантом¹³.

---

¹¹ Письмо С.Н. Чернова Е.Н. Кушевой от [26 июля 1939 г.] // Коллекция В.А. Соломонова.

¹² Из письма С.Н. Чернова Е.Н. Кушевой от 5 июля 1939 г. // Там же.

¹³ Письмо С.Н. Чернова Е.Н. Кушевой от 2 сентября 1939 г. // Там же.

Оставляя ГПИ, Чернов предлагал вместо себя «П.А. Садикова, чья работа об опричнине понравилась в Институте истории» (ЦАНО. Ф. 907. Оп. 1. Д. 1210. Л. 20–20об., 21); Е.Н. Кушеву (Там же. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 325. Л. 30об.), которой с

В эти же «горьковские» годы С.Н. Чернов по совместительству работал профессором Ленинградского Института народов Севера (ИНС) (октябрь 1938 г – сентябрь 1939 г.) и внештатным научным сотрудником Комиссии по истории Академии наук (КИАН) (май 1939 г. – август 1940 г.).

Последним пристанищем ученого после оставления им службы в Горьковском пединституте стало Детское Село (г. Пушкин), где он и скончался от голода 26 декабря 1941 года¹⁴.

За всю свою непродолжительную, но удивительно насыщенную событиями жизнь, талантливым исследователем было создано много ценных научных трудов, посвященных различным проблемам истории России периода феодализма, истории Саратовского края и Нижнего Поволжья. При этом особенно значительных результатов С.Н. Чернов достиг в изучении истории русского освободительного движения от преддекабристской эпохи до начала XX века¹⁵.

Разноплановым был круг интересов ученого и в горьковский период его биографии. Так, для научного заседания в пединституте, посвященного Шота Руставели, он подготовил доклад о связях Древней Руси и Закавказья¹⁶. В 1938 г. историк приступил к работе над темой «Нижегородский край в 1606–1611 г.»¹⁷, являвшейся продолжением штудий С.Ф. Платонова и П.Г. Любомирова, и над стать-

---

воодушвлением сообщал: «Студенты в Г[орьком] – замечательные; кабинет – хороший; в кабинете – лаборант и усердный, и изобретательный, а кроме того, и чертежник карт и всего прочего; декан – прекрасный; ассистент – умница; зав[едующий] каф[едрой], как все уверяют, болван, но снимается» (Письмо С.Н. Чернова Е.Н. Кушевой от 18 июля 1939 г.). В мае 1941 г. Сергей Николаевич рекомендовал для преподавания в ГППИ Бориса Михайловича Кочанова (ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 325. Л. 35об., 36об.). Однако все перечисленные протекции ученого в силу разных обстоятельств дальнейшего развития не имели.

¹⁴ О трагической судьбе С.Н. Чернова подр. см.: *Андреева Т.В., Соломонов В.А.* Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов. 1887–1941 / Отв. ред. А.Н. Цамутали. Саратов, 2006. С. 308–319.

¹⁵ См.: Список научных трудов С.Н. Чернова // Чернов С.Н. У истоков русского освободительного движения: Избр. статьи по истории декабризма / Под ред. Б.Е. Сыроечковского, И.В. Пороха. Саратов, 1960. С. 408–415.

¹⁶ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 325. Л. 2.

¹⁷ Там же. Л. 22, 26об.; Ф. 907. Оп. 1. Д. 1210. Л. 7об.–8, 13, 30–31. Статья намечалась для сборника, собираемого Н.М. Добротвором. Но из-за того, что свое отношение к нему Чернов изменил кардинально, а сама статья по причине долгого и мучительного писания приобрела большой объем, она не была опубликована вовсе.

ей о Нижегородском княжестве¹⁸. Сохранилось также упоминание о намерении Чернова подготовить для опубликования в Горьком совместный с Б.Н. Романовым словарь к «Судебнику» Ивана III и Ивана IV¹⁹. До последнего теплилась у него надежда устроить в каком-либо из местных изданий своего многострадального «Пестеля», статью-некролог о П.Г. Любомирове и сборник о декабристах²⁰.

Онако, у творческого наследия С.Н. Чернова, как и у него самого, сложилась трагическая судьба. Помимо научных сочинений, увидевших свет при жизни автора, немалое их число продолжало оставаться в виде подготовленных к печати рукописей или незавершенных набросков будущих эссе и публикаций. В годы немецко-фашистской оккупации г. Пушкина большая часть их погибла. Что случилось с ними, а также с богатейшей библиотекой и личным архивом ученого, до сих пор неизвестно. Уцелеть в жерновах войны чудом удалось лишь малой толике бесценного сокровища²¹.

***

Особую ценность для исследователей представляет эпистолярный архив С.Н. Чернова, расфрантованный по разным государственным и частным архивохранилищам, большая часть которого еще ожидает своих исследователей и публикаторов²².

---

¹⁸ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 325. Л. 25об., 26об.; Ф. 907. Оп. 1. Д. 1210. Л. 28–29об., 30–31.

¹⁹ Там же. Ф. 907. Оп. 1. Д. 1210. Л. 8–8об., 11. В 1938 г. кафедра истории народов СССР ППИ приняла решение об издании такого сборника (Там же. Д. 846. Л. 4). Позже в документах кафедры отмечалось, что сборник «Судебник Ивана III и Ивана IV» со вступительной статьей С.Н. Чернова сдан в печать (Там же. Л. 7). Однако в 1939 г. свет увидел сборник под иным названием – «Судебники Русского государства», автором вступительной статьи к которому значился Н.М. Добротвор.

²⁰ Там же. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 325. Л. 25об., 26, 29об.; Ф. 907. Оп. 1. Д. 1210. Л. 7, 23, 28–29об.

²¹ См.: Чернов С.Н. У истоков русского освободительного движения... С. 414–415.

²² Часть эпистолярного архива С.Н. Чернова была опубликована и уже стала достоянием ученого сообщества (См.: Андреева Т.В., Смирнова Т.Г. 1928–1935 годы в судьбе С.Н. Чернова (Письмо С.Н. Чернова П.Г. Любомирову от 9–10 ноября 1935 г.) // Деятели русской науки XIX–XX веков. Вып. 1. СПб., 2000; Письма С.Н. Чернова академику С.Ф. Платонову. 1923–1929 гг. // Чернов С.Н. Павел Пестель: Избр. статьи по истории декабризма / Сост., вступ. статья и коммент. Т.В. Андреевой, В.С. Парсамова. Отв. ред. А.Н. Цамутали. СПб., 2004; Письма С.Н. Чернова С.Ф. Платонову. 1915–1922 гг. / Вст. статья, публ. и коммент. Т.В. Андреевой и В.А. Соломонова // Деятели русской науки XIX–XX веков. СПб., 2008. Вып. 4.

По меткому определению А.И. Герцен, «письма – больше, чем воспоминания, на них запеклась кровь событий, это само прошедшее, как оно было, задержанное и нетленное»²³. Этот афоризм отнесется и к эпистолярному наследию С.Н. Чернова. Его письма позволяют судить о присущих русской интеллигенции типичных качествах – профессионализме и трудолюбию, чувстве ответственности за судьбы Родины и русского народа, высоких нравственных принципах и культурном уровне, разносторонности интересов и чистоте помыслов. Письма С.Н. Чернова содержат также сведения о событиях, связанных с переломными моментами в истории и жизни целого государства, являясь источником для научных исследований этих проблем. Исходя из этого, публикация личной переписки ученого представляется интересной и весьма значимой с научной точки зрения.

В настоящем издании представлена лишь малая толика бесценного эпистолярного сокровища – письмо С.Н. Чернова С.А. Архангельскому от 12 февраля 1940 г., хранящееся в личном архивном фонде последнего²⁴.

Публикуемый источник – это, по сути, исповедь талантливого, но во многих отношениях неустроенного и увлекающегося ученого-исследователя близкому ему по духу человеку, в котором органично переплелись сюжеты как делового, так и сугубо личного характера. Да и личность его корреспондента была в высшей степени неординарной.

Сергей Иванович Архангельский (10 (22).01.1882 – 7.10.1958) – специалист в области всеобщей и отечественной истории, член-корреспондент АН СССР (1946). Окончил в 1906 г. с дипломом первой степени историко-филологический факультет Московского университета и по праву считал себя учеником В.О. Ключевского, Р.Ю. Виппера, А.Н. Савина и Д.М. Петрушевского. В 1906–1917 гг. он преподавал историю и литературу в Нижегородской Мариинской женской гимназии. С 1917 г. – преподаватель (с 1934 г. профессор, зав. кафедрой всеобщей истории) Нижегородского (Горьковского) педагогического института, а с 1946 г. – профессор, первый декан и заведующий кафедрой всеобщей ис-

---

²³ Герцен А.И. Собр. соч.: В 30-ти томах. М., 1958. Т. VIII. С. 290.

²⁴ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 325. Л. 14–27об. Автограф.

тории историко-филологического факультета Горьковского университета²⁵.

В бытность С.Н. Чернова в Горьком С.И. Архангельский, занимавший должность декана исторического факультета ГГПИ, был крайне заинтересован в том, чтобы тот прочно закрепился в вузе и оставался его действующим сотрудником по-возможности более продолжительное время. Однако реализовать это намерение на практике в силу независящих от него обстоятельств он оказался не в силах.

Сближало двух ученых, побуждая их к доверительному общению между собой, и решительное неприятие конформизма в науке, нежелание слепо подчиняться антиисторическим схемам и догмам, исходившим из различных партийно-идеологических структур. Как и С.Н. Чернову в свое время, С.И. Архангельскому, по причине его беспартийности, также не удалось избежать в 1930-е гг. всевозможных проверок, нападок недоброжелателей и преследований со стороны официальной власти.

Публикуемый ниже документ приводится в полном объеме, с сохранением всех стилистических особенностей и необходимыми комментариями. Встречающиеся в тексте авторские сокращения раскрываются квадратными скобками.

*Публ. А.А. Кузнецова,
вступ. статья и коммент.
А.А. Кузнецова, В.А. Соломонова*

---

²⁵ О жизни и творческом наследии С.А. Архангельского см.: Кузнецов А. Сергей Иванович Архангельский (1882–1958): вехи научного пути // Пиренн А. Средневековые города и возрождение торговли / Пер. с англ. С.И. Архангельского. Н.-Новгород, 2009.

ПИСЬМО С.Н. ЧЕРНОВА С.И. АРХАНГЕЛЬСКОМУ
от 12 февраля 1940 года

Пушкин, Л[енинградской] О[бласти],
Октябрьский б[ульвар], д. № 83, кв. № 7.
1940, II, 12.

Дорогой Сергей Иванович!

Даже не знаю, как писать Вам, и в то же время страшно хочется, как-то чрезвычайно тянет Вам писать.

Начну, по профессии, сначала, а писать буду – просто.

В Горьком в прошлом году я дошел до полного, физического, переутомления. Никогда не забуду, как я дочитывал свои последние мартовские лекции...

Это был какой-то сплошной кошмар, а читал их я в день 6 и даже 8, – а 6 читал обязательно. Совершенно разбитый я вернулся домой. А здесь на меня обрушилась работа в ИНС'е и в Академии, – та и другая – спешная. Я буквально выбивался из последних сил. Понял, что бремя работы в 2 городах и 3 учреждениях – непосильное бремя. Понимал, что я должен порвать либо с Горьким, либо с Ленинградом. И не мог порвать ни с тем, ни с другим.

В это время, в апреле, я получил в Академии предложение штатной работы с 1 мая. Я отказался. На вопрос почему, отвечал, что устал и хочу летом 2 месяца отдыхать, чего буду лишен, приняв в Академии штатное место¹. Я рубил сук, на котором мог сидеть весь остаток моих лет и дней. Меня долго уговаривали на всякие комбинации, но без гарантии двухмесячного отдыха летом. Я отказывался. Тогда согласились дать мне летом 2-месячный отпуск (разумеется, без сохранения содержания). Вы понимаете, что я более не мог отказываться, но я все-таки выставил второе условие – предоставить мне возможность в 1939–40 уч. году провести в Горьком в общей сложности 2 мес[яца], ибо, и поняв, то мне уже непосильно сохранять Горький, я не считал себя в праве сразу же с ним порвать. Опять пошли уговаривания, на которые я не сдавался. И снова уступили. Я сохранил за собою право на преподавание в Горьком в течение 2 месяцев, – по крайней мере, на 1939–40 уч[ебный] год.

Вскоре после этого Вы приехали в Л[енинград]. Помнится, я был в гриппе, и это помешало нам встретиться в Пушкине. Но помню, что я написал Вам, прося побывать у меня. Вам как-то это не удалось,

и мы ограничились телефонным разговором – кажется, в самый день Вашего отъезда. Между тем, мне очень хотелось свести Вас с моим непосредственным начальником – директором Архива Академии, заместителем председателя КИАН'а и лично большим болваном, но хитрецом, Г.А. Князевым, чтобы закрепить достигнутое мною соглашение в его, так сказать, горьковской части. Я даже просил Вас, если окажется возможным – правда, увы, во время телефонного разговора – побывать у него, хотя бы и без меня и до конца договориться с ним. Однако у Вас, по условиям выезда, который тогда был очень сложен, не оказалось возможности его видеть.

А в июне в Академии на меня начался легкий нажим – чтобы я бросал Горький, так как, сохраняя его, я не смогу с тою быстротою, которая требуется, выполнить свою работу. В конце июня я был, как Вы помните, в Горьком. Тогда, вследствие анекдотической бестолковости Бонифация², я был в нем задержан на несколько лишних дней. Этого было достаточно, чтобы Князев навалился на меня с решительным требованием порвать с Горьким во что бы то ни стало. Дошло до того, что он бросал мне тяжелый упрек в корыстолюбии, в погоне за большим заработком. Я очень рад, что этот упрек был сделан мне при свидетелях.

А между тем я вернулся из Горького совсем не с теми настроениями, с какими в него этот последний раз ездил. Дело в том, что помимо той феноменальной бестолковости, которую он проявил в вопросе об экзамене Крюкова³, Бонифаций, к моему совершенному удивлению, вел себя на государственном экзамене студентов учительского института самым гнусным образом, намеренно загоняя в тупик студентов, чтобы получить возможность снизить им отметки для своей реабилитации в обвинениях в пристрастии к студентам основного отделения на их государственном экзамене⁴.

Я не сразу понял причину его чрезвычайной экзаменационной строгости. Но когда понял, был должен поставить перед собой вопрос, могу ли я продолжать работать в Горьком при таком недобросовестном начальнике.

Вот почему, как Вы, вероятно, помните, я то ли в самый день последнего экзамена, то ли на другой, то ли у Вас дома за чаем, то ли в кабинете Всеобщей истории, сказал Вам, что едва ли вернусь осенью в Горький. Я очень живо помню, как это тяжело подействовало на Вас. Помню, что Вы потом, после экзамена Крюкова, хотели получить от меня заверение, что в 1939–[19]40 г. я буду преподавать в

Горьком. Помню, Вы даже привлекли к беседе об этом Вашего славного завуча⁵. Но я уже не мог ни ему, ни Вам пообещать этого.

Потом, по дороге на вокзал, со мною о том же много говорил Крюков; он продолжал говорить об этом и на вокзале, до самого поезда. И признаюсь, что он несколько поколебал меня в создавшемся у меня настроении не возвращаться в Горький. Так я и уехал и ехал домой в этом неопределенном состоянии.

Признаюсь, что я любил и люблю Горький и его славное, замечательное студенчество, его институт и моих по нему товарищей. Признаюсь, что мне было трудно порывать с ним. И между тем я начинал не верить в возможность дальнейшей работы с Бонифацием, понимать, что как бы не складывались отношения, все же всегда и во всем между нами будет лежать учиненное им «избиение младенцев», их горе, их слезы – и все только для того, чтобы он мог стряхнуть от себя те тяжелые обвинения, которые ему в лицо бросили.

Мерзавец.

А приехав в Л[енингра]д, я попал в цепкие лапы Князева. С моим поколебленным настроением в пользу Горького, я оказался перед категорическим требованием оставить Горький. Первоначально я отвечал принципиальным согласием, но оставлял решающее слово за Горьким. Но он был непреклонен и, ссылаясь на мое промедление с возвращением из июньской поездки в Горький, требовал безоговорочного отказа от Горького. В своем поколебленном настроении я думал, как я осенью буду работать с Бонифацием: ведь, пожалуй, из нашей совместной работы уже не выйдет никакого добра и прока; а между тем я упущу возможность работы в Академии.

Раньше я думал, что у меня не хватит физических сил для работы на два города, а теперь я начинал думать, что в одном из них создавалась такая обстановка, при которой, вообще говоря, я не смогу работать без постоянных тяжелых осложнений. Раньше я ставил неизменным условием сохранение за мною на год возможности преподавать в Горьком, чтобы не создать ставшему родным Институту затруднений, а теперь я начинаю думать о том, что отныне вся моя работа в Институте будет окружена затруднениями всякого рода, массой их, толщею их, – до того, что станет невозможной.

В то же время товарищи, заинтересованные в том, чтобы я оставался в Л[енингра]де, боясь, что мой отказ дать безоговорочное согласие покинуть Горький, повлечет за собою мой уход из Академии, настаивали передо мною на принятии требований Князева.

Я должен сказать, что и работа, которая передо мною здесь расстилалась, и волновала, и увлекала меня; и мне было чрезвычайно трудно ее бросить.

Так все соединилось к тому, чтобы, я, наконец, дал безоговорочное согласие оставить Горький. И я его дал.

Того, что я его дал, я до сих пор не могу себе простить. И не потому, о чем буду Вам писать далее, а потому что считаю его актом некорректным по отношению к прекрасному горьковскому студенчеству. Если бы не то крайнее переутомление, в котором я находился летом, я, конечно, никогда бы не уступил ни настояниям Князева, ни уговорам товарищей, ни соблазнам работы, ни даже самой мерзости Бонифация. Увы, я был в состоянии чрезвычайного утомления, с утратой той способности сопротивления, которую всегда я умел противопоставлять всяким на себя покушениям. И до сих пор мне тяжело и стыдно перед моими дорогами студентами Горького.

Я должен теперь рассказать Вам о том, что имело место далее. Когда я дал согласие на требование Князева, он мне сообщил, что, к его сожалению, кажется, ему не удастся предоставить мне второго месяца отпуска, что уже предоставление одного месяца является делом, в сущности говоря, противозаконным, что предоставление второго, как ему было пояснено в соответственных инстанциях, кажется, является уже совершенно противозаконным и абсолютно недопустимым. Он добавлял, что, конечно, будет хлопотать о втором месяце отпуска для меня, но что совсем не уверен в удачном исходе своего ходатайства. А через некоторое время он мне сообщил, что все его справки и попытки ходатайства привели к одному: второй месяц отпуска никоим образом не может быть мне предоставлен. И вот в том состоянии безмерного переутомления, в котором я находился, я, прекрасно понимая, что все это – ложь и что Князев еще в апреле решил разыграть со мною эту ловкую игру, не стал хлопотать сам о предоставлении мне второго месяца отпуска и ограничился одними устными протестами перед лицом негодяя-обманщика. Теперь я сам удивляюсь этому, а тогда, при моей усталости «до столбов», при моем переутомлении свыше меры, я только и мог словесно протестовать.

Результаты всего этого были крайне печальные. Во-первых, во время месячного отпуска я должен был закончить для все того же Бонифация работу о Нижнем в 1606–1611 гг. – т.е. о Нижнем перед 2 ополчением. И я честно работал над этой статьей на паро-

ходе, который вез нас по Волге и Каме, дважды мимо Нижнего. И, оказалось, не смогу ее окончить. Между тем труда на нее я в этот месяц положил очень немало. В итоге, занятый ею, я совсем не отдохнул. Приехав домой в самом конце августа, я и дома работал над ней – в августе и начале сентября до окончания отпуска; потом продолжал работать над ней в сентябре, среди занятий в ИНС'е и Академии; в конце сентября я должен был оставить эту работу. Но в это время я был уже в очень тяжелом состоянии.

Я перехожу ко второму. Как я уже писал Вам выше, я, в сущности, совсем не отдохнул во время отпуска; я бы даже сказал, что только еще больше устал во время него от работы над нижегородской статьей. Внешне я приехал домой обветренным и посвежевшим по региону, но и это был очень дурной признак! – необыкновенно раздражительным. Я должен сказать Вам о себе, что, вообще говоря, я относительно довольно спокойный человек. Но то переутомление, которое я вынес из непосильной для меня работы 1938–[19]39 уч[ебного] года в Горьком и Ленинграде, еще весной 1939 г. вызвало во мне приливы сильной раздражительности; потом она летом сменилась апатией; теперь, после поездки, вернулась раздражительность. И я стал совершенно несносен. И вместе с тем на второй уже неделе сентября почувствовал себя почти негодным для работы человеком. Так, во мне параллельно, но в разные стороны, падала работоспособность и росла раздражительность. И я становился абсолютно негоден ни к работе, ни к служебным, ни к личным отношениям. Потом, во второй половине сентября, раздражительность пошла на низ, стала вновь появляться апатия, начало возникать безразличие. А работоспособность катастрофически падала... Когда в конце октября я, наконец, пошел к врачу, тот заговорил о необходимости совсем бросить работу и выходить на пенсию.

Я долго боролся, но пришлось отдыхать. Работы я не бросил, на пенсию не вышел, но прежняя работоспособность утратилась, вероятно, навсегда.

В конце декабря я сделал попытку возобновить, как надлежит, работу, но оказалось, сделать этого не в состоянии. Пришлось сойти на полурработку и никоим образом не выходить за ее скудные пределы.

В январе в морозы я тяжело прозяб и сильно простудился; начался бронхит. Сейчас он преодолен, но кашель и слабость остались и еще владеют мною. Работать могу – но мало и плохо. Сей-

час весь в истории Академии Наук, да в ИНС'овских лекция, но все идет медленно, с перерывами и провалами⁶.

В то время, как я впадал в крайнюю степень утомления, ко мне пришла Ваша открытка относительно областного П[едагогического] И[нститута]. Я тотчас же начал наводить справки, но, не успев их навести, окончательно впал в свою «летаргию». И до сих пор не ответил Вам. Я знаю, что – совсем нехорошо, не по-товарищески. Но утешаюсь тем, что все равно не выпустили бы из Горького, – ни за что. Все же очень прошу Вас извинить за молчание. Если же наведения справок и сейчас может предоставить для Вас интерес, сообщите мне – и я точно их наведу.

Еще об одном я должен Вам написать: я твердо помню, что я Ваш должник, но, к моему глубокому сожалению, сейчас не могу уплатить Вам моего долга. Я постараюсь сделать это, как смогу, скорее.

Теперь, кажется, все.

Прошу Вас верить моим добрым чувствам к Вам. Сердечно благодарю Вас за последнюю открытку и оттиск, который прочитал с живейшим удовольствием. Всегда вспоминаю вечера, которые проводил в Вашем уюте, и прошу Вас засвидетельствовать добрые мои чувства Анне Михайловне⁷, Юре⁸, Рите, Мухе, Золотаревым, Вашей домоправительнице. Очень прошу Вас кланяться всем, кого я знал в ГПИ, а особенно тому, кого я называю Михаилом Ивановичем, хотя он – и не М[ихаил] Ив[анович], а, кажется, Виктор Алексеевич⁹; это тот, относительно кого Ваша богоданная дочка¹⁰ считала, что если пришел я, должен прийти и он, и наоборот. Я был бы очень признателен Вам, если бы Вы передали мой сердечный привет моим чудесным студентам – теперь II, III, и IV к[урсов] основного отделения и II учительского. Я не знаю, как это сделать, но уверен, что Вы сумеете. Я был бы очень Вам благодарен, если бы Вы нашли возможным сказать им, что мне было очень тяжело расставаться с ними, что я всегда помню о них и что я горжусь ими и их ко мне добрым отношением. Вы бы очень меня обязали, если бы сказали им, что я их считаю прекрасными и верю в их большое педагогическое и научное будущее.

Но обрываю. Как в романах, слеза меня прошибает.

Пожалуй, я обращусь к Вам еще с одной просьбой. Я несколько раз писал Бонифацию (последний раз – заказное, с месяц тому назад, на ГПИ), прося вернуть мне оставшиеся у него мои работы: 1) о Пестеле¹¹ и 2) о Нижегородском княжестве и работу Елиз[аветы] Ив[ановны] Заозерской, сестры Ал[ександ]ра Ив[ановича]¹². Но он

до сих пор мне их не вернул. Мало того, он мне ничего не отвечает. Последнее – его дело; свинствовать он может, сколько хочет. Но у меня нет другого экземпляра «Пестеля» и в то же время есть возможность его, по надлежащем исправлении, печатать. У меня нет и другого экземпляра Нижегородского княжества, а и его мне хотелось бы предать тиснению. Что же касается работы Ел[изаветы] Ив[ановны] Заозерской, то я прямо нахожусь в необычайно тяжелом положении перед автором, которого буквально боюсь увидеть, ибо Ел[изавета] Ив[ановна] неоднократно просила меня вернуть работу ей, а Бонифаций не отдавал мне ее в Горьком, все обещая выяснить, нельзя ли ее напечатать, и не высылает теперь, несмотря на неоднократные просьбы с моей стороны.

Не могли ли бы Вы посодействовать немедленной высылке мне этих трех работ?

Пожалуй, и еще одно: не мог ли бы я напечатать в Горьком, в КоГИЗ'е или ГПИ, свое нижегородское княжество и свой Нижний перед 2 ополчением? Первая работка – менее листа, а вторая, возможно, листов 5. Если бы их напечатало ГПИ, я, конечно, был бы готов печатать их без всякого гонорара; за большим гонораром не гнался бы я и в КОГИЗ'е¹³. Первая работа носит научно-популярный характер. Вторая – довольно скрупулезное исследование.

Еще вот что: у Вас осталось мое «житие» П.Г. Любомирова¹⁴. Не захватите ли его с собою, когда поедете в Л[енинград]? Я все еще ношу с желанием его напечатать.

И еще одно, сейчас пришедшее в голову: я проработал в Горьком 2 года, но печатался только раз в его «Трудах»; мне кажется, что за мною остается право напечатать (конечно, бесплатно) еще одну работу в «Трудах» ГПИ. Если Вы полагаете, что я не ошибаюсь, не откажите сообщить, к какому времени Вы желали бы иметь работы. Более или менее готовы у меня следующие статьи: 1) «Из истории русско-хазарских отношений»¹⁵, 2) «Нижний в событиях 1606–1611 г.», о которой говорил выше, 3) кое-что по истории Академии Наук 1725–42 гг. и в начале XIX в.¹⁶, 4) кое-что о декабристах, 5) кое-что о Чернышевском (мелочи).

Ну, дорогой Сергей Иванович, теперь уже извините меня не только в неисполнении Вашей просьбы и долгом-долгом молчании, но и в этом огромном письме и в тех просьбах, с которыми к Вам обращаюсь, хотя сам не исполнил Вашей.

Еще раз привет Вам и Вашим, всем товарищам по Кабинетам и Институту, славным студентам ГПИ, около которых всегда мое место.

Всего лучшего Вам. А ГПИ – «*floreat, crescat*¹⁷» и прочее.

Крепко жму руку.

Всегда Ваш С. Чернов.

12–13.II.1940. Пушкин, Л[енинградской] О[бласти].

*Центральный архив Нижегородской области.
Ф. 6299. Оп. 1. Д. 325. Л. 14–27об. Автограф*

Примечания

¹ 17 марта 1940 г. И.И. Любименко писала С.И. Архангельскому: «1-го мая будет год, как ему [С.Н. Чернову. – А. К.] передала свою штатную должность, а он до сих пор не дал для нашей книги ни одной полной главы» (ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 215. Л. 28об.)

² *Бонифаций* – латинская калька фамилии-псевдонима *Добротвор* – употреблялась с иронией в переписке ученых.

Добротвор (наст. фам. Александров) Николай Михайлович (1897–1967), историк, представитель школы М.Н. Покровского, выпускник Института красной профессуры, ученик А.М. Панкратовой. В 1938–1967 гг. зав. кафедрой истории СССР ГПИ; с 1961 г. председатель Горьковского общества краеведов. О нем см.: Федоров В.Д. Жизненный путь профессора Н.М. Добротвора // Россия и Нижегородский край: Актуальные проблемы истории: Материалы чтений памяти Н.М. Добротвора 24–25 апреля 1997 г. Н. Новгород, 1998.

³ Крюков Михаил Васильевич, студент ГПИ, которого С.Н. Чернов намеревался устроить в аспирантуру.

⁴ Далее зачеркнуто: «Вы помните, что вечером в тот день, когда кончился экзамен, я за чаем у Вас сказал, что едва ли вернусь в Горький; я Вам тогда пояснил, что служит причиной моего нового настроения⁴. На другой день Вы пытались сами и через заведующего учебной частью».

⁵ Возможно, речь идет о Николае Петровиче Соколове (1890–1979), докторе исторических наук, основателе нижегородской школы истории стран Средиземноморья в древнее, среднее и новое время. После смерти в 1958 г. С.И. Архангельского – руководитель кафедры всеобщей истории ГПИ, позже – зав. кафедрой истории Древнего мира и Средних веков Горьковского университета. О возможном знакомстве С.Н. Чернова и Н.П. Соколова см.: Григорьева Е.А., Кузнецов А.А. Представители петербургской исторической школы в Горьковском педагогическом институте (проблема адаптации традиций исторических школ в советском образовании 1930–1950-х гг. // Мир историка: историограф. сб. Омск, 2011. Вып. 7.

⁶ Из письма И.И. Любименко С.И. Архангельскому от 17 марта 1940 г.: «Тоже, оказывается, происходит и в И[нститут]е Народов Севера, где он (С.Н Чернов. – *Авт.*) должен прочесть курс по XVI–XVIII ст., а в данное время дошел лишь до Грозного. Интересно, как было у вас в Горьком? Есть сведения, что семья сильно мешает его трудоспособности. Он такой талантливый и интересный ученый, что прямо обидно за него становится. Я от души хотела, чтобы он остался здесь, и радовалась, что содействовала этому, а теперь я почти жалею о своем поступке и для дела, и для него самого, т. к. это может кончиться каким-нибудь очень неприятным для него образом. Нельзя сказать, чтобы он не работал <...>, но результата от этого как-то не получается» (ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 215. Л. 28об.–29).

⁷ Архангельская Анна Михайловна (умерла в конце 1990-х гг.), третья жена С.И. Архангельского.

⁸ Племянник второй жены С.И. Архангельского. Родился в начале 1920-х гг. Окончив школу, поступил на исторический факультет МГУ, на один курс с С.О. Шмидтом. В 1939 г. был призван в армию, но уже в 1940 г. вновь вернулся в университет. В 1941 г. репрессирован.

⁹ Идентифицировать личность не удалось.

¹⁰ Маргарита, дочь третьей жены С.И. Архангельского.

¹¹ См.: *Чернов С.Н.* Павел Пестель: Избранные статьи по истории декабризма / Сост., вступ. статья, коммент. Т.В. Андреевой и В.С. Парсамова; Под ред. А.Н. Цамутали. СПб., 2004.

¹² Заозерская Елизавета Ивановна (1897–1974), историк, специалист в области социально-экономической истории России XVII в. В 1924–1930 гг. научный сотрудник и лектор ГИМ, в 1937–1970 гг. сотрудник Ин-та истории АН СССР. Сестра А.И. Заозерского.

Возможно, речь в данном случае идет о статье Е.И. Заозерской «Приписные крестьяне и крепостные на частных железных заводах в первой четверти XVIII в.» (ИЗ. М., 1941. Т. 12. С. 139–143).

Заозерский Александр Иванович (1874–1941), историк специалист в области социально-экономической истории России XVII–XVIII вв. В 1910–1918 гг. преподаватель Высших женских (Бестужевских) курсов, с 1918 г. профессор Петроградского университета, ученый хранитель рукописного отделения БАН. Арестован 7 марта 1929 г.

¹³ КОГИЗ (Книготорговое объединение государственных издательств) – книжные магазины, служившие местом встреч интеллигенции, которому были даны широкие полномочия в системе книгоиздательского дела. Он координировал всю книжную торговлю страны независимо от ее ведомственного подчинения. Его сеть должна была охватить все наиболее важные населенные пункты, и в первую очередь новостройки, промышленные объекты, крупные колхозы и совхозы. Перед КОГИЗ'ом стояла задача организации изучения спроса и потребности населения в книге. Он участвовал в тиражировании и тематическом планировании выпуска книг, в государственной ценовой политике, в экспорте-импорте изданий. В функции КОГИЗ'а входила также подготовка и повышение квалификации книготорговых кадров, разработка научной организации труда в отрасли.

¹⁴ См.: Соломонов В.А. «Отношение П.Г. [Любомирова] к университету было чрезвычайно бережным и любовным» (С.Н. Чернов о саратовском периоде жизни П.Г. Любомирова) // СКС. Саратов, 2002; Андреева Т.В., Смирнова Т.Г. С.Н. Чернов и П.Г. Любомиров // Деятели русской науки XIX–XX веков. СПб., 2003. Вып. 3.

¹⁵ Текст статьи утерян. См.: Список науч. тр. Сергея Николаевича Чернова // Чернов С.Н. У истоков русского освободительного движения. Саратов, 1960. С. 414.

¹⁶ Имеется в виду исследование С.Н. Чернова в связи с работой в КИАИ. Из письма И.И. Любименко С.И. Архангельскому от 7 марта 1946 г.: «Наш новый президент, кот[орый] состоит председателем Комиссии по Истории АН, твердо решил печатать в 1947 г. нашу историю АН. Но написана она чрезвычайно начерно, коллективом в 9 чел[овек], из которых больше половины погибло за войну. Прежний редактор А.И. Андреев – в Москве и очень занят всякими другими делами, к тому же он большой ученый, но совсем не литературный человек, что и сам признает. Т[ак] к[ак] лучшими главами по изложению признаны мои, Вавилов распорядился перебросить меня на этот год в Комиссию для отредактирования Истории. Но из редактирования получается писание заново многих глав. Я за неделю проделала колоссальную работу: перечитала рукопись милого, покойного, талантливейшего, но недисциплинированного Серг[ея] Ник[олаевича] Чернова (800 стр. – 1 глава). В свое время она была признана невозможной и дана на сокращение некоему киевскому Базилевичу (ныне тоже умершему), написавшему скучнейший конспект в 150 стр[аниц], с которым никто не знал, что делать. Я его просто забраковала, взяла хаотическую, но талантливейшую рукопись С[ергея] Н[иколаевича] и написала заново, с прибавлением многих пропущенных вопросов главу в 175 стр[аниц] – и это за 6 недель. Всем очень нравится. Теперь мне предстоит проделать тоже с другой главой тоже покойного, тоже неопределимо скучной и притом уже не талантливой. Очевидно, все XVIII ст. будет написано моей рукой, т. к. там 2 главы мои, да еще одна нашего бывшего редактора, очень неудачная, которую он сам меня просил дополнить и переделать» (ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 215. Л. 44–45об.).

¹⁷ Процветать, расти (лат.)

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Е.А. Вишленкова. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 384 с.: ил.

E.V. Vishlenkova isual ethnology of the Russian Empire or «Not everyone is able to see the Russian». M.: Not everyone is able to see the Russian». Moscow: New Literary Review, 2011. – 384 p.: il.

В исторической науке всегда существует особая потребность в исследовании переходных эпох в интеллектуальном развитии общества. Одна из них была пережита поколением, историческое время которого соединяло периоды Просвещения, Революции и Романтизма. Включенность российских интеллектуалов этого поколения, как и в целом отечественных элит, в осмысление культурных и политических процессов общеевропейского масштаба наряду с начавшимся определением собственного своеобразия создает потребность во всестороннем изучении интеллектуальной истории России конца XVIII – первой четверти XIX века. Переход от классицизма к романтизму, от концепций Просвещения к либерализму и консерватизму и от имперского дискурса к национальному вмещался в пространство жизни одного поколения (либо взаимодействия «отцов» и «детей»). Понятно, что восприятие этих сложных процессов современниками (которые, собственно, и были их активными творцами) не могло быть однозначным: идейное и культурное богатство эпохи составляло многообразие индивидуальных и коллективных способов переживания реальности и создание разных версий исторических событий. «Хрестоматийный глянец» в изображении «эпохи 1812 года», а также предшествовавшего ей периода, возникал позже, под пером мемуаристов, и в еще большей степени в исследовательской практике историков при наложении исторических результатов и последствий этой эпохи на ее непосредственную социальную и интеллектуальную реальность. Такое наложение неизбежно создавало «обман зрения», из-за которого исчезала многозначность смыслов, образов и эмоциональных реакций современников. Так, концепция войны 1812 года как войны «Отечественной» и «народной» оставляла в забвении «утраченные версии войны», одной из которых

была «сакральная» («библейская») версия¹. К тому же, термины и дефиниции, употребляемые современниками, также отличались многообразием версий и трактовок и, естественно, не совпадали с их современным пониманием: вариативность значений допускалась в отсутствии твердых соглашений по поводу терминологических обозначений. И вместе с тем, это сложное смысловое поле формировало единый мир людей, в котором все научные, социально-политические представления и концепции, как и образы художественной культуры, были связаны между собой гораздо более тесным образом, чем это можно представить из разрозненных исторических исследований, посвященных данным аспектам в отдельности. Думается, что новая монография Е.А. Вишленковой предоставляет читателю прекрасную возможность погрузиться в мир «образов восприятия» (по используемой автором классификации образов, предложенной Дж. Митчеллом²), получивших отражение в визуальной культуре России конца XVIII – первой четверти XIX века.

Исследование Е.А. Вишленковой, посвященное специфическому объекту изучения – графическим образам «России и русских» как части визуальной культуры сложной, переходной эпохи исторического развития, стало возможно благодаря использованию современных методологических подходов в гуманитарном знании. Хотелось бы подчеркнуть, что использование автором подходов и технологий исторического исследования, популярных в зарубежной науке, не является их механическим «переводом» в плоскость российской истории и ее источников, но напротив, отличается открытым, свободным и творческим характером.

«Методологическое пространство» монографии Е.А. Вишленковой определяется, во-первых, использованием имагологического подхода и фокусированием внимания на категории «воображаемого»³ и, соответственно, на «образах восприятия» в пространстве имперского и национального мышления, во-вторых, определением специфического поля исторических источников, оставленных в рамках «визуальной культуры» изучаемой эпохи. Историк исходит из того, что произведения искусства не фиксировали дейст-

---

¹ См.: Вишленкова Е.А. Утраченная версия войны и мира: символика Александровской эпохи // *Ab Imperio*. 2004. № 2; Парсамов В.С. Библейский нарратив войны 1812–1814 годов // *История и повествование: Сб. статей*. М., 2006.

² См.: Mitchell J.T. *Iconology: Image, Text, Ideology*. Chicago, 1986. P. 10.

³ См., напр.: Андерсон Б. *Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма*. М., 2001.

вительность, а создавали воображаемую (желаемую) реальность. Таким образом, предметом исследования Е.А. Вишленковой стало «этническое, национальное и имперское воображение россиян в пространстве визуального» (с. 9). Методология изучения визуального языка описания народов Российской империи и русской нации, действительно, расширяет панораму исторических исследований и обогащает новым опытом научного письма (с. 7, 9). Графические образы «народоведения» рассматриваются автором монографии как значимая часть внедрения национального проекта российских интеллектуалов эпохи Просвещения и начала Романтизма, делавшая абстрактную идею нации зримой и очевидной, эмоционально насыщенной, и потому ставшая важным орудием культурного манипулирования сознанием соотечественником посредством художественных практик.

«Объемность и многомерность» созданной Е.А. Вишленковой реконструкции интеллектуальной реальности достигается тем, что предметом ее исследовательского внимания в равной степени являются графические образы империи, нации, народов как объект интеллектуального творчества, отечественные элиты как субъект этого процесса («производители образов»), дискурсивные практики в качестве «языка» описания народов и нации и, наконец, предполагавшиеся в качестве адресата национального проекта «потребители образов». Последний из перечисленных элементов в панораме авторского исследования, безусловно, самый трудный для изучения: тем более важным представляется акцентировать выводы и наблюдения историка, относящиеся к сюжетам о социальных контактах элит с «низами», о проектах воздействия на сознание простонародья посредством «карикуры 1812 года», о трансформации графических образов «народоведения» в различных сферах народной культуры (лубок, народные ремесла и т.п.)

Монография Е.А. Вишленковой существенно обогащает современную историческую науку, расширяя ее исследовательскую проблематику. Автор включает в пространство формирующегося направления изучения визуальной культуры⁴ новый хронологи-

---

⁴ См., напр.: Григорьева А.В. Понятие и феномен визуальной культуры // Вопросы гуманитарных наук. 2008. № 6. С. 338–340; Лантеева М.П. Интеллектуальный контекст методологических «поворотов» гуманитарного знания рубежа XX–XXI веков // История и историки в пространстве мировой культуры XVIII–XXI веков: Сб. статей / Под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой. Челябинск, 2011. С. 16–17.

ческий период российской истории (до настоящего момента преимущественно изучалась визуальная культура либо средневековья, либо XX века⁵) и новый объект исследования – графические образы «России и русских». В связи с этим следует признать заслугу автора и в том, что книга способствует преодолению существующего дисбаланса в изучении «имперских» сюжетов отечественной истории: к настоящему времени окраины и нерусские народы Российской империи изучены гораздо более основательно, нежели ее «центр» и «титальный этнос» – русские.

Следует подчеркнуть междисциплинарный характер исследования Е.А. Вишленковой. Его источники, проблематика, терминология и методология захватывают границы истории, этнографии, культурологии, антропологии, искусствоведения, семиотики. Так, автор высказывает мнение о том, что «графические образы России образуют коммуникативную систему со сложной знаковой кодификацией, что пробуждает рассматривать их в качестве языка и ограниченно применять к ним методы семиотики и лингвистики» (с. 12). В связи с этим нельзя не отметить то обстоятельство, что автор книги о визуальном народоведении Российской империи предвидит возможность неоднозначной реакции на нее специалистов различных областей гуманитарного знания, опасаясь «столкновения дисциплинарных интересов». В особенности такого рода размышления историка относятся к предполагаемым откликам искусствоведов. (с. 15). Остается надеяться, что книга вызовет интерес и, возможно, конструктивную критику со стороны специалистов в области теории и истории искусства, а их мотивация будет определяться не желанием отстоять упоминаемые Е.А. Вишленковой «незыблемые концепции традиционного искусствоведения», а открытостью к интеллектуальному диалогу.

Отдельного упоминания заслуживает проявленное автором внимание к терминологии исследования. Научно плодотворным является стремление историка избегать употребления терминов, соответствующих более поздней языковой реальности и конкретному научному контексту (таких как «этнос», «племя», «нация») и заменять их «нейтральными аналитическими категориями» («группа», «народ», «общность», «сообщество»), выступающими в качестве «заместителей» для современных понятий «идентичность» и «идентификация» (с. 19).

---

⁵ См.: Нарский И.В. Фотокарточка на память: семейные истории, фотографические послания и советское детство (автобио- историограф. роман). Челябинск, 2008.

Удачной и продуманной представляется структура монографии. К тому же, рубрикация глав и их внутренних частей подчинена интересам развития сюжетной линии авторского повествования о своем предмете исследования и содействует тому, чтобы сделать увлекательным, наполненным открытиями и постоянной работой мысли сам процесс чтения книги. Внимательное отношение автора к своему читателю является несомненным достоинством книги. В целом же структура монографии является попыткой совместить проблемный принцип изложения с хронологическим, соотнести разговор о формах «упаковки» графических образов народоведения в конкретные формы и жанры искусства с исследованием вопроса об эволюции их внутреннего содержания. В результате, читатель, следуя логике автора, последовательно узнает об особенностях «костюмного жанра» в описании народов Российской империи, об отражении «своих» и «чужих» в карикатуре двенадцатого года и о теоретических дискуссиях современников о «русской школе» в искусстве.

Е.А. Вишленкова определяет два ведущих фактора, которые влияли на последовательный интерес интеллектуалов – «производителей образов» к графическому изображению империи и населяющих ее народов. Во-первых, это своего рода «заказ власти», результат заботы Екатерины II о создании «государственной нации» «россиян» и поисков общеимперской солидарности. Во-вторых, это сложное воздействие общей культурной ситуации эпохи Просвещения и состояния научных представлений того времени. Е.А. Вишленкова подчеркивает тот факт, что описание населения Российской империи обрело системный и инструментальный характер благодаря Академии наук и «в силу потребности перевести рассказ о нем на язык западной культуры» (с. 33). Автор убедительно показывает, как общее стремление современников к рациональному упорядочиванию пространства проявилось в конструировании системы вещей, природных явлений, животных и растений, и точно таким же образом – народов и культур, «школ» в искусстве и науке и т.п. Здесь вновь следует отметить мастерское умение автора объяснять свой предмет исследования исходя из общего миропонимания эпохи. Читателя наверняка заинтересует в тексте книги наблюдение о том, как на процесс «создания тел» народов Российской империи повлияли классификация живых организмов К. Линнея или жанровые крестьянские сцены нидерландских живописцев.

«Создание тел для народов Российской империи» Е.А. Вишленкова изучает на примере «костюмного жанра», получившего отражение в изданиях Х. Рота «Открываемая Россия», И.Г. Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов» и др. Автор приходит к выводу о преобладавшей стратегии обобщения народов империи в качестве однопорядковых элементов имперского многообразия и вместе с тем о незавершенности процесса визуального восприятия с характерным смещением этнических, территориальных и социальных признаков в определении общностей. Взору современников представляли «калужский купец», «российский крестьянин» и т.п.

В первых главах монографии основательно проанализированы «костюмные» образы народов России и «жанровые сцены» описания их жизни в рамках общей стратегии «ориентализирующей россики». Е.А. Вишленкова внимательно фиксирует внимание читателя на порой едва уловимых особенностях графических образов, которые в совокупности дают основание видеть в них «дискриминационную насмешку, столь характерную для колониальных описаний» (гротеск в изображении русских, и особенно нерусских народов империи, искажения в пропорциях тел и необычные для европейского зрителя позы как способ отчуждения образов «других», показ народа через детские игры и сцены наказаний как указание на низкое место на «цивилизационной шкале» и т.п.) (с. 94–104). Таким образом, «ориентализирующая россика» рассмотрена автором в качестве фактора, травмировавшего чувства отечественных элит и создававшего обостренную потребность «внутреннего видения» «россиян». Этот процесс совпал по времени с общеевропейскими изменениями в интеллектуальном развитии общества: наступала «эра романтического национализма», которая учила искать в облике народа идеальные традиции древнего быта «всегда бывшей» нации. В связи с этим Е.А. Вишленкова исследует новый, российский опыт графического описания человеческого разнообразия, получивший отражение в альбоме Е.М. Корнеева «Народы России» (1812 г.), в котором был зафиксирован «внутренний, страстный взгляд» на империю и рисовалась картина богатой культурной традиции русского народа.

Особенно удачную часть монографии представляет собой глава, посвященная исследованию образов «своих» и «чужих» в «карикатуре двенадцатого года». Наблюдения и выводы Е.А. Вишленковой обогащают современные представления о русском обществе в

1812 г. и предлагают дополнительный интересный и добротный материал к дискуссиям историков о «народном» характере войны как историческом факте либо одной из идеологием эпохи⁶.

Автор монографии подчеркивает, что в 1812 г. в карикатуре как жанре, работающем с визуальными метафорами и представляющем большие возможности для коллективного полупрофессионального творчества, западная культура впервые была представлена как отторгаемая форма реальности. Кроме того, Е.А. Вишленкова выявила в образах политической карикатуры присутствие гендерных категорий семьи, любви, дружбы, братства. Они использовались в качестве способа интерпретации общих ценностей в условиях ускоренного процесса коллективной самоидентификации, который был естественным и необходимым явлением в «экстремальных условиях физической опасности» (с. 154–155, 209 и др.).

Убедительной представляется аргументация версии о том, что политическая карикатура 1812 г. составила значимую, «визуальную» часть проекта интеллектуалов, связанных с изданием «Сын Отечества» (среди которых были Н.И. Греч, А.И. Тургенев, А.Ф. Воейков и др.). По мнению автора монографии, это был проект информационного обеспечения и управления сознанием современников в условиях, когда в отсутствие официальных сведений о ходе войны пространство России заполнялось слухами. Самостоятельное научное значение имеет высказанная Е.А. Вишленковой гипотеза: «интеллектуалы сочли, что отсутствие административной власти на занятых врагом территориях могло быть скомпенсировано созданием сети устной коммуникации с простонародьем» (с. 160). В книге аргументируется предположение о том, что карикатуры 1812 г. предназначались «для озвучивания в многолюдных местах» и, по замыслу «Сына Отечества», сатирический рисунок становился «медиатором в общении элит с неграмотными соотечественниками» (с. 209). Е.А. Вишленкова на основе тщательного анализа общественно-политического содержания и образной системы карикатуры 1812 г. показала, как художники «творили миф о гражданской нации и народной войне в России» (с. 162), проявляя усиленное внимание к формированию внесловной солидарности нации в условиях войны.

---

⁶ См., напр.: *Искюль С.Н.* К характеристике русского общества в 1812 г. // *Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX века: исследования, историография, источники.* СПб., 2009.

Раздел монографии о «своих» и «чужих» в карикатурах 1812 г. наполнен замечательными примерами интерпретации их идейного и политического звучания, воссозданием системы визуальных метафор и тонкими наблюдениями о том, как и почему разные явления были показаны или не показаны художниками. Так, читатель узнает о причинах отсутствия на карикатурах представителей власти и регулярной армии, о телесных признаках феминности в изображении французов, оттененных образами «сильных русских женщин», начинает понимать, почему пейзажи русских селений француза Х. Фабер де Фора были много «лиричнее и оптимистичнее» картины ветхих строений, представленной русскими карикатуристами и т.д.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что новое исследование Е.А. Вишленковой, несомненно, подарит читателю радость интеллектуального труда и открытий, будет востребованным в научных дискуссиях и составит интересную основу для профессионального и педагогического общения в университетской среде. Книга о визуальном народоведении Российской империи, являясь замечательным результатом применения новых исследовательских практик и технологий в гуманитарном знании, может послужить хорошим практикумом по современной методологии исторической науки. Монография Е.А. Вишленковой вполне отвечает высказываемому в настоящее время требованию к исследователю: быть внимательным к читателю «через придание научному тексту литературных достоинств и введение в него не только изложения научных результатов, но и самого процесса исследования, включая описание использованных подходов»⁷.

О.В. Кочукова,
кандидат исторических наук, доцент
Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

---

⁷ Ровный Б.И. Введение в культурную историю. Челябинск, 2005. С. 10–11.

В.В. Митрофанов:

I. С.Ф. Платонов и научно-краеведческие общества, архивные комиссии России: монография, Челябинск: Издательский центр юургу, 2011. – 322 с.;

II. Роль С.Ф. Платонова в развитии российской историографии в конце XIX – первой трети XX вв.: связи с научно-историческими обществами центра и провинции: Монография. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. Гуманит. Ун-та, 2011. Ч. 1. – 235 с.; Ч. 2. – 342 с.

V.V. Mitropfanov:

I. S.F. Platonov and communities scientifically-of regional studies, the archival commissions of Russia: the monography, Chelyabinsk: the Publishing center uurgu, 2011. – 322 p.;

II. S.F. Platonov's Role in development of the Russian historiography in the end of XIX – first third XX centuries: communications with scientifically-historical societies of the center and a province: the Monography. – Nizhnevartovsk: Publishing house NGGU, 2011. P. 1. – 235 p.; Ч. 2. – 342 p.

Большое влияние на современные процессы в исторической науке России оказывают поиски историками смысла гуманитарной науки как органической целостности. Наблюдается процесс рефлексии профессиональной историографии по поводу своих истоков и т.д. Историки обращаются к истории своей дисциплины, стремясь понять не только представлявших ее ученых, но и осмыслить их творчество в контекстах их современности и нынешнего дня. Яркой и в определенном смысле неисчерпанной до конца фигурой ученого остается в истории Сергей Федорович Платонов. После полузабвения в 1930–1970 гг. к Платонову вновь стали проявлять интерес специалисты в области историографии. Со второй половины 1980-х гг. исследовательский интерес к научно-организаторской деятельности, творческому наследию поступательно рос и продолжает неустанно развиваться. Одним из подтверждений тому могут служить труды нижевартовского историка В.В. Митрофанова.

Первая монография ученого, выпущенная в Челябинске, посвящена конкретным связям С.Ф. Платонова с новгородскими, тверскими, нижегородскими, псковскими, воронежскими истори-

ками, провинциальными исследователями севера европейской части России и деятелями губернских ученых архивных комиссий. В ней представлен богатый фактический материал, существенно дополняющий научную биографию С.Ф. Платонова, историю исторической науки в России. Во второй же книге, изданной в Нижневартковске, прослеживается стремление автора к концептуальному обобщению накопленного им материала и встраиванию его в общее историографическое русло современной науки.

Актуальность обеих книг В.В. Митрофанова, посвященных научным контактам историка С.Ф. Платонова с провинциальными краеведческими, просветительскими институтами и сообществами, несомненна. В них во всем многообразии раскрывается роль ученого в организации науки в столицах и в провинции и интеграции академической науки с местными исследователями.

В историографии долгое время не существовало цельной и законченной картины участия С.Ф. Платонова в работе Археологических съездов, в строительстве и развитии музейного дела в России. Достижения историографов в изучении обозначенных проблем имеют либо узколокальный (Псков, Новгород, Воронеж, Нижний Новгород, Тверь, Вологда, Крым), либо узкоспециальный (С.Ф. Платонов и археография, краеведение, архивное дело, Русское археологическое общество, Археологические съезды и пр.) характер. Сегодня возникла потребность историографической науки в обобщении результатов всех этих штудий. Успешный опыт подобного обобщения как раз и представлен в трудах В.В. Митрофанова.

Проведенные историографический и источниковедческий обзоры позволили автору рассматриваемых изданий квалифицированно сформулировать научную потребность в изучении обозначенных проблем и охарактеризовать источниковую обеспеченность данного академического проекта (I – С. 5–22; II – Ч. 1. С. 13–91). Он определил и теоретически обосновал три этапа научной биографии С.Ф. Платонова, сопряженных с его сотрудничеством с научно-историческими обществами и архивными комиссиями (II – Ч. 1. С. 14–23). При этом автор решительно отказался от внутренней периодизации биографии ученого, поскольку сотрудничество С.Ф. Платонова с деятелями и организациями провинции происходило на протяжении всей его жизни в науке вне зависимости от

социально-политических веяний: менялись лишь напряженность и формально-методическая сторона взаимодействия ученого с историческими (со)обществами.

Новизна мегатекста-2011 В.В. Митрофанова о С.Ф. Платонове, состоящего из двух книг и докторской диссертации¹, с точки зрения самого автора, тесно связана с перемещением методологического взора современной исторической науки с проблем социально-экономической и политической истории на историю проблем межкультурных коммуникаций (II – Ч. 1. С. 8). В это проблемное поле органично вписываются связи С.Ф. Платонова с научно-историческими обществами центра и провинции. Фокусирование внимания на этой проблематике позволило В.В. Митрофанову выявить, исследовать и представить много новых источников, исторических и историографических фактов. В их числе – неизвестные ранее факты просветительской и музееведческой деятельности С.Ф. Платонова, неучтенные ранее тексты историка, новые направления его исследований.

Методологический подход В.В. Митрофанова позволяет рассмотреть связи С.Ф. Платонова с обществами и комиссиями как систему, выявить количественные и качественные изменения в деятельности выдающегося ученого (II – С. 8). Принципиальные рассуждения автора о методе так называемого «локального исследования», обусловленного спецификой предмета исследования (II – Ч. 1. С. 11), и комплексности применения всех заявленных методов, методик и подходов (там же, С. 9, 11).

Структура обеих монографий В.В. Митрофанова позволяет возможность оптимально распределить источниковый материал для демонстрации результатов проведенных исследований. К тому же автор превращает историографический обзор в средство представления и периодизации жизненного и научного пути С.Ф. Платонова. При таком удачном подходе в историографическом исследовании монографии, статьи, публикации документов, посвященные жизни и научному творчеству историка, приобретают свойства историо-

---

¹ См.: Митрофанов В.В. Роль С.Ф. Платонова в развитии российской историографии в конце XIX – первой трети XX вв.: Связи с научно-историческими обществами центра и провинции. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Воронеж, 2011.

графического источника. Одновременно В.В. Митрофанов прослеживает накопление знания о С.Ф. Платонове. Анализ конкретных исследований соотносится с обобщающими трудами по истории отечественной исторической науки, что позволяет выявить типичное и особенное в биографии и научном творчестве С.Ф. Платонова, вписать эти черты в контекст историографических процессов в России последней трети XIX – первой трети XX века.

Биографию С.Ф. Платонова и обзор его научного творчества В.В. Митрофанов разграничивает на отдельные этапы: 1882–1899, 1900–1917 и 1918–1929 годов. Для каждого из них исследователь с опорой на историографию и публикации историографических источников указывает особенности отношений С.Ф. Платонова с историческими (со)обществами центра и провинции. В этом отношении наблюдается плодотворное пересечение собственно историографии с источниками.

Во второй главе «нижневартонской» монографии В.В. Митрофанов представил и обобщил наблюдения по поводу форм сотрудничества С.Ф. Платонова с научно-историческими обществами. Вопрос, отнюдь, не праздный. «С.Ф. Платонов был избран членом многочисленных обществ. <...> в одних С.Ф. Платонов просто числился, в других – принимал эпизодическое участие, в третьих – активно работал» (II – Ч. 1. С. 92–93). После представления богатого по фактам, разнообразного и объемного материала, автор приходит к закономерному заключению о том, что сотрудничество С.Ф. Платонова с различными научно-историческими обществами, как в центре, так и на периферии, это проявление : 1) признания научного авторитета историка; 2) важности форм коммуникативных связей, которые концентрировались вокруг титулованных особ; 3) своеобразия творчества ученого; 4) незаурядных организаторских качеств во всех ипостасях исторической науки – источниковедческой, археографической, публикаторской и просветительской.

Третья глава последнего по времени труда В.В. Митрофанова представляет С.Ф. Платонова как организатора археологических штудий в России рубежа XIX–XX века.

Показывая серьезность споров и дискуссий по важным вопросам российской истории, имевших место на Археологических съездах,

автор демонстрирует не только осведомленность в полемических сюжетах, но и наличие собственного обоснованного мнения по каждому из них. Только так можно было показать эрудированность С.Ф. Платонова, широту его научных интересов и глубину связанных с ними изученных научных тем, круг коллег, с которыми он общался. В.В. Митрофанов показывает С.Ф. Платонова как организатора Археологических съездов с начала XX в., раскрывает его роль в организации Археологических областных съездов в Ярославле, Твери, Владимире и Костроме. В результате проведенного исследования в этом направлении автор монографий пришел к весьма важному заключению: 1) роль С.Ф. Платонова в организации четырех областных Археологических съездов сводится к тому, что он сплотил для решения научных задач весьма пестрый и даже аморфный круг провинциальных краеведов; 2) С.Ф. Платонов в связи с работой съездов определил и вдохновил местных историков на изучение прошлого Владимиро-Суздальского края.

В монографиях В.В. Митрофанова немало страниц посвящено научным связям С.Ф. Платонова с историческими обществами Севера России. Автор по существу оказался первопроходцем и в изучении проблемы «Платонов и псковские краеведы», убедительно доказав, что псковская сторона жизни Платонова практически не исследована, хотя и много значила для самого ученого, любившего древний и славный город. В рецензируемых книгах содержится интересный материал о научном формировании новгородских историков и круга их интересов. О некоторых из них, например о Н.Г. Порфиридове, ранее можно было судить лишь по содержанию его собственных трудов. Подробно разбираются отношения С.Ф. Платонова с подвижниками в изучении древностей Архангельска, Вятки, Вологды, Перми и др. Большое внимание исследователь уделил вопросу отношениям Платонова с Губернскими учеными архивными комиссиями (ГУАК). В.В. Митрофанов провел кропотливую «работу над ошибками» коллег-предшественников, изучив огромный документальный, историографический и фактический материал. Особенно ярко это проявилось при рассмотрении роли С.Ф. Платонова в формировании нормативной базы ГУАК. В.В. Митрофанов показал неформальный характер отношений ученого с архивистами Крыма, Молдавии, Саратова, Симбир-

ска, Казани, Петербурга и др. городов. В полной мере учитывая разработки воронежских историков, В.В. Митрофанов проследил взаимодействие С.Ф. Платонова и Воронежской ГУАК, убедительно показав взаимосвязь трагического финала жизни ученого и разгрома местного краеведческого движения.

Шестая глава «нижневартонской» монографии оригинальна и по постановке проблемы (С.Ф. Платонов и музейное строительство), и по представленному в ней материалу, которые с несомненным интересом должны быть восприняты отечественными историками.

Историографические по жанру сочинения В.В. Митрофанова тяготеют к биографии, которая через образ крупного историка позволяет увидеть сложные процессы консолидации, организации и самоидентификации исторического сообщества России накануне революционных событий 1917 года. Однако опыт такого плодотворного сотрудничества оказался, увы, невостребованным, а во многом и преднамеренно отвергнутым новой властью.

Книги В.В. Митрофанова представляют С.Ф. Платонова принципиально иным столичным ученым, нежели распространенный тогда в России тип историка. С.Ф. Платонов одним из первых осознал тот потенциал, который таился в массовом движении самоорганизации любителей истории. Другим достоинством книг В.В. Митрофанова является изобилие, присутствующих в них реальных деятелей исторической науки, для каждого из которых автор обнаружил и привел необходимые сведения-характеристики. Автор книг выступает и как продолжатель историографической традиции, и зачинателя нового научного направления. Пропущенные через просопографические практики, полученные В.В. Митрофановым данные могут оказаться полезными для составления коллективного портрета провинциального историка России последней трети XIX – первой трети XX века.

Несмотря на очевидную научную значимость монографий В.В. Митрофанова, в их отношении следует высказать и ряд серьезных замечаний. В частности, автору необходимо было бы больше внимания уделить отношениям С.Ф. Платонова с Саратовской ГУАК, где трудились его непосредственные ученики – П.Г. Любомиров и С.Н. Чернов. Этот эпизод, кратко прописанный в трудах В.В. Митрофанова, представлен в монографии

В.А. Соломонова и Т.В. Андреевой². Совмещение выводов последних с архивными находками В.В. Митрофанова позволило бы выделить еще одно направление целенаправленной работы С.Ф. Платонова с провинциальными сообществами России – инкорпорирование в их среду своих учеников. Не до конца остался разрешенным и вопрос отношения С.Ф. Платонова к вновь создаваемым краеведческим структурам, руководимых из Москвы.

На протяжении последнего десятилетия в отечественной науке обозначился особенный интерес к новым теоретическим основам историографического исследования – к коммуникативным сетям, антропологии, научной биографики. Но книги В.В. Митрофанова за счет раздвижения историографических горизонтов показывают, что позитивизм не исчерпал своего потенциала в решении ряда историографических проблем, которые должны и могут быть преодолены путем историографической эвристики, адаптации новых находок к биографическим нарративам историков.

А.А. Кузнецов,
доктор исторических наук, доцент
Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского

---

² См.: *Андреева Т.В., Соломонов В.А. Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов / Отв. ред. А.Н. Цамутали. 1887–1941. Саратов, 2006*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бикташева Алсу Назимовна, доктор исторических наук, профессор кафедры политической истории факультета истории НИУ-ВШЭ.

Боленко Константин Григорьевич, кандидат исторических наук, заведующий отделом редких книг, рукописей, фотофондов Государственного музея-усадьбы «Архангельское».

Виноградов Александр Сергеевич, аспирант кафедры истории России и краеведения досоветского периода исторического факультета Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского.

Гладышев Андрей Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Нового и Новейшего времени ИИиМО Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского.

Карначёв Михаил Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России исторического факультета Воронежский госуниверситета.

Кочукова Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России ИИиМО Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского.

Кузнецов Андрей Александрович, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой историографии и источниковедения Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского.

Ланской Григорий Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России новейшего времени факультета архивного дела ИАИ Российского государственного гуманитарного университета.

Луконин Дмитрий Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры туризма и туризма и культурного наследия ИИиМО Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского.

Митрофанов Виктор Владимирович, доктор исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин филиала Южно-Уральского госуниверситета в г. Нижневартовске.

Руднева Яна Борисовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Набережно-челнинского торгово-технологического института.

Соломонов Владимир Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России ИИиМО Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Степанов Юрий Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, культурологии и политологии Саратовского государственного аграрного университета им. Н.И. Вавилова.

Шестов Николай Игоревич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук юридического факультета Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

СПИСОК АББРЕВИАТУР И СОКРАЩЕНИЙ

<i>АВЕС</i> –	Археология Восточно-Европейской степи: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. В.А. Лопатина.
<i>АЕ</i> –	Археографический ежегодник.
<i>АН СССР</i> –	Академия наук СССР.
<i>Арх.</i>	Архив Санкт-Петербургского Института истории
<i>СПб ИИ РАН</i> –	Российской академии наук.
<i>ВАК</i> –	Высшей аттестационной комиссии.
<i>ВЕ</i> –	Вестник Европы (Москва).
<i>ВИ</i> –	Вопросы истории (Москва).
<i>ВИД</i> –	Вспомогательные исторические дисциплины.
<i>ВКП(б)</i> –	Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков).
<i>ГАВО</i> –	Государственный архив Воронежской области.
<i>ГАРФ</i> –	Государственный архив Российской Федерации (Москва).
<i>ГАСО</i> –	Государственный архив Саратовской области.
<i>ГППИ</i> –	Горьковский государственный педагогический институт.
<i>ГОПАНО</i> –	Государственный общественно-политический архив Нижегородской области.
<i>ГУАК</i> –	Губернская ученая архивная комиссия.
<i>ГЦММК</i> –	Государственный центральный музей музыкальной культуры имени М.И. Глинки (Москва).
<i>ЖМНП</i> –	Журнал Министерства народного просвещения.
<i>ИА</i> –	Исторический архив.
<i>ИАИ</i> –	Историко-архивный институт.
<i>ИВ</i> –	Исторический вестник.
<i>ИИиМО</i> –	Институт истории и международных отношений СГУ.
<i>ИНС</i> –	Институт народов Севера (Ленинград).
<i>КИАН</i> –	Комиссия по истории Академии наук (Ленинград).
<i>КОГИЗ</i> –	Книготорговое объединение государственных издательств.
<i>КПСС</i> –	Коммунистическая партия Советского Союза.
<i>МВД</i> –	Министерств внутренних дел.
<i>МГУ</i> –	Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

<i>МНП</i> –	Министерство народного просвещения.
<i>НА РТ</i> –	Национальный архив республики Татарстан.
<i>НАЭК</i> –	Нижегородской археолого-этнологической комиссии.
<i>НГУАК</i> –	Нижегородская ученая архивная комиссия.
<i>НКП</i> –	Народный комиссариат просвещения.
<i>ННОИМК</i> –	Нижегородское научное общество по изучению местного края.
<i>ОК</i> –	Общекультурные компетенции.
<i>ОР ИРЛИ</i> –	Отдел рукописей Института русской литературы.
<i>ОР РНБ</i> –	Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (С.-Петербург).
<i>ПК</i> –	Профессиональные компетенции.
<i>ПСЗ</i> –	Полное собрание законов Российской империи.
<i>ПСРЛ</i> –	Полное собрание русских летописей.
<i>РВ</i> –	Русский вестник.
<i>РГАЛИ</i> –	Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
<i>РГГУ</i> –	Российский государственный гуманитарный университет (Москва).
<i>РГИА</i> –	Российский государственный исторический архив (С.-Петербург).
<i>РО РИИИ</i> –	Рукописный отдел Российского института истории искусств (Санкт-Петербург).
<i>Сб. РИО</i> –	Санкт-Петербургское отделение Русского исторического общества.
<i>СГУ</i> –	Саратовский Государственный университет им. Н.Г. Чернышевского.
<i>СКС</i> –	Саратовский краеведческий сборник.
<i>СССР</i> –	Союз Советских Социалистических Республик.
<i>Тр. Н-В ОК</i> –	Труды Нижне-Волжского общества краеведения.
<i>Тр. СУАК</i> –	Труды Саратовской ученой архивной комиссии.
<i>Учен. зап. СГУ</i> –	Ученые записки СГУ.
<i>ЦАНО</i> –	Центральный архив Нижегородской области.
<i>ЦМЛ</i> –	Центральный литературный музей.

Научное издание

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 5

Под редакцией *А.В. Гладышева*

Ответственный за выпуск *Д.Е. Луконин*
Оригинал-макет и обложку подготовил *А.И. Жемков*

Подписано в печать 16.09.2012. Формат 60x84^{1/16}
Усл. печ. л. 14,58(16,25). Тираж 300 экз. Заказ № 282-Т

Типография Саратовского государственного университета
410012, г. Саратов, ул. Б. Казачья, 112А
(8452) 27-33-85